

Коллектив авторов

**Поляки в Пермском крае:
очерки истории и этнографии**

«Маматов»

2009

Коллектив авторов

Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии /
Коллектив авторов — «Маматов», 2009

В монографии на основе архивных, опубликованных в печати и полученных в результате полевых исследований этнографических источников рассматриваются особенности формирования, история и этнокультурные процессы у поляков в Пермском крае на протяжении XIX – начала XXI в. Впервые в коллективной монографии авторами показаны основные этапы формирования и миграций польского населения в Прикамье, его численность и расселение, особенности функционирования языка и этнической культуры как в прошлом, так и настоящем. Издание рассчитано на специалистов в области истории и этнографии, но будет интересно и широкому кругу неравнодушных к истории и этнической культуре читателей.

© Коллектив авторов, 2009

© Маматов, 2009

Содержание

К читателям	6
Введение	7
Глава I	17
Поляки в России и на Урале	17
Поляки в пермской ссылке	20
Поляки на государственной службе в Прикамье во второй половине XIX – начале XX в.	32
Поляки в г. Перми во второй половине XIX в.	36
Из истории католической общины г. Перми	43
Поляки в истории уездных городов Прикамья	46
Поляки в истории заводских и сельских поселений	50
Поляки Прикамья в материалах Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.	55
Поляки в Прикамье в годы Первой мировой войны	70
Глава II	82
Поляки в Прикамье в годы революции и Гражданской войны	83
Поляки в Прикамье и Белое движение	85
Поляки Прикамья в годы первых лет советской власти	87
Расселение и численность поляков в Прикамье в 1920-е гг.	89
Поляки в спецссылке в Прикамье в 1929–1936 гг.	94
«Немедленно арестовывать», или Поляки в годы массовых репрессий	101
Вторая мировая война в судьбах поляков	108
Глава III	123
Кто они, пермские поляки XXI в.?	123
Поляки в России и Прикамье по переписи 2002 г.	127
Этнологические процессы	130
Этноконфессиональные процессы	133
Особенности этнокультурного развития	135
Пермский центр польской культуры	141
Оглядываясь в прошлое и думая о будущем	145
Глава IV	148
Пуговица с дедова мундира	149
Портрет деда	152
Польские письма	155
Военные дневники Николая Бунды	160
Дом на Коммунистической	171
«Мы везде дома»	173
Заключение	178
Список источников и литературы	179

Коллектив авторов

Поляки в Пермском крае:

очерки истории и этнографии

© Коллектив авторов, текст, 2009.

© Издательство «Маматов», оформление, 2009.

* * *

W przekazywanej do rąk czytelnika monografii są przedstawione materiały, które odzwierciedlają życie Polaków w okręgu permskim zarówno z punktu widzenia kształtowania się procesów zachodzących w sferze etnokulturalnej, jak i w szerszym kontekście historycznym na odcinku czasu, który obejmuje wieki 19 i 20, włącznie z początkiem wieku 21.

Ta analiza naukowa ma solidne oparcie na źródłach archiwalnych, obszernych badaniach naukowców kilku kierunków.

Po raz pierwszy w monografii kolektywnej autorzy rozpatrują główne etapy imigracji ludności polskiej do Kraju Nadkamskiego, jego liczebność, miejsca rozsiedlania się, osobliwości miejscowego języka polskiego, kultury etnicznej zarówno dzisiejszej, jak i tej sprzed lat.

W monografii są zamieszczone dokumenty archiwalne treści etnograficznej, materiały folklorystyczne i inne.

Wydanie jest przeznaczone dla fachowców z dziedziny historii i etnografii. Lecz zarazem powinno zainteresować szersze kręgi ludzi, których nurtują problemy, białe plamy historyczne i etnokulturalne.

К читателям

Тому, что на Урале поляки живут давно и многие их поколения выросли своими корнями в культуру и быт нашего многонационального края, мы знаем немало подтверждений. О судьбах поляков на территории Западного Урала повествовали выпущенные нами в свет книги «Пермские поляки» (2001) и «Поляки Прикамья» (2004). В настоящее время возрос интерес к историческому и этнокультурному наследию, и монография, которую вы держите в руках, расширяет диапазон повествования и восполняет существующий пробел в изучении проживающих в регионе потомков (в основном) ссыльных поляков.

Книга состоит из четырех глав. Материалы в разделах расположены по основным блокам истории и этнической культуры: общие сведения о поляках, история формирования польских «островков» в Прикамье, современные этнокультурные процессы.

На страницах книги также отражена жизнь современной пермской Полонии, которая объединяет всех, кто не равнодушен к языку, культуре и традициям своей исторической родины.

Хочется выразить благодарность ученому, этнографу, доктору исторических наук А. В. Черных, а также коллективу авторов за разработку концепции книги, основательные архивные и этнографические материалы, качественную составительскую работу.

Надеемся, что наша новая книга вызовет живой читательский интерес.

Мария Старцева, председатель правления Пермского центра польской культуры

Введение

В предлагаемой читателю коллективной монографии «Поляки в Пермском крае» описываются история формирования и развития, этнокультурные комплексы и этнические процессы одного из более чем сотни народов Прикамья – поляков. Данная книга – вторая в серии исследовательского проекта «Этнодисперсные группы народов Среднего Урала», реализуемого Пермским филиалом Института истории и археологии УрО РАН. Первым изданием в рамках проекта стала монография «Немецкие хутора Прикамья»¹, посвященная истории формирования и традиционной культуре немецкого сельского населения Пермского края. Основная задача проекта – изучить становление и этнокультурное развитие этнодисперсных групп Среднего Урала в XIX–XX вв., их локальную специфику и современное состояние этничности и традиционной культуры. Выбор народов, этнодисперсные группы которых попали в поле исследовательского интереса (немцы, поляки, евреи, белорусы, эстонцы, цыгане, чувашаи), не случаен. Формирование их групп в Прикамье относится к периоду XIX – начала XX в. Эти группы существенно разнятся со старожильским населением территории, но, в отличие от современных мигрантов, в исторической перспективе достаточно давно освоили Пермский край, прошли процессы адаптации и аккультурации. Изучение их этнической культуры помогает понять, как именно проходили процессы становления на новой территории, как шло межэтническое взаимодействие и каковы его результаты. Все это крайне важно для выявления закономерностей этнокультурного развития региона.

Изучение этнических групп народов имеет глубокий научный и исторический интерес. В процессе расселения на огромных пространствах Евразии, в отрыве от метрополии, в иноэтническом окружении народы проявляли разные формы самоорганизации своей этнической группы. Исследователи отмечают и компактное расселение в условиях небольшой замкнутой группы в сельской местности, и дисперсное (рассеянное) расселение в условиях городской среды. При исследовании выявляются не только разные формы самоорганизации, но и факторы, способствующие их проявлению, степень и характер сохранения этнического самосознания, языка, традиционной культуры, воспроизводства этнической культуры в разных условиях. В процессе расселения на «чужой» территории культура народов приобрела локальные особенности, отражающие сложные многофакторные этнические процессы.

Однако изучение миграций, формирования новых этнических групп актуально не только в исторической перспективе. Оно связано с прикладными задачами этнологии на современном этапе, вызванными необходимостью осмысливать и изучать резко увеличившиеся миграционные потоки и межэтнические коммуникации. На основе исторической ретроспективы, сравнения различных этнических групп возможно делать выводы об общих закономерностях фор-

мирования, адаптации и развития этнических общностей, межэтнического взаимодействия, а также об их специфике в рамках данного региона. Исследование такого уровня поможет более глубоко оценить этническую и культурную историю Пермского края как в прошлом, так и настоящем.

Поляки, их история и этническая культура, ставшие объектом настоящего исследования, занимают особое место в этнокультурном пространстве Пермского края. Поляки – один из немногих народов Прикамья, который, хотя и активно осваивал Пермское Прикамье в XIX–XX вв., не создал компактные этноареальные группы и в большей степени был представлен городским населением. Поляки, за редким исключением, не принимали участие, в отличие от других народов, в сельской крестьянской колонизации региона. На протяжении XIX–XX вв. мы наблюдаем постоянный миграционный приток и отток польского населения. Это позволяет говорить о миграционных «польских волнах» в регионе, что также не могло не сказаться на специфике исторических и этнокультурных процессов. Характерной особенностью польского присутствия в Пермском крае был и тот факт, что значительная часть поляков в Прикамье и в XIX в. и в первой половине XX в. была расселена в регионе не по своей воле: это относится и к участникам польских восстаний XIX в., находящимся в пермской ссылке, и к раскулаченным и высланным на север Прикамья из западных областей Советского Союза в 1929-м и 1930-м гг., и к спецпереселенцам 1940 г. из восточных районов Польши. Историю и культуру Пермского края сегодня невозможно представить без того вклада, который внесли в нее пермские поляки. Галерея имен поляков, вписавших свой след в историю и культуру Прикамья, составит не один десяток. Среди них: архитектор и актер А. Б. Турчевич-Глумов; пермский губернский комиссар Временного правительства Б. А. Турчевич; участник польского восстания 1863 г., организатор первого книжного магазина в г. Перми Ю. Пиотровский; выпускник Варшавской консерватории, скрипач, дирижер, композитор Л. И. Винярский; поэт, композитор, один из основоположников отечественного джаза² Г. Р. Терпиловский и многие, многие другие.

Даже немногие приведенные факты свидетельствуют, сколь сложна и многогранна история и культура пермских поляков, сколь тесны связи Пермского края и польских земель.

Историю поляков в России нельзя назвать не изученной: историография этой темы достаточно обширна. Множество исследований посвящено истории поляков в С.-Петербурге, Сибири, на Северном Кавказе. Особенно большое число исследований появилось в последнее десятилетие. Центрами изучения польской истории и культуры в России, теперь уже традиционно, стали Москва и Санкт-Петербург, города и регионы Сибири, Северного Кавказа, Урала. Истории поляков в России посвящены монографии Б. С. Шостаковича³, Л. Базылева⁴, А. А. Боголюбова⁵, А. И. Селицкого⁶ и др.⁷, многотомные сборники документов⁸, сборники статей и материалов конференций⁹, отдельные научные публикации¹⁰. Целая серия исследований посвящена истории поляков на Урале¹¹. В то же время не все проблемы исторического развития поляков в России освещены равномерно как в региональном, так и общероссийском масштабе, и с разной полнотой изучены определенные исторические периоды истории поляков в России.

Многочисленные публикации раскрывают также историю поляков в Пермском Прикамье. Первые заметки о присутствии поляков в городах, о их вкладе в развитие Прикамья, о влиянии их культуры появились сразу по прибытии поляков на Урал в середине XIX в. Краткие сообщения о поляках, их нравах мы находим в главной региональной газете того времени – «Пермских губернских ведомостях»¹², а также в работах и воспоминаниях Д. Д. Смышляева и М. А. Осоргина¹³, в работах В. С. Верхоланцева¹⁴. Одной из первых тем, к которой обратились пермские ученые, следует назвать историю польской ссылки в Прикамье. И, хотя отдельные публикации на эту тему появлялись в периодической печати начиная с 1930-х годов¹⁵,

серьезное научное исследование этой темы относится к более позднему периоду, 1960 – 1990-м годам, и связано с именами пермских историков Н. Д. Аленчиковой и Е. Д. Харитоновой, которые внесли значительный вклад в разработку данной темы.

Во второй половине 1960-х годов в Прикамье, как и во всей стране, вышел ряд работ, посвященных, в том числе, истории пребывания поляков в ссылке (на Урале, в Сибири и Средней Азии). Особенно активизировался интерес к этой теме в связи со столетием Польского восстания 1863 года. В этот период были открыты новые источники, свидетельствующие о пребывании в Перми известных ссыльных польских революционеров. Среди исследователей следует отметить Н. Д. Аленчикову, выявившую в пермских архивах значительный комплекс документов о ссыльных поляках и впервые открывшую для всей страны факты о жизни в Перми известного польского деятеля Петра Сцегенного¹⁶. Исследования автора строились на архивных данных, значимость открытия которых оценивается по достоинству до настоящего времени. Необходимо отметить, что наибольшее внимание в исследованиях о поляках тех лет уделялось революционной, национально-освободительной составляющей их жизни, однако часто упускались сведения о быте, религиозной деятельности. Это объясняется спецификой исторической науки того периода, тесно связанной с идеологией государства.

Новый всплеск интереса к полякам Прикамья начинается в 1990-е годы, что связано как с активизацией самосознания пермских поляков, так и активизацией краеведческого движения. В это время значительно расширяется тематика исторических исследований. По-прежнему изучается история польской ссылки в Прикамье, однако появляются и новые темы, например такие, как изучение вклада поляков в развитие экономики, культуры, образования и науки Пермского края; начинает разрабатываться тематика польской истории в Прикамье в первой половине XX в., тема репрессий и депортации поляков в Пермский край; появилось значительное число биографических исследований. Историографию польского населения в Прикамье невозможно представить без вклада Е. Д. Харитоновой, подготовившей целую серию статей о периоде пермской ссылки поляков, их роли в истории и развитии культуры региона¹⁷. Истории поляков в Прикамье в XIX в. посвящен и ряд публикаций других авторов¹⁸. Значительным вкладом в изучение польской истории Пермского края стали исследования судеб и вклада в историю и культуру региона отдельных поляков, предпринятые В. Ф. Гладышевым (В. Сборовским)¹⁹, Д. Офицеровым²⁰, Л. Перескоковым²¹, А. Терехиным²² и др.²³ Большое число исследований последнего времени посвящено истории поляков в Прикамье в период репрессий 1930 – 1940-х годов, в первую очередь это исследования В. Н. Батяновского²⁴ и Л. А. Обухова²⁵, а также других авторов²⁶. Ряд публикаций раскрывает особенности современного общественного движения поляков Прикамья, а также посвящен особенностям становления и основным направлениям деятельности Пермского центра польской культуры²⁷.

Значимым событием в изучении пермской Полонии стал выход в начале 2000-х годов двух книг, полностью посвященных присутствию поляков на Пермской земле в XIX и XX веках: это «Пермские поляки» и «Поляки Прикамья»²⁸, подготовленные под редакцией В. Ф. Гладышева. До настоящего времени эти сборники можно считать наиболее насыщенными фактами, исследованиями, посвященными истории, персоналиям и вкладу поляков в развитие культуры региона. Несмотря на научно-популярный, публицистический характер многих статей, они достаточно полно охарактеризовали вклад поляков в историю Пермского края.

Следует отметить, что, несмотря на наличие значительного числа отдельных работ об истории и культуре поляков, истории поляков в Прикамье не посвящено ни одной комплексной научной монографии. Большинство имеющихся публикаций носит исторический характер, в то же время о пермских поляках нет этнографических исследований, раскрывающих не только

особенности формирования, но и сохранение и развитие этнического самосознания, дающих представление об этнокультурных комплексах.

Целью предпринятого исследования является изучение формирования и этнокультурных процессов среди поляков Прикамья в XIX – начале XXI в.

Задачи работы:

- показать особенности формирования польского населения региона, выявить основные факторы и характер миграционных и адаптационных процессов;
- выявить особенности расселения и численность польского населения в разные исторические периоды;
- охарактеризовать этнокультурные процессы в прошлом и настоящем, показать степень сохранения этничности и основных компонентов материальной и духовной культуры.

Территориальные рамки исследования определены современными границами Пермского края, в прошлом эта территория составляла западные уезды и города Пермской губернии (Чердынь, Соликамск, Пермь, Оханск, Оса, Кунгур).

Хронологические рамки предпринятого исследования охватывают период XIX – начала XXI в. Период XIX в. характеризуется уже не только отдельными фактами «польского присутствия» на территории Прикамья, но формированием значительного по численности польского населения в городской среде региона, становлением католической общины, значительными миграционными волнами, которые приводили поляков в Прикамье. Изучение этнокультурных процессов среди поляков Пермского края доведено по времени до начала XXI в., чем определена вторая хронологическая граница работы.

Для подготовки работы использовался широкий круг материалов, извлеченных из опубликованных источников, архивных собраний, полученных в ходе полевых исследований авторов. По каждому из рассматриваемых в монографии периодов сохранились источники, позволяющие достаточно полно реконструировать историю польского населения Прикамья.

Несомненную ценность для исследования представляют документы архивных собраний Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, г. Москва), Государственного архива Пермского края (ГАПК, г. Пермь), Государственного архива Свердловской области (ГАСО, г. Екатеринбург), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО, г. Екатеринбург), Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ, г. Пермь), Пермского краевого музея (ПКМ, г. Пермь), Суксунского районного архива (пос. Суксун Пермского края).

Значительную группу используемых документов составили дела о ссыльных поляках. Поскольку в XIX в. Пермская губерния являлась одним из мест ссылки участников восстаний в Польше, в Государственном архиве Пермского края (ГАПК), в частности фонде Канцелярии губернатора, отложились дела по высылке в Пермскую губернию отдельных повстанцев, рапорты полицмейстеров и уездных исправников и их переписка с губернатором о поведении ссыльных, переписка Канцелярии губернатора с Департаментом полиции МВД по вопросам организации надзора за ссыльными²⁹. Помимо дел о ссыльных, в фондах ГАПК отложились дела о поляках – служащих Пермской казенной палаты Министерства финансов³⁰ и Пермской дирекции железной дороги³¹ (отметим, что служба в финансовых учреждениях и особенно на железной дороге были традиционными занятиями поляков в Российской империи). Небольшая коллекция документов в фонде Римско-католической церкви и капеллана Пермского гарнизонного батальона позволяет представить некоторые особенности из конфессиональной жизни пермских поляков в XIX в.³² Кроме того, для исследования привлекались документы ГАПК фондов Пермского городского магистрата, Пермского губернского правления, Канцелярии пермского губернатора, Пермской палаты уголовного и гражданского суда, Пермской нотариальной конторы, Пермской губернской ученой архивной комиссии и др., содержа-

щие сведения о расселении поляков в Перми, в уездных городах губернии, об участии их в жизни городских поселений³³.

Документы, отражающие события начала и середины XX в., извлечены из архивных собраний РГАСПИ, ЦДООСО, ПермГАНИ. Отдельная группа источников касается истории поляков в Прикамье в начале 1920-х годов – времени существования при отделе агитации и пропаганды губернского исполкома Польского бюро. Сведения о его работе отражены в материалах ПермГАНИ, а также в фондах РГАСПИ. В РГАСПИ, в частности, сохранилась переписка пермского Польбюро с центральным Польским бюро при ЦК РКП(б)³⁴, в ПермГАНИ – отчеты о деятельности пермского Польбюро³⁵. Кроме этого, в фондах РГАСПИ нам удалось обнаружить сведения о численности поляков-коммунистов в Прикамье в 1930-е годы³⁶. Наиболее ценным источником по истории поляков в Прикамье в 1930 – 1940-е годы явились материалы следственных дел, хранящиеся в фондах ПермГАНИ. В них не только отражены особенности репрессивной политики советского государства, сведения об особенностях, времени и месте переселения поляков в Пермский край, но имеется много фактического материала, отражающего биографии людей того периода, их сложную жизнь и судьбы³⁷. Архивные материалы представляются основным источником для написания исторических разделов книги, особенно периодов XIX – первой половины XX в. Опубликованные источники представлены материалами переписей населения конца XIX–XX вв., списками населенных мест Уральской области, адрес-календарями и Памятными книжками Пермской губернии, сборниками и журналами земских учреждений, сборниками документов³⁸. Данные переписей позволяют проследить динамику численности и характер расселения поляков в Прикамье начиная с 1897 г. до 2002 г. Большая часть опубликованных переписных материалов содержит сведения об этническом составе населения региона, половозрастной структуре польской диаспоры, уровне владения языком, грамотности. Материалы переписей населения позволяют делать выводы о демографических и этнических процессах, происходивших в польской общине Прикамья в этот период³⁹.

В особую группу опубликованных источников, использованных при подготовке работы, входят материалы периодической печати. В пермских газетах, а также в отдельных статьях центральной прессы рассмотрены сведения о деятельности поляков в Прикамье в начале XX в., в период Первой мировой и Гражданской войн. Поскольку именно эти периоды слабо отражены в архивных документах, то периодическая печать отчасти восполняет информационные пробелы в истории поляков этого времени⁴⁰.

При подготовке исследования авторами также были выявлены и использованы материалы из музейных собраний. Наиболее ценными, раскрывающими особенности истории и жизни репрессированных и выселенных поляков в поселках севера Пермского края в непростой период середины XX в. представляются материалы аудиоколлекции мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36».

В коллекциях Пермского краевого музея авторы изучали личные фонды поляков, деятелей науки и культуры Прикамья, фотоматериалы. Материалы полевых исследований Суксунского районного музея, содержащие воспоминания информаторов о разных периодах истории района, также позволили достаточно полно представить роль и место поляков в истории и жизни этой территории Пермского края.

Значимыми для изучения как истории формирования польского населения, так и современной этнокультурной ситуации послужили материалы полевых исследований авторов в польской диаспоре Пермского края, проводившихся в городах Перми и Кунгуре. В ходе полевой работы было собрано значительное количество полевых материалов, охватывающих различные стороны истории появления поляков в Прикамье, миграционных процессов, этнического

и конфессионального самосознания, семейных традиций. Не менее важным источником представляются изученные в ходе экспедиции личные архивы, разного рода документы и иллюстративные материалы, предметы быта, также раскрывающие историю и этнокультурные процессы поляков Пермского края.

Только использование широкого круга разнообразных источников, используемых в исторических и этнографических исследованиях, позволило авторам решить поставленные задачи и проследить формирование и динамику миграционных процессов поляков Прикамья на протяжении более чем двух веков, выявить основные особенности «польского» присутствия на Пермской земле в тот или иной период.

Особенностью настоящего сборника очерков является также широкое использование и цитирование полевых записей бесед с информаторами, ярко и эмоционально раскрывающих как исторические судьбы, так и этнокультурное наследие пермских поляков. Публикация подлинных документов позволяет глубже и детальнее раскрыть особенности пермской истории поляков, почувствовать колорит и атмосферу того времени.

Монография состоит из введения, четырех основных глав и заключения. Предложенные главы последовательно отражают историю поляков в Прикамье, специфику этнокультурных процессов. В первой главе рассмотрены основные этапы формирования польского населения края в дореволюционный период, формирование и этнокультурные характеристики польского населения Пермской губернии даны на фоне исторических процессов того времени. Во второй главе рассматриваются процессы, характерные для первой половины XX в., связанные с революциями и Гражданской войной, первыми годами советского строительства, репрессиями 1930-х годов, событиями Второй мировой войны. Все эти события вызвали новые миграционные потоки польского населения. В третьей главе работы анализируются особенности и тенденции современных этнических процессов среди поляков Прикамья, в том числе изменение численности, характер расселения, функционирование элементов этнической культуры. Особое место в работе занимает четвертая глава исследования, подготовленная исключительно на основе полевых материалов. Очерки этой главы раскрывают непростые судьбы и семейные истории наших респондентов, показывают на конкретных примерах особенности бытования и сохранения этнических традиций.

Авторы надеются, что выявленные и собранные материалы и документы, как и само исследование, послужат дальнейшему обширному изучению разносторонней тематики уральско-польской истории и культуры, станут предметом будущего научного анализа для специалистов Польши и России.

Выход в свет книги, как и проведение исследования, наверное, были бы невозможны без помощи, поддержки и понимания многих. Среди этих людей в первую очередь следует назвать наших респондентов-информаторов. Именно они раскрыли в беседах сложные судьбы поляков на Урале, рассказали о семейных традициях, предоставили для изучения и публикации свои личные архивы и собрания. Особая благодарность директору и сотрудникам Государственного общественно-политического архива Пермского края, Пермского краевого музея. Особая признательность Л. В. Рябухо (г. Екатеринбург) за предоставленные материалы по Уральскому горному управлению. Авторы благодарят рецензентов и редактора книги и всех, кто принимал участие в ее подготовке. Искренняя благодарность руководителю Пермского центра польской культуры Марии Валентиновне Старцевой, оказавшей неоценимую помощь как в проведении полевых исследований, так и в подготовке и издании настоящей книги.

Примечания

¹ Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб., 2008.

² Лепоринская Т. Н. Поляки [Электронный ресурс]. // Пермский край: Энциклопедия. Пермь, 2008. Режим доступа: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803970142>

³ Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.): Учебное пособие. Иркутск, 1995.

⁴ Базылев Л. Поляки в Петербурге. СПб., 2003.

⁵ Боголюбов А. А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008.

⁶ Селицкий А. И. Поляки на Кубани: Исторические очерки. Издание Кубан. гос. ун-та. Краснодар, 2008.

⁷ Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль – октябрь 1917 г. М., 1965.

⁸ Ссылные поляки в Сибири: XVII, XIX вв.: Исследования и материалы. Новосибирск, 2007; Поляки в Бурятии. Т. 4. Улан-Удэ, 2003; Русско-польские революционные связи: В 2-х т. Т. 2. Восстание 1863 г.: Материалы и документы. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963.

⁹ Поляки в России: XVII–XX вв. Краснодар, 2003; Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007; Поляки в России: вехи истории. Краснодар, 2008; Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития. Улан-Удэ, 2003; Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.

¹⁰ Гапоненко В. В., Семенов Е. В. Польские политические ссылки в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в первой половине XIX в. Улан-Удэ, 2006; Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002; Казарян П. Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке. Якутск, 1999; Люцидарская А. А. Польские переселенцы в сельскохозяйственном освоении Томского уезда // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 32.

¹¹ Латытова В. В. Поляки на Южном Урале в годы Гражданской войны // Исторические чтения: Материалы науч. конф... Челябинск, 1998. Вып. 4; Галигузов И. Ф. Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск, 2000. Чевардин А. В. Судьба польских спецпереселенцев (1941–1943) в Уральском регионе // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 55. С. 226–233; Палецких Н. П. Поляки на Урале в годы Великой Отечественной войны // Тезисы докладов науч.-практ. конф. [посвященной 50-летию Победы]. Челябинск, 1995. С. 84–86.

¹² Мастерские из поляков, находящиеся в Пермской арестантской роте // Пермские губернские ведомости. 1864. № 13; Помощь воинам-полякам // Пермские губернские ведомости. 1916. 3 января (№ 2). С. 3; и др.

¹³ См.: Сборовский В. [Гладышев В. Ф.] Польское присутствие // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 109–118.

¹⁴ Верхованцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1913; Верхованцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 2002.

¹⁵ *Тр-в В.* [Трапезников В. Н.]. Польские повстанцы в пермской ссылке [в 1860-х – 1870-х гг.] // Звезда. 1936. 9 июня; *Вакатова Л.* Подвиг борцов за свободу // Звезда. 1963. 24 января; *Варзаков В.* Польские революционеры в Кунгуре: Из истории польского революционного движения // Сельская новь. 1963. 27 января.

¹⁶ *Аленчикова Н. Д.* Документы о Петре Сцеженном в ГАПО // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. С. 277–293; *Аленчикова Н. Д.* Обзор фондов Государственного архива из истории польской политической ссылки в Пермской губернии в XIX в. // Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе: Материалы науч.-практ. конф. Пермь, 1994. С. 119–129.

¹⁷ *Харитонова Е. Д.* Неизвестный польский ссыльный из повстанцев 1863 г. (Иосиф Юлианович (Юзеф) Пиотровский, 1840–1923 гг.): Основатель кн. магазина в г. Пермь. М., 1992; *Харитонова Е. Д.* Город Пермь в системе политической ссылки в XIX – начале XX в. // Город мой Пермь: Тез. науч.-практ. конф. Пермь, 1993. С. 6 – 11; *Харитонова Е. Д.* Документы Государственного архива Пермской области по истории польской политической ссылки // Архивы России и Польши: актуальные проблемы развития и сотрудничества. СПб., 1997. С. 89 – 103; *Харитонова Е. Д.* Книги и идеи А. А. Красовского попали в надежные руки // Петряевские чтения-1991. Тез. докладов. Киров, 1991; *Харитонова Е. Д.* Об участии архитектора Р. О. Карвовского в возведении Свято-Троицкой церкви в Перми // Татищевские чтения. Екатеринбург, 2001; *Харитонова Е. Д.* Библиотека польских ссыльных в Перми // История библиотеки – история страны: Тез. докл. и сообщ. науч. практ. конф., посвящ. истории библиотечного дела в Прикамье. 16 нояб. 1994 г. Пермь, 1995. С. 36–39; *Харитонова Е. Д.* Вклад в развитие культуры края польской диаспоры Перми // Культурная жизнь Прикамья XIX–XX вв.: Тез. докл. заседания “круглого стола”. Пермь, 1996. С. 37–40; *Харитонова Е. Д.* Ссыльные поляки в Кунгуре // Пермская губерния: история, политика, культура, современность: Тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф.: (К 200-летию образования губернии). Кунгур, 1997. С. 52–53. *Харитонова Е. Д.* След польских ссыльных [в Перми] // Вечерняя Пермь. 1993. 12 февраля, 3 августа; *Харитонова Е. Д.* Библиотека польской диаспоры [в Перми] // Вечерняя Пермь. 1995. 14 февраля; *Харитонова Е. Д.* Первый книжный магазин в Перми // Урал, 1984. № 11; *Харитонова Е. Д.* Урал поляков не забудет // Вечерняя Пермь. 1995. 14 июня.

¹⁸ *Ремезовская Т. Б.* Сведения о немцах, поляках, евреях, проживавших на территории Пермской губернии (1823–1917 гг.) // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России: Тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 1995. С. 170–171; *Орлова-Шишневская С. А.* Участники восстания 1863 г. в пермской ссылке // Путь в историю, пути в истории... Пермь, 2002. С. 121–138.

¹⁹ *Гладышев В. Ф.* Трижды реабилитирован: [О Г. Р. Терпиловском] // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 75–99; *Гладышев В. Ф.* На краю Европы // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 101–102; *Гладышев В. Ф.* «Пристань всяких инородств» // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 103–108; *Сборовский В.* [Гладышев В. Ф.]. Польское присутствие // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 109–117; *Гладышев В. Ф.* Кто не знал Людвига Ивановича!: [О Л. И. Винярском] // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 27–33; *Сборовский В.* [Гладышев В. Ф.]. Польское присутствие // Вечерняя Пермь. 2001. 26 апреля. С. 2–3; *Сборовский В.* Губернский комиссар // Поляки Прикамья. Пермь, 2004; *Сборовский В.* Палитра как соломинка // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 104–107; *Гладышев В. Ф.* «Забрал в свои руки все управление» // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 107–115; и др.

²⁰ *Офицеров Д.* «Замурованный в Перми»: [О И. Р. Калиновском] // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 21–26.

²¹ *Перескоков Л. В.* И архитектор, и актер...: [О А. Б. Турчевиче-Глумове] // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 34–44.

²² Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь, 2003.

²³ См. публикации в книгах: Пермские поляки. Пермь, 2001; Поляки Прикамья. Пермь, 2004.

²⁴ Батяновский В. Н. Положение депортированного польского населения на Урале в 1940–1941 гг. // Славянский мир на рубеже тысячелетий: Материалы 4-й Междунар. науч. конф. Пермь, 1999. С. 31–32; Батяновский В. Н. Правовое и материальное положение польских спецпереселенцев на Урале в 1940–1941 гг. // Вестник Пермского университета. 1999. Вып. 4: История. С. 75–86; Батяновский В. Н. Депортация польских граждан в Пермскую область: (1940–1941) // Политические репрессии в истории России: Тез. науч.-практ. конф. Пермь, 2000. С. 71–74.

²⁵ Обухов Л. А. Будриса объявили главарем: Большой террор: «польская операция» (1930–1940 гг.) // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 66–73; Обухов Л. А. Польша была и будет // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 94 – 100.

²⁶ Бочковский Ф. Конвейерный допрос // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 50–56.

²⁷ Устав Пермского Центра польской культуры: [Принят на учредит. собр. в 1994 г.] // Межэтнический мир Прикамья: Опыт этнополит. деятельности адм. Пермской обл. Т. 2. Пермь, 1996. С. 178–182; Старцева М. Польский культурный центр // Жизнь национальностей. 2001. № 4. С. 22; Романовский А. Как все начиналось // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 89–92.

²⁸ Пермские поляки. Пермь, 2001; Поляки Прикамья. Пермь, 2004.

²⁹ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1023. Дело о высылке в Пермскую губернию под гласный надзор полиции крестьянина Полтавской губернии Соколенко за организацию связи заключенных с революционерами; д. 874. Дело о воспрещении жительства в Пермской губернии Екатеринбургского уезда Лисовскому А. П. согласно положению об охране 1903 г.; д. 400. Рапорты уездных исправников и ведомств о лицах, состоящих под надзором полиции в Пермской губернии; д. 1139. Дело о переводе в г. Пермь поляка Юстина Михайловича, высланного за участие в польском восстании в Тобольскую губернию; д. 1140. Циркуляры о запрещении полякам носить траур по поводу политических событий 1863 г.; д. 1141. Дело по обвинению из г. Ялуторовска Тобольской губернии ссыльных поляка Крупского, Балакшина и уроженца г. Осы Некрасова; д. 1144. Донесение губернского секретаря Белдыцкого о существующей в городе Чердыни Польской антиправительственной партии; д. 1152. Дело К. В. Барабиша – ссыльного поляка; д. 1156. Дело о высланном под надзор полиции в Пермскую губернию за участие в политической демонстрации в г. Варшаве студенте Варшавского университета Гнус И. Е.; д. 1159. Дело о высланном под надзор полиции в Пермскую губернию за участие в политических демонстрациях в г. Варшаве Бригевич В. И.; д. 1160. Циркуляры Департамента полиции и пермского губернатора об освобождении от полицейского надзора лиц, отбывающих наказание за участие в польских восстаниях 1863 г., и рапорты уездных исправников; д. 1157. Дело о высланном под надзор полиции в Пермскую губернию за участие в политической демонстрации в г. Варшаве Жмигродском Г. К.; и т. д.

³⁰ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 891. Дело о службе бухгалтера Оханского Казначейства Петра Степановича Флеровского; д. 917. Дело о службе Михаила Николаевича Цишевского; д. 995. Дело о службе Мечислава Антоновича Яржиновского; д. 1001. Дело о службе Александра Станиславовича Ястржембского; д. 994. Дело о службе Бориса Мефодиевича Яновича; и т. д.

³¹ ГАПК. Ф. 338, оп. 1, д. 3. Формулярный список о службе счетного чиновника контролера Пермской железной дорогой Губернского секретаря Николая Оттоновича Мицкевича; д. 14. О службе помощника контролера А. С. Костенецкого.

³² ГАПК. Ф. 504, оп. 1, д. 1. Выписка из метрических книг; ф. 688, оп. 1, д. 1 – 10. Метрические книги.

³³ ГАПК. Ф. 22. Пермский городской магистрат, оп. 1, д. 180, 223; Ф. 36. Пермское губернское правление, оп. 2, д. 17; оп. 6, д. 41; ф. 65. Канцелярия Пермского губернатора, оп. 1, д. 44, 65, 139, 347, 355, 388, 1266; оп. 2, д. 245; ф. 72. Пермский нотариальный архив, оп. 1, д. 7, 19, 26, 70, 92, 114, 122, 123, 146, 150, 169, 168, 191, 193, 210, 243, 298, 299, 324, 364, 1020; ф. 177. Пермские палаты уголовного и гражданского суда, оп. 1, д. 776; ф. 141. Пермская городская мещанская управа, оп. 1, д. 3, 10, 13, 14, 16, 26, 33, 106; ф. 297. Исторический архив Пермской губернской ученой архивной комиссии, оп. 3, д. 245, 246, 255, 260а; ф. 512. Пермская городская дума, оп. 1, д. 385, 414, 415, 422, 441, 1266.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 7, д. 370. Отчеты (форма № 7) на 1 янв. 1939 г.; оп. 60, д. 980. Переписка, отчеты Польского бюро при ЦК РКП(б) о III Всероссийской конференции польских комитетов, о совещании секретарей польских бюро, об агитационно-пропагандистской, культурно-просветительской, издательской деятельности бюро, о численном составе польского населения по губерниям и др.

³⁵ ПермГАНИ. Ф. 577, оп. 1, д. 169. Сведения о количестве населения малых народностей в Пермской губернии. Протоколы и доклады о работе немецкой, корейско-китайской секций. Протоколы заседаний Президиума бюро Коми и общих заседаний всех национальных секций при губкоме партии. Выписки из протокола заседаний польского бюро.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 7, д. 316. Справка и статистические таблицы о составе коммунистов национальностей, не входящих в состав СССР (иностранцев) на 5 марта 1938 г.

³⁷ ПермГАНИ. Ф. 641/1, 643/1.

³⁸ Адрес-календарь Пермской губернии. Пермь: Изд. Перм. губ. стат. ком., 1881; Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь: Изд. Перм. губ. стат. ком., 1862; Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. Пермь: Изд. Перм. губ. стат. ком., 1880; Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми. Пермь, 1898.

³⁹ Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7 апреля 1890 г. Пермь, 1892; Распределение населения (обоих полов) в Пермской губернии по национальности по данным разработки материалов переписи 1920 г. // Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 38–39; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 106–147; Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2005.

⁴⁰ Помощь воинам-полякам // Пермские губернские ведомости. 1916. 3 января (№ 2). С. 3; Помощь полякам – жертвам войны // Пермские губернские ведомости. 1916. 10 января (№ 7). С. 3; Воззвание Центрального рабочего комитета Польской социалистической партии к трудящимся Польши с призывом поддержать борьбу русского пролетариата за победу социалистической революции // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Шумейко Г. В. – М., 1957. С. 41–48; Сообщение газеты «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о работе революционного комитета военнопленных социал-демократов-интернационалистов // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Шумейко Г. В. – М., 1957. С. 60; Статья газеты «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» о революционном движении в рядах русской армии // Боевое содружество трудящихся... С. 28–29.

Глава I

Поляки в Прикамье в XIX – начале XX в.

Поляки в России и на Урале

Поляки – славянский народ Восточной Европы. Самоназвание народа – *поляци*. Польский язык, вместе с языками лужичан, чехов и словаков, относится к западнославянской подгруппе славянской группы индоевропейской языковой семьи. Письменность – на основе латинского алфавита. Верующие поляки – католики, небольшие группы исповедуют лютеранство и православие.

Общая численность поляков в мире более 44,2 млн.¹ (по данным 1992 г.). Основная часть поляков проживает в Польше, где они составляют значительное большинство населения. Всего на территории Республики Польши отмечено 38 644 тыс. чел. (2001), из них только около 1,5 млн. (3–4 %) составляют другие народы². Значительные группы поляков проживают в сопредельных государствах, в том числе в Белоруссии (1989 г. – 417,7 тыс. чел., 1999 г. – 395,7 тыс. чел.)³, в Литве (2001 г. – 235 тыс., здесь поляки являются вторым по численности народом после литовцев)⁴, на Украине (1989 г. – 219,2 тыс. чел., 2001 г. – 144,1 тыс. чел.)⁵. Большие группы поляков отмечены в США (3,8 млн. чел.), Франции (300 тыс.), Канаде (255 тыс.), Великобритании (130 тыс.), Бразилии (120 тыс.), Аргентине (120 тыс.), Германии (50 тыс. чел.)⁶. Но, проживая на территории других государств, поляки сохраняют при этом многие компоненты этнической культуры.

Формирование польской народности связано с консолидацией отдельных западнославянских племен: полян, слензан, мазовшан, вислян, поморян и других⁷. С названием одного из племен – полян – связывают и происхождение этнонима⁸. В России используется название поляки, латинское название народа – полони, или Полония. Последние слова используются также для обозначения групп людей польской национальности, проживающих за пределами Польши⁹. Большое значение в процессах формирования польской народности принадлежало древнепольскому государству X – XI вв. На процессы консолидации народа повлияли сопротивление немецкой агрессии (XIII–XV вв.), образование в XIV–XV вв. единого польского государства, а также объединение в 1569 г. с Великим княжеством Литовским и образование многонационального государства Речи Посполитой. В конце XVIII в. процесс консолидации осложнился разделами польских земель между Россией, Австрией и Пруссией (1772, 1793, 1795)¹⁰. Значительная часть восточных районов Польши территориально отошла к России. С 1918 г. Польша становится самостоятельным государством. В настоящее время – это Республика Польша.

Длительные тесные и глубокие связи Польши и России определены многими историческими факторами. Немалую роль играет историческая близость славянских народов Польши и России (поляков, русских, украинцев, белорусов), чем обусловлена общность основы языка и многих этнокультурных традиций. Выделяются особые контактные зоны, сформировавшиеся в результате этногенеза и этнической истории поляков, русских и белорусов; на территории Российского государства – это западные районы Смоленской области¹¹. Поляки – одни из самых близких западных соседей России. Долгое время польские земли были непосредственными соседями Российского государства, а позднее – СССР. Территориальная близость обусловила тесные контакты между народами Польши и России и общие важные события в истории двух

государств. В разные исторические периоды поляки по тем или иным причинам оказывались на территории современной России и связывали с ней свою дальнейшую судьбу.

Русско-польские связи уходят в глубину времен¹². Уже в московских летописях XIV – начала XV в. имеются сведения о «ляхах» – поляках, которые проникали в московские земли¹³. В 1406 г. в Переяславль-Залесский к великому князю выехало «много литвы и ляхов»¹⁴.

После событий Смутного времени начала XVII в., в ход которых вмешалась Речь Посполитая, и на территории России оказалась польская армия, часть пленных поляков осталась на российской территории, в том числе участвовала в освоении Сибири¹⁵. На территории Российского государства оставались пленные или перешедшие на сторону России поляки и в ходе дальнейших войн с Речью Посполитой и освободительного движения на Украине в XVII в. В начале XVIII в. польские ремесленники и строители были задействованы при возведении Петербурга¹⁶. Активное участие поляков зафиксировано в событиях Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева (1773–1775) в районах Поволжья и Южного Урала¹⁷. В тот период в губерниях, где начиналось восстание, насчитывалось до 9800 пленных польских конфедератов, которые были привезены в Россию во время войны с барской конфедерацией в Польше (1769–1772)¹⁸. Основная часть поляков на территории Российской империи, по данным III и IV ревизий (1760–1790), проживала на территории Царства Польского, значительное их число отмечено в Правобережной Украине, в Белоруссии, Прибалтике и небольшое число – в Центрально-земледельческом районе, Нижнем Поволжье, Новороссии и Сибири (от 0,1 до 1,8 тыс. чел.)¹⁹. Георги, описывая польский народ, отмечает, что уже в конце XVIII в. они были рассеяны по всей России²⁰. После раздела Речи Посполитой многие поляки, участвовавшие в восстаниях 1794, 1830–1831, 1863–1864 гг., были сосланы в отдаленные регионы Российского государства²¹. Оставались в России и позднее служили в российских войсках также пленные поляки, участвовавшие на стороне противника в Отечественной войне 1812 г.²² Основными территориями поселения и местами службы поляков были Урал, Поволжье, Сибирь и Кавказ. Добровольные миграционные потоки также имели место на протяжении всего XIX и начала XX в. В российские университеты поступали польские студенты²³, приезжали на службу польская интеллигенция и служащие²⁴. В конце XIX – начале XX в. на восточные земли России (Поволжье, Урал, Сибирь, Северный Кавказ) шли польские крестьяне и образовывали там свои поселения²⁵. Краткий обзор миграций поляков в Россию показывает отчасти, что социальный состав переселенцев был пестрым. Среди военнопленных и ссыльных поляков отмечены лица дворянского происхождения, мещане, крестьяне, духовенство. В конце XIX – начале XX в. на восточные территории России ссылались поляки, участвовавшие в революционной деятельности. Исследователи отмечают, что «среди польских мигрантов в Россию значительный процент составляли квалифицированные рабочие и техническая интеллигенция»²⁶. Большое число поляков (свыше 10 %) составляли офицерский состав гарнизонов Российской армии, расположенных вдали от их этнической территории, а также персонал железнодорожного транспорта²⁷.

В XX столетии можно назвать несколько крупных миграционных потоков поляков на территории России. Во время Первой мировой войны с западных границ России на восточные территории переселялись беженцы. Ссылались в Сибирь и на Урал после Гражданской войны участвовавшие в ней пленные поляки. Следующие крупные миграционные потоки поляков происходили уже в советский период, они были связаны с репрессивными мерами и военными событиями. С конца 1920-х гг. с началом коллективизации из западных районов Советского Союза выслались раскулаченные поляки. Первая крупная депортация польского населения в Казахстан и Сибирь была осуществлена в 1936 г. с территорий Прибалтики, Украины и Бело-

руссии²⁸. Следующая массовая акция – «польская операция», составная часть большого террора – относится к 1937–1938 гг.²⁹ В 1940–1941 гг., после вторжения СССР в пределы Польши, на восточные территории России выслались военнопленные и польские осадники с семьями и т. п.³⁰ Новая волна арестов и высылки последовала после освобождения польских территорий в 1944–1945 гг., в нее попали прежде всего участники некоммунистического антигитлеровского сопротивления. Депортации, менее массовые, продолжались и в послевоенное время³¹.

Таким образом, в течение XVI–XX вв. поляки попадали в Россию по разным причинам и разными путями. Некоторые из них, переселяемые насильственно, возвращались со временем на родину, другие оставались жить в России. Следует отметить, что большая часть польского населения в России проживала в городах или селах в иноязычном окружении и практически не образовывала замкнутых групп. Поэтому процесс ассимиляции польского населения шел довольно быстро. В советские годы во многом ускорили утрату этнических особенностей репрессивные меры и депортации польского населения. Однако, несмотря на все сложности и трагические события, выпавшие на долю поляков в России, поляки продолжают оставаться одним из крупных этносов в составе населения Российской Федерации, расселенным во всех субъектах государства.

На территории Урала поляки расселялись так же, как и по всей России. Урал, как более отдаленная от центральных областей земля, был местом ссылок и временных поселений, местом службы и поиском новой доли. Когда появились первые поляки на Урале, точно неизвестно. Польскую историю Урала и Сибири принято вести с событий XVI в. Считается, что поляки в составе дружины Ермака участвовали в покорении Сибири (1580-е гг.)³². Сохранились разрозненные сведения о польском присутствии в регионе в период XVII–XVIII вв. Историю формирования польской диаспоры Башкортостана ведут с XVII в., когда сюда на службу прибыли шляхтичи Речи Посполитой³³. Среди основателей Екатеринбурга (1723), по мнению историков, были поляки³⁴. Особенно большие потоки польского населения на Урал отмечаются в середине XIX в., после «польских» восстаний, в конце XIX – начале XX в., в советские годы в ходе террора, депортаций и интернирования польского населения с западных регионов.

Мы не располагаем точными и достоверными данными, когда поляки появились в Пермском Прикамье. Возможно, первые из них пришли на Урал вместе с Ермаком. Несомненно, поляки не могли обойти Прикамье, отправляясь служить в гарнизоны Сибири в XVII–XVIII вв. Однако подлинная «польская» история Прикамья начинается в XIX в. После вхождения части Польского государства в состав Российской империи польские общины стали формироваться во многих крупных городах России, в том числе и удаленных от центра. Если в середине XIX в. появление поляков в восточных регионах Российской империи было связано, как правило, с политической ссылкой, то во второй половине – конце XIX в., когда Польша все более интегрировалась в российскую экономическую систему, квалифицированные польские рабочие начали прибывать в глубь страны на заработки³⁵. Эти две миграционные волны поляков в Россию можно проследить и на примере Прикамья.

Поляки в пермской ссылке

Традиционно территории Урала и Сибири, отдаленные от центра России, считались местом для ссылки неблагонадежных подданных Российского государства, преступников, причем как уголовных, так и политических.

Первые сосланные в глубь России поляки стали прибывать на восток страны в 1790-е гг., после разделов Польши и вхождения части ее территории в состав Российской империи³⁶. Массовая депортация поляков началась при Николае I, при котором в Польше разразились первые вооруженные восстания (1830–1831). В течение 30 лет правления Николая I на присоединенных к Российской империи территориях была раскрыта деятельность множества политических организаций. Десятки тысяч человек на долгое время были отправлены на каторжные работы, на поселения, в военные батальоны на восток страны³⁷.

Несмотря на то что в Перми на протяжении всего XIX в. жили ссыльные поляки, следует отметить, что основным местом ссылки для мятежников все-таки являлись города Сибири и Средней Азии. Пермь, как правило, выступала лишь в качестве пункта для дальнейшей пересылки. Часть ссыльных только проезжала через Пермь, поэтому их впечатления весьма поверхностны. Об этом пишут авторы монографии «Участники Польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке»³⁸, а известный польский революционер Ф. Я. Тон в мемуарах упоминает Пермь как один из городов, который он проезжал по пути в ссылку в Тобольск: «Мы плыли по Волге и Каме на север, и вместо соловьиных трелей слух улавливал лишь скрежет ломающихся друг о друга льдин. Мы снова догоняли зиму. Кое-где на горах тысячами бриллиантов горел снег. На хвойных деревьях и желтой прошлогодней траве сверкал иней. Мы вступали в страну снегов...»³⁹.

Кроме этого, следует отметить, что сами поляки предпочитали Сибирь Уралу. Чаше всего Урал воспринимался ими в качестве «ненавистой» России, а Сибирь они считали самостоятельной, независимой, богатой, доброжелательной, яркой территорией⁴⁰. Урал, край заводов и гор, ассоциировался с началом ссылки, с местом, где приводился в исполнение царский приговор. Адольф Янушкевич в 1853 г. поднялся на Уральские горы, чтобы взглянуть последний раз на Европу, и был немало разочарован: «Я не увидел ни единого хлебного стебелька, а истосковавшийся взор не мог порадоваться виду колосющейся ржи или пшенички»⁴¹. Не устраивал поляков и климат. Один из ссыльных, П. Сцегенный, писал в письме своему соотечественнику: «Я постоянно буду против того, чтобы в зимнее время возвращаться на родину. Дороги заметены, очень опасно, и натура, и люди суровые»⁴².

Однако Пермь являлась не только перевалочным, транзитным пунктом по пути мятежников в Сибирь, в XIX в. Пермская губерния также стала одним из центров польской ссылки.

Сведения о ссыльных поляках первой половины XIX в. в Пермской губернии весьма отрывочны. Немногочисленные документальные и мемуарные источники свидетельствуют о пребывании в Пермской губернии и, в частности, в губернском городе участников восстания 1830–1831 гг. В документах 1834 г. по Пермской губернии среди ссыльных упоминаются «... неблагонадежный духовный ксендз Корнелий Важинский», «высланный в Пермь под надзор полиции ксендз Кулявский»⁴³, в Пермскую же губернию под надзор полиции высланы дворянин Исханович и ксендз Зелинский⁴⁴. В мае 1835 г. пермским гражданским губернатором было получено представление от виленского губернатора «о вредных качествах помещика Виленской губернии Ф. Янчевского, участвовавшего в мятеже», за что указанный Янчевский и был выдворен в Пермскую губернию⁴⁵. В июне 1836 г. в Пермь прибыл в ссылку «отставной капитан бывших польских войск» И. Запольский. Сопроводительные документы достаточно полно рас-

крывают его деятельность: «По рассмотрении мною военного дела, произведенного в комиссии в Киеве, над мятежниками учрежденной, [о] помещике Киевской губернии Махновского уезда отставном капитане бывших польских войск Иване Запольском, имеющем от роду 50 лет, внесенном во 2-й разряд государственных преступников, я нашел, что, хотя он не учинил чистосердечного сознания о бытности его начинщиком мятежа в Липовецком уезде, формировании шайки, предводительствовании оной, действии против Императорских войск, побеге по разсеянии шайки за границу, поступлении вновь на службу капитаном в мятежнические войска, однако ж показание свое о насильном якобы захвачении в шайку, побеге от них за границу по действительности нахождения своего в Галиции с 5 мая 1831 г. ничем законно не доказал, и самое свидетельство Лембергской полиции, представленное им, не подкрепило его показания о времени прибытия туда, но только удостоверяет, что он проживал там сего года, не поясняя, впрочем, с какого именно месяца и числа. Напротив же, по делопроизводству Запольский обличается в том показанием 35 лиц, бывших в мятежнической шайке, подлинными приказами за его подписом, укрывательством за границу более трех лет и с обстоятельством домогательства его на поступление в подданство Австрии. За сии преступления и нарушение верноподданнической присяги, хотя подлежал бы он как государственный преступник строгому наказанию, но, принимая в уважение добровольное со покорностию возвращение в Отечество, преклонность лет его [и то,] что по делопроизводству нет вовсе законных свидетелей, которые бы подкрепили оговор означенных 35 лиц, более или менее участвовавших в мятеже, и для закрытия собственной вины могших о насильном захвачении оговаривать его, Запольского, полагаю: вменить ему в наказание... выдержать еще в Киево-Печерской цитадели один год и потом, обязав в непоколебимой верности к всероссийскому престолу установленною подпискою, выслать как вредное лицо для спокойствия здешнего края на жительство в г. Пермь под строжайший тамошний за образом жизни его полицейский надзор, до тех пор, пока правительство сочтет удобным возвратить его на родину. ...того его Запольского ни к каким должностям не определять и к дворянским выборам не допускать...»⁴⁶.

Точных списков о количестве и составе поляков, участников восстания 1830–1831 гг., сосланных в Пермскую губернию, нет. Исследователи лишь отмечают, что в г. Перми в этот период находилось около 40 ссыльных поляков⁴⁷. Сопровождавший будущего императора Александра II в поездке по России С. А. Юрьевич в письме от 24 мая 1837 г. пишет, что «в Перми, как и в Вятке, нас завалили прошениями: здесь также многие живут поневоле; в особенности после польского мятежа сюда прислали много негодяев поляков, которые все просят Великого князя о возвращении на родину»⁴⁸.

Наиболее изученной страницей истории пребывания ссыльных поляков в Перми является проживание и деятельность в 1850-е гг. ксендза Сцегенного, который считается одним из активных участников общественной жизни поляков Прикамья и одним из инициаторов постройки в Перми католического костела⁴⁹. Из автобиографии Петра Сцегенного узнаем, что он «родился в 1801 г. ... в селе Бильчи, принадлежавшем Краковскому воеводству... В 1827 г. вступил в собрание ксендзов пиаров, был учителем при школе в г. Ополе Люблинского воеводства. В 1832 г. обученный на капеллана епископом Люблинской епархии... а в 1833 г. вступил в должность викария костела Вилкотазского Люблинской епархии... В 1844 г. в марте назначен администратором Ходельского прихода в той же епархии... В октябре 1844 г. включился в политическое движение, которое должно было наступить в Царстве Польском. Следственной комиссией признан руководителем этого движения, получив наказание по высшему разряду – тяжелые работы в Сибири; в 1846 г. после прекращения публичных месс «в обязанностях капланских» был вывезен в Сибирь. В 1855 г. с работ на поселение, а в 1857 г. на жительство в город Пермь препровожден...»⁵⁰.

Самым ярким эпизодом деятельности П. Сцегенного в Перми, помимо духовного сплочения поляков, можно отметить организацию материальной помощи для нуждающихся ссыльных. Поляки Перми, как и в других городах, помогали своим соотечественникам, оказавшимся в России. Очень часто по их совету родственники ссыльных посылали «почтовые отправления со средствами» для своих близких на адреса абсолютно посторонних людей. В Перми, например, эти деньги передавались ксендзу П. Сцегенному, который впоследствии встречал проезжающего или приезжающего поляка и передавал ему деньги⁵¹. П. Сцегенный в протоколе допроса в 1863 г. про эту систему передачи и сбора денег сообщил следующее: «Родители сосланных часто посылали деньги через меня, делалось это потому, что не знали, куда именно сосланы их дети, меня же знали, вероятно, по рассказам тех из сосланных, с которыми я познакомился в гор. Перми и которые потом были возвращены на родину»⁵². В делах о политических польских преступниках, хранящихся в ГАПК, рассказывается также и о добровольных пожертвованиях, собираемых общиной для помощи ссыльным полякам под руководством того же П. Сцегенного. Например, чиновник Л. Буткевич вспоминает, что не раз давал деньги на помощь полякам, оставшимся в России без средств к существованию. Впрочем, среди причин пожертвования он называет не сугубо национальный признак, а желание «следовать науке Спасителя помогать всякому ближнему, нуждающемуся в помощи»⁵³. Помогал Петр Сцегенный и из тех денег, которые ему давало правительство – 9 руб. 52 коп. в месяц. Целью сбора и передачи денег в протоколе допроса называлась жалость к ссыльным, «стремление облегчить участь ссыльных и иметь некоторые удобства в дороге»⁵⁴.

Помимо всего вышеуказанного, в Перми Петр Сцегенный занимался обучением детей – из семей полковника Буткевича, чиновника Путвинского, доктора Новкунского и т. д., о чем свидетельствуют протокол допроса П. Сцегенного при аресте и постановление № 1 исполняющего должность следователя 1-й части г. Перми Синельникова о домашнем аресте П. Сцегенного. Обвинялся он в нарушении запретов на обучение детей и в проповедовании во время уроков религиозных и политических идей.

В середине 1860-х гг. активностью П. Сцегенного заинтересовались местные власти, заподозрившие его в революционной деятельности. В секретном рапорте от 14 июня 1863 г. пермскому губернатору от судебного следователя по 1-й части г. Перми штабскапитана Воронина докладывается, что через П. Сцегенного «письма и деньги ссыльным (полякам. – *Авт.*) в Сибирь пересылались из Литвы и Польши... кроме того, Сцегенный собирал в г. Перми будто бы для вспоможения ссыльным деньги и собрал от разных лиц всего около 800 руб.»⁵⁵. Как оказалось в ходе дальнейшего расследования, письма П. Сцегенный рассылал по всей стране лично и по собственной инициативе⁵⁶. Однако при детальном рассмотрении дела власти пришли к выводу, что деятельность П. Сцегенного не является противозаконной. В итоговом заключении губернатор А. Г. Лошкарев заявил, что «она, в сущности, не имеет политического значения; деньги, собранные Сцегенным, предназначаемы были и употреблялись собственно на пособия ссыльным в Сибирь полякам. Посему я полагал бы дело это, не давая ему дальнейшего здесь хода, оставить без последствий. Но вместе с тем, признавая неудобным дальнейшее здесь пребывание Сцегенного, как личность, составляющую центр польского кружка в Перми, и связь его с ссылаемыми в губернию политическими преступниками из западных губерний, я полагал бы удалить его в один из уездных городов Пермской губернии, вне большого Сибирского тракта»⁵⁷. Судя по документам, П. Сцегенного в июне 1863 г. отправили на жительство в Соликамск. 15 октября 1863 г. ксендз П. Сцегенный из Соликамска обращался к пермскому губернатору: «Ваше Превосходительство! С большой несмелостью имею честь обратиться к Вашему Превосходительству, представляя на Ваше человеколюбивое уважение мое требование, которым ныне прихожу утруждать Вас. Четвертый месяц истекает, как из Перми отправлено меня на жительство в г. Соликамск, и с того числа я не получаю назначенного мне вспо-

моществования, хотя же об этом давно уж писал я в Пермь, в полицейское управление. Не получил я указанного воспомоществования за месяцы июнь, июль, август и сентябрь. Обстоятельства эдакого рода, как неимение никаких средств к жизни, даже иногда насущной пищи, принудили утруждать Вас»⁵⁸. Лишь в 1871 г. П. Сцегенный вернулся на родину, где до конца жизни служил в одном из приходов.

С восшествием на трон Александра II принудительная польская эмиграция исчезла на несколько лет, но после нарастания революционных выступлений 1859–1860 гг. и особенно после восстания 1863 г. приток изгнанников в отдаленные территории России возобновился⁵⁹.

Пермь вновь стала крупным перевалочным этапом на пути «государственных преступников» в Сибирь. Был определен порядок следования арестованных «на переменных лошадях» от Нижнего Новгорода до Перми, а в навигационное время также водным транспортом по Волге и Каме; сохранялась и пешая форма переходов⁶⁰. По Временным правилам о сухопутной перевозке арестантов по главному пересыльному тракту от Нижнего Новгорода до Тюмени от 21 января 1866 г. Пермь определялась как город, в котором арестанты останавливались на целые сутки⁶¹. Сохранились воспоминания Ф. Рыддя о переезде от Нижнего Новгорода и пребывании этапированных в г. Перми: «В том месте, где Волга впадала в Каму, поплыли против течения... Из зеленого Новгорода и теплой Казани мы плыли все выше и выше в понурю холодную Сибирь, в Азию. Резкие порывы холодного ветра постоянно напоминали нам об этом и не один тяжелый вздох и не одну слезу вытеснили из глаз. На седьмой день пути прибыли в Пермь. Было начало мая, но на улице шел дождь со снегом, а вокруг все тонуло в грязи. Не дав ни минуты передышки, ссыльных погнали на другой конец города в пересыльную тюрьму. Следующие два часа под открытым небом шла очередная проверка...»⁶². В городе арестанты размещались в пересыльной тюрьме. Однако за время пребывания в Перми многие могли ознакомиться с городом и оставить в памяти определенные впечатления о нем. Ссылным разрешалось выходить из пересыльного замка группами по 6–7 человек в сопровождении солдата. Некоторые осматривали город, совершали покупки, посещали заведения⁶³. Точных цифр о том, скольких участников польского восстания приняла пермская пересыльная тюрьма, сколько их прошло мимо города, не зафиксировано, однако можно с уверенностью сказать, что это была большая часть отправлявшихся в сибирскую ссылку.

На основании циркуляра Департамента полиции от 28 мая 1863 г. Пермская губерния стала одной из 14 административных территорий, предназначенных для ссылки поляков, «обнаруживших противоправительственные стремления»⁶⁴. Местами ссылки стали 6 уездов губернии, в том числе Кунгурский, Соликамский, Красноуфимский, Оханский, Шадринский, Чердынский и Верхотурский. Кроме того, Пермская губерния относилась к числу так называемых «внутренних губерний» России, где было разрешено селиться отбывшим срок каторги и ссылки.

Количество сосланных в каждую губернию также определялось правительством. В циркуляре от 28 мая 1863 г. было определено и число ссылаемых в губернию поляков – 131 чел., и распределение их по уездам: так, в Кунгуре должен был находиться 41 ссыльный, в Соликамском уезде – 15⁶⁵. Однако реальное количество прибывающих грозило значительно превысить обозначенные циркуляром числа. Пермский губернатор А. Г. Лошкарев 2 ноября 1863 г. обращается к министру внутренних дел с письмом: «По распоряжению Вашего Превосходительства от 28.05.1863 г. в Пермскую губернию для высылки за политические преступления польских уроженцев дан комплект 131 человек. В настоящее время выслано в губернию в сопровождении жандармов 91 человек, предназначено к высылке еще 23. Кроме того, выслано и предназначено к высылке по этапам 13 человек, так что комплект ссыльных, определенных для губернии, можно считать полным. Долгом поставлю испрашивать разрешения Вашего Превос-

ходительства: каким образом поступать с теми ссыльными, которые могут быть доставлены в губернию сверх назначенного комплекта»⁶⁶. Новый циркуляр министра внутренних дел удваивает число ссыльных, размещаемых в Пермской губернии⁶⁷. Однако уже в декабре 1864 г. пермский губернатор вновь обращается с письмом, в котором сообщает: «В настоящее время в губернии уже размещено 254 человека, так что от удвоения комплекта ссыльных осталось всего 8 вакансий»⁶⁸. Циркуляром от 29.06.1864 г. количество ссыльных в Пермской губернии было увеличено на 50 человек⁶⁹. Например, для проживания в Кунгуре в мае 1863 г. максимальное количество ссыльных устанавливалось в 41 человек, на деле к 5 сентября 1864 г. в Кунгуре уже проживали 84 ссыльных поляка с членами семей⁷⁰. Как можно понять по переписке, ссыльные приезжали на место временного поселения не одновременно. После восстания 1863 г. ссыльные прибывали в течение всего года, и селили их по Пермской губернии в отведенные циркулярами уезды.

Помимо ссыльных, отправляемых под надзор полиции, существовала еще одна категория ссыльных – лица, приговоренные для отправки в арестантские роты гражданского ведомства. По социальному составу это были, в основном, крестьяне и ремесленники, по составу преступления – члены повстанческих отрядов, попавшие в плен в результате поражения, отчего их часто называли попросту «военнопленные». Ссыльных этой категории в Пермской губернии насчитывалось 330 человек⁷¹.

В пермскую ссылку поляки попадали еще по нескольким причинам: перевод из сибирской ссылки; ссылка за нарушения в крестьянском вопросе (после отмены крепостного права); ссылка арестованных в период национального подъема 1861–1862 гг. Всего ссыльных различных категорий в Пермской губернии насчитывалось около 760 человек⁷². Большая часть сосланных в Прикамье поляков были рядовыми участниками восстания. Среди них были представители разных слоев польского общества: дворяне, мещане, чиновники, военные, врачи, священники. Ссыльные поляки, проживающие во внутренних губерниях Российской империи, значительно ограничивались властями в личных и политических свободах. Бытовые и экономические условия их жизни были менее регламентированы. Все должны были раз в неделю отмечаться в полиции, предоставлять для проверки свою корреспонденцию, все не имели права носить знаков народного траура по поводу польских событий, конфедератки и металлические пряжки с гербом Польши и Литвы⁷³, владеть оружием, заниматься обучением детей⁷⁴ и т. д. Бытовые условия во многом зависели от материального положения ссыльных и их родственников. Достаточно противоречивы сведения о характере и условиях пребывания поляков в Пермской губернии – видимо, эти условия действительно были очень различны. Так, Я. Прендовская рассказывает в своих воспоминаниях о жизни в ссылке бывшего минского предводителя дворянства А. Лапы: «Жили зажиточно... привезли с собой повара, имели большую квартиру и принимали каждую неделю. Видно было, что это солидный и богатый литовский дом». Не уступала им и семья уездного тельшевского исправника Миладовского, которая «жила очень богато, привезли с собой множество прекрасных и драгоценных вещей, таких как ковры, серебро и даже золотые чайные ложечки»⁷⁵.

Существовала и категория среднеобеспеченных лиц, которые снимали небольшую квартиру, оплачивали услуги приходящих лиц (стирку и приготовление обеда), иногда устраивали скромные приемы⁷⁶.

Большая часть ссыльных была лишена прав состояния. Однако царская власть позволяла ссыльным свободно распоряжаться средствами, не подлежащими секвестру или конфискации, к тому же ссыльные могли получать посылки и деньги от родных⁷⁷. Пермские губернские ведомости 1860-х гг. постоянно публикуют списки лиц, на имя которых в канцелярии пермского военного губернатора получены деньги, страховые письма, посылки⁷⁸.

Немало было и таких ссыльных, которые оставались почти без средств к существованию. Пособие для ссыльного («кормовые деньги») было незначительным (6 коп. в день⁷⁹), и, чтобы жить, да еще с семьей, приходилось искать основные источники дохода, особенно тем, кто не получал помощи из дому или от соплеменников, проживающих в России. В выдаче пособия часто отказывали. Причины для этого были разные: обеспеченность родственников, живущих в Польше, возможность работать на новом месте жительства и т. д. По данным полиции г. Кунгура, на 10 июня 1864 г. из 69 ссыльных пособие получали только 11 чел., а на 1 декабря 1864 г. – 53 из 116 чел.⁸⁰ Право отказа в пособии при наличии иных источников дохода давало местной администрации широкие возможности для манипуляций. Примером может служить история получения пособий семьями Прендовских и Григория Имшеника. Если первым, приехавшим в Пермь с рекомендательным письмом к губернатору, было выплачено пособие даже на оставшихся в Польше детей и притом без всяких усилий с их стороны, то вторые в течение четырех лет вели настоящую письменную войну, находясь в бедственном положении. В семье Имшеника было шестеро детей, больная жена и мать, однако, даже признав, что задержка выплат несправедлива, сосланному так ничего и не выплатили – «по причине смерти»⁸¹.

Мы имеем немало примеров, когда ссыльные поляки с разрешения городского начальства нанимались на заводы в качестве административных работников или в купеческие дома, в имения – «по письмоводству». Обширную практику имели врачи, немалым спросом пользовались фотографы⁸². Некоторые ссыльные завоевывали уважение в предпринимательских слоях и среди местной администрации. Следует отметить, что возможность работать и заводить свое дело определялась городским начальством индивидуально. Так, проживающему в Кунгуре М. Брыльскому было разрешено устроиться на Кунгурский пароходный завод фабриканта Гукса, а его земляк Остроминский права работы был лишен. Давая частные уроки детям, он по прошествии некоторого времени был отстранен и от этой своей деятельности, а уездный исправник, пропустивший этот факт незаконной работы, получил строгий выговор от вышестоящего начальства⁸³. Местные полицейские исправники имели директиву, категорически запрещающую ссыльным полякам всякое преподавание, причем не только им самим, а также членам их семей, которые добровольно последовали за ними⁸⁴. По законодательству Российской империи осужденные не имели права заводить собственное дело. Например, Юзеф Пиотровский, отбыв наказание, получил разрешение поселиться в Перми. Будучи, как бывший каторжник, лицом «неблагонадежным», он не мог открыть книжный магазин на свое имя, и такое разрешение получила его жена Ольга⁸⁵. Действия властей разных уровней в вопросах трудоустройства поляков были несогласованными, в результате чего возникали даже курьезные случаи. Так, в Кунгуре поляку Нейману губернские власти отказали в пособии на том основании, что он по специальности – врач и может найти применение по профессии. А уездный исправник работать ему не разрешал⁸⁶. Поэтому, несмотря на отдельные примеры деятельности ссыльных поляков, большая часть специалистов оставалась невостребованной.

Документальные материалы наиболее полно раскрывают жизнь ссыльных поляков в Кунгуре в 1860-е гг. Мы располагаем данными о 146 ссыльных. Из них на постоянное место жительства остались единицы. Подавляющее большинство либо были переведены в другие города, либо отпущены на родину после отбывания срока, либо умерли в ссылке. На основании дат прибытия в г. Кунгур можно установить, в какие годы прибывало больше ссыльных. Наибольшее число зафиксировано за 1863 г. – 16 чел., 10 чел. прибыли в 1855 г., по 8 чел. – в 1856 и 1864, 7 чел. – в 1854, 4 чел. – в 1859, в остальные годы – по 1 чел.⁸⁷

Среди ссыльных насчитывалось 20 женщин⁸⁸, например, политическая преступница из дворян Франциска Калещинская, получившая 3-месячный срок содержания под строгим полицейским надзором⁸⁹. Всего в Кунгуре было 58 женщин, включая членов семей сосланных, из

них 28 чел. имели детей. Можно отметить, что две пары были сосланы вместе. У 36 ссыльных жены жили в Кунгуре⁹⁰. Можно предположить несколько причин этому. Возможно, сыграло свою роль достаточно хорошее материальное положение поляков, среди которых было много дворян и помещиков, что давало им возможность содержать свои семьи и вдали от дома. Другое объяснение – высокая значимость семейных ценностей, свойственная католикам, и стремление сохранить свою семью, свою религию, свои традиции на новом месте. Был даже случай, когда ссыльный поляк дворянин Александр Сливовский женился в г. Кунгуре на дочери другой ссыльной, полячке Александре Станишевской⁹¹.

В целом в семьях ссыльных поляков, как правило, было достаточно много детей, и почти все они вместе с матерями добровольно приехали к месту ссылки отцов. По одному ребенку было у 11 ссыльных, по два – у 9, по три – у 6, по четверо детей было в трех семьях⁹². У Викентия Мисевича также было четверо детей: Викентий, Сигизмунд, Мелания, Фекла, причем самым младшим было от роду соответственно три года и один год⁹³. Четверо детей было у коллежского секретаря Григория Имшеника-Кондратовича: два сына – Петр и Антон и две дочери – Сабина и Мария. У Григория Кондратовича было шестеро детей: Петр, Антон, Сабина, Мария, Иозефа, Людовика⁹⁴. Вместе с семьей Адама Феликсовича Брузиновского приехала даже племянница Михалина⁹⁵. Нередко женщины приезжали с грудными младенцами или с очень маленькими детьми. Примеров тому множество. За дворянином Ковенской губернии Эмилием Гейнштора на Урал добровольно последовала его жена⁹⁶. Дворянка Елена Хомская, 24 лет, приехала с грудным сыном в Пермскую губернию на жительство к сосланному мужу 28 августа 1864 г.⁹⁷ Дворянка Ипполита Микевич, 27 лет, с малолетними дочерьми Меланией и Викентией тоже прибыли в Кунгур 21 января 1864 г.⁹⁸ Стефания Крашевская приехала к своему мужу дворянину в Кунгур из Гродно⁹⁹. По-видимому, младшие дети (достигшие определенного возраста, чтобы осмысливать происходящее) вместе с матерями сами принимали решение, ехать им за отцом или нет, а старших детей высылали принудительно. Например, у уже упомянутого Григория Кондратовича взрослые дети, от 15 до 26 лет, были высланы вместе с отцом¹⁰⁰. Той же участи подверглись дети Косеродского, 15 и 16 лет¹⁰¹. Тем не менее, среди ссыльных было много холостых мужчин (прежде всего среди молодых), были и вдовцы, нередко с детьми. Известно о 10 ссыльных, семьи которых оставались на родине¹⁰². Некоторые жены возвращались обратно. Например, состоящий под надзором в г. Соликамске дворянин Юлиан Антон Новосельский приезжал в Пермь, чтобы проводить свою жену, направлявшуюся в Царство Польское¹⁰³.

Наиболее полную информацию мы имеем о 64 ссыльных. Среди них было 26 дворян, 8 чиновников, 8 крестьян, 5 военных, 3 врача, 3 священника, 2 почетных гражданина, 2 однодворца, 1 помещик¹⁰⁴. То есть социальный состав ссыльных был разнообразен, но преобладали дворяне. Происхождение их по месту прежнего жительства также различается: больше всего (по 8 чел.) было из Минской, Виленской и Киевской губерний; 5 чел. – из Ковенской, по 4 – из Каменец-Подольской и Витебской, по 3 – из Волынской и Гродненской, по 2 чел. из Санкт-Петербургской, Эстляндской и Могилевской губерний¹⁰⁵. Таким образом, наибольшее число ссыльных прибыли из Западного края, особенно из Украины и Белоруссии, а также из бывших польских территорий. Почти все сосланные были лишены прав состояния: из 40 человек, о которых имеются сведения, такому наказанию подвергнуты 35 (почти все дворяне); пятеро (почти все крестьяне) не были лишены прав¹⁰⁶.

За всеми ссыльными был установлен полицейский надзор: за 34 (подавляющее большинство) – бессрочный, за одним – на 2 года, один поселился на постоянное место жительства. В большинстве случаев (37 чел.) это был гласный надзор, лишь за 12 ссыльными – секретный¹⁰⁷.

Многие ссыльные были причислены в податное сословие. Из тех, о ком есть сведения, число таких составляло 22 человека, а 8 человек не были причислены к этому сословию¹⁰⁸.

Ссыльные, живущие в Кунгуре, чаще всего оставались невооруженными (29 чел.), но были и те, кто трудился – главным образом на черных работах (15 чел.). Разными работами занимались три человека, еще трое состояли в услужении. Остальные, по-видимому, использовали для приобретения средств к существованию навыки, приобретенные на родине. Так, четверо служили письмоводителями, что не удивительно, т. к. среди ссыльных было много грамотных людей. Двое занимались клеевым и красильным ремеслом, по одному – малярным и столярным делом, были также один фельдшер и один виноторговец¹⁰⁹.

Трудно выявить четкую закономерность между сословным и материальным положением сосланных и выплатой им содержания от государства, или между теми, кто выполнял какие-либо работы, и теми, кто не имел занятия. Так, среди тех, кто ничем не был занят, дворян и не дворян было поровну. То есть, по-видимому, необходимость в работе не определялась сословным положением. Также она не диктовалась напрямую потребностью обеспечить свое существование. Среди неработающих были и те, кто получал содержание, и те, кто его не получал, однако число тех, кто имел содержание, было несколько больше (соответственно, 17 и 9 чел.) Содержание выплачивалось также представителям всех сословий. То же можно сказать и об отсутствии денег: среди тех, кто не получал денег от казны, было дворян – 11, не дворян – 21. По-видимому, положение не дворян и дворян в ссылке было примерно одинаковое, т. к. почти все они были лишены прав состояния. Среди дворян встречались и такие, кто занимался «черными работами»: их было 7 человек – почти столько же, сколько представителей других сословий, занятых тем же (8 чел.). Причем такую работу полностью вынужденной назвать сложно, поскольку ею занимались как те, кто не имел содержания (10 чел.), так и имеющие содержание (5 чел.)¹¹⁰. Существует вероятность того, что работы распределялись властями без учета пожеланий, но с учетом специальности, приобретенной ссыльными на родине.

Само содержание ссыльных заметно различалось. Из 64 ссыльных, о которых мы имеем подробные сведения, половина (32 чел.) вообще не получали содержания от государства. Содержание остальных также было различным. 12 человек получали по 6 коп. в сутки, 9 человек – по 10 коп. Это так называемая арестантская дача. Четверо получали по 15 коп. в сутки. 8 человек имели максимальное содержание – им полагалось по 1 руб. 20 коп. на аренду жилья плюс 15 коп. в сутки. Причины, по которым отдельным лицам выделялись деньги на наем квартиры, исследователям установить не удалось. Возможно, оставшиеся по своим материальным возможностям были способны сами оплачивать наемное жилье, а, возможно, они жили в каких-то общих специальных помещениях. Интересно, что у четверых в течение двух лет был изменен размер содержания в сторону увеличения – например, вместо 6 коп. им стали платить 10 коп. или вместо 10 коп – 15 коп.¹¹¹

Однако денег, выделяемых государством, сосланным не хватало на жизнь, и им приходилось брать в долг у местных жителей. В этом отношении показателен пример Владислава Романовского. Он не заплатил по счетам в лавках кунгурских торговцев: Якову Абрамовичу он задолжал 10 руб., Хватову – 7 руб., Ефиму Петровичу Мусрикову – 5 руб., Василию Елтышеву – 12 руб., в кунгурскую аптеку – 3 руб., всего 37 руб. Романовский заявил, что не в состоянии уплатить, но обещал, что со временем вернет деньги, когда они будут взысканы с его поместья в Ковенской губернии. Возможно, такие расходы были связаны с привычкой к определенному стилю жизни, от которого было трудно отвыкнуть и в ссылке¹¹².

Заметно отличалось положение чиновников Царства Польского, которым платили половинное жалование. В случае смерти кого-либо из чиновников необходимо было немедленно сообщить в управление полиции, чтобы та уведомила местное уездное казначейство и палату для своевременного прекращения производства жалования. Чиновников на половинном жало-

вании в Кунгуре было немного: Сигизмунд Лашинский, Карл Борецкий, Адам Лашинский, Юлиан Новосельский, Георгий Бертольд¹¹³.

Государство также снабжало деньгами и пайками пересыльных, отправляющихся в Сибирь, – например, такую помощь получили Геншель, Заханчевский и Вершбицкий¹¹⁴.

Поведение ссыльных строго и четко регламентировалось, вплоть до мельчайших деталей. 25 ноября 1863 г. было направлено предписание о том, что всем сосланным в Кунгур полякам запрещено носить траур. Полицейское управление предписывает наблюдать за точным исполнением этой подписки и в случае нарушения таковой тотчас донести в управление¹¹⁵. Контролировалось не только поведение ссыльных, но их переписка. Все письма на имя ссыльных просматривали в канцелярии губернатора. Кроме того, все поднадзорные обязаны были отмечаться в управлении каждый субботний день¹¹⁶.

Некоторым полякам после отбывания срока наказания разрешали вернуться в Польшу или другие районы Западного края. Так, Владислав Мицкевич получил разрешение отправиться в Царство Польское 29 сентября 1867 г.¹¹⁷, получил такое разрешение и Телефаст Шимкевич, а Николай Арцишевский и Владислав Богданович вернулись в Варшаву в марте 1888 г.¹¹⁸

Ссыльных постоянно перераспределяли по губернии, переводя из Кунгура в Чердынь, Соликамск и другие, более отдаленные города. Так, 28 сентября 1867 г. кунгурский уездный исправник получил предписание: на основании распоряжения господина Министра внутренних дел всех политических преступников, находящихся под надзором полиции в Кунгуре и не имеющих разрешения вернуться в Царство Польское, немедленно выслать в Чердынь и Верхотурье¹¹⁹. Случалось, что сами ссыльные ходатайствовали о своем переводе в другие города. Политические преступники Александр Шмидт и Викентий Мисевич ходатайствовали о переселении в Шадринск или Красноуфимск, но разрешения не получили¹²⁰. Брониславу Соболевскому, наоборот, не разрешили остаться в Кунгуре – он был направлен в Верхотурье¹²¹. Туда же был отослан Карл Отрошкевич. Большинство арестантов были направлены в Чердынь, Соликамск и Верхотурье¹²². Однако в определенных обстоятельствах отправка ссыльных могла быть отложена: так, арестант Соболевский перед отправкой в Чердынь задержался в Кунгуре в связи с болезнью, а у арестанта Соболевского, пунктом назначения которого было Верхотурье, заболела жена¹²³.

Несмотря на амнистии и окончание срока пребывания в ссылке, не все поляки стремились уехать обратно на родину. Вследствие быстрого развития восточных регионов страны, в отличие от западных областей, здесь всегда недоставало добросовестных и образованных работников. Не найдя подходящей работы в Польше, некоторые бывшие ссыльные возвращались в глубь России ради успешной карьеры и заработка. Например, помещик из Гродненской губернии, бывший губернский секретарь Э. М. Онхимовский направил прошение: «28.09.1867 г. Просит помещик Гродненской губернии, губернский секретарь Эдмунд Маврикий сын Онхимовский, а в чем мое прошение – тому следующие пункты. 24 августа текущего года я подал на имя его Превосходительства, начальника Пермской губернии прошение о дозволении мне, сколько пожелаю, остаться в Кунгуре, основываясь на высочайшем указе 1865 г., т. к. я исполнил волю правительства, продал уже в Западном крае свое имение и, согласно такого высочайшего указа, взамен завелся хозяйством в Кунгуре. В прошении же к его Превосходительству начальнику Пермской губернии от 24 августа я прибавил, чтобы, в случае невозможности удовлетворения моему желанию, дозволено мне было с таким же прошением обратиться к господину Министру Внутренних дел, желая теперь ускорения в удовлетворении законной моей просьбы всеподданнейше прошу...»¹²⁴. В октябре 1867 г. ему дозволено было остаться на жительство в Кунгуре, где он стал заниматься торговлей. К нему добровольно при-

ехала жена Констанция, 27 лет, с дочерью Иозефой 4 лет. Так же добровольно с ними приехала из Могилевской губернии служанка Анастасия Яковлевна Шерьковская¹²⁵. Скорее всего, позднее Онхимовский вместе с семьей перебрался в Пермь, как и другие ссыльные, оставшиеся в крае.

Большинство поляков, попадая в ссылку, прекращали революционную деятельность. Все попытки обвинить их в каких-то протестных действиях, как это было с П. Сцеженным, при расследовании оказывались лишь домыслами местной полиции, опасавшейся «крамольных» настроений ссыльных. В ГАПК сохранилось дело политических преступников Крупского, Балакшина и Некрасова. Ссыльный российский студент Балакшин совместно с польским ссыльным Крупским бежали из-под ареста из Тобольской губернии и были пойманы только в г. Осе Пермской губернии. Под предлогом деятельности во имя «Центрального Комитета Русского народа», члены которого имели намерение сделать в России республику по примеру Американских Штатов, молодые люди и бежали из Сибири в Казань, где находился штаб этой организации. О личности Крупского стало известно, что «Крупский, прибывши из Австрии в Варшаву в декабре 1860 г., был предан военному суду за то, что, предложив свои услуги Варшавской Полиции быть ее агентом, старался ввести оную в заблуждение, составлял возмутительные воззвания и приклеивал оныя на улицах, писал безыменные письма и ложно доносил, что знает о существовании тайного общества, для которого, как сказал впоследствии, сам составлял статут. За эти преступления в октябре 1861 г. Крупский был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение»¹²⁶. При проведении следствия и после разоблачения преступники во всем сознались, и оказалось, что политическое значение деятельности не только не подтвердилось, но оказалось совершенно ложным и что побегом Крупского руководило одно желание – вернуться на родину.

Интересно и донесение о существовании в г. Чердыни Польской антиправительственной партии в 1880–1881 гг. Губернский секретарь г. Чердыни Петр Белдыцкий в письме от 28 мая 1880 г. сообщает о существующей в городе польской партии, враждебной правительству. На самом деле все преступные намерения злоумышленников оказались домыслами самого Петра Белдыцкого, который по разным причинам испытывал неприязнь к живущим в Чердыни ссыльным полякам. Среди причин можно назвать национальный признак, государственную пропаганду против поляков-бунтарей, зависть и т. д.

Начальник пермского губернского жандармского управления, докладывая губернатору о необоснованности этого дела, отмечает, что «...не имеет никаких фактов к положительному обвинению которого-нибудь из упомянутых лиц (поляков г. Чердыни. – *Авт.*) как в политической неблагонадежности, так и в неприязненных действиях к существующему правительству, и если он и обратил на них своими письмами внимание высшего губернского начальства, то потому только, что выше означенные лица позволяют себе высказывания, по его личному мнению, либерального суждения, что характеризует их как людей неблагонамеренных, но о чем именно они высказывались с либеральной точки зрения, того Белдыцкий не упомянет»¹²⁷. В дополнении значится: «Белдыцкий человек крайне беспокойного характера, и можно допустить, что письма его к г-ну Начальнику губернии и к Управляющему Палатой государственных имуществ вызваны лишь только враждебными, по разным причинам, отношениями Белдыцкого к Мостицкому, Мочинскому, Шимкевичу и др. Что же касается до польской партии, о коей очень много говорит Белдыцкий в своих письмах, то она так же фиктивна, как и неблагонадежность в политическом отношении указанных Белдыцким лиц. Если лица польской национальности, проживающие в г. Чердыни, огруппировываются в свой кружок, то это явление общее и из этого еще нельзя усмотреть ничего антиправительственного»¹²⁸.

Единственным примером участия поляков в революционном движении в Пермской губернии может послужить деятельность Исидора Войцвилло. Его отец Станислав Войцвилло

был сослан в Иркутск, а затем в Пермь за участие в восстании 1863–1864 гг. Сам Исидор еще в начале XX в. вступил в кружок марксистов-самообразованцев. В 1906 г. И. Войцвилло был заключен в пермскую тюрьму «за принадлежность к боевой организации» и «за хранение преступных воззваний». Начальник пермской полиции считал действия Исидора «весьма вредными для общественного порядка и спокойствия». После ссылки в Вологду Исидор Войцвилло вернулся в Пермь уже сознательным революционером и жил под именем Эдуарда Константиновича Модзалевского. С началом Первой мировой войны Войцвилло, спасаясь от мобилизации, уехал в Ташкент, позже воевал в РККА и умер от болезней в первые годы советской власти¹²⁹. Как видно, революционные взгляды Войцвилло сформировались уже в России, причем на базе идеологии российской социал-демократии, а не национально-освободительного движения поляков. Поэтому его деятельность не связана с его происхождением, и говорить о ее корнях, связанных с восстаниями 1863–1864 гг., не приходится.

Таким образом, мы видим, что фактов участия поляков в антиправительственной деятельности намного меньше, чем фактов о подозрении поляков в этом. Скорее всего, в ссылке поляки переходили к мирной жизни, больше внимания уделяя духовной свободе, чем политической. Во всяком случае, никаких ограничений в религиозной деятельности они, живя в ссылке, не встречали.

Переселяясь в глубь России, поляки продолжали сохранять традиции и культуру своего народа. В начале 1860-х гг. в Перми начинает оформляться польская библиотека (часть ее до сих пор хранится в Пермской краевой библиотеке имени Горького). Ее создание тесно связано с польскими ссыльными в г. Пермь¹³⁰. Неоднократно отмечался и вклад ссыльных поляков в развитие культуры и образования Пермского Прикамья.

После 1870 г. массовый приток поляков на восток, в том числе и в Пермскую губернию, прекратился. Однако последнее отправление ссыльных поляков на восток страны произошло в июле 1880 г.¹³¹ С конца 1960-х гг. начинается и завершение для отдельных поляков их ссылки в Пермской губернии. На основании Высочайшего указа от 17 мая 1867 г. 26 лицам, находящимся под надзором полиции в Пермской губернии, был позволен выезд в Царство Польское. Однако в документах канцелярии пермского губернатора за 1874 г. среди лиц, состоящих под надзором полиции в городах и уездах Пермской губернии, продолжают фигурировать ссыльные поляки¹³². Отмечены ссыльные поляки и в отчетах 1880-х гг.¹³³ Кроме того, в этот период в Прикамье появляются и поляки, участники восстания, переведенные из Сибири и также находящиеся под надзором пермской полиции. Оставались в России и те многочисленные ссыльные, которые ранее предпринимали попытки бежать, участвовали в бунтах заключенных и были осуждены повторно. Будучи причисленными и к категории уголовных ссыльных, они не могли воспользоваться амнистиями, касающимися политических ссыльных¹³⁴. Польская ссылка в Пермской губернии участников восстания 1863–1864 гг. заканчивается в начале 1890-х гг. Циркуляры Департамента полиции и пермского губернатора и рапорты уездных исправников 1894–1895 гг. отмечают, что в 12 уездах Пермской губернии лиц, «отбывающих наказание за участие в польских восстаниях 1863 г.», нет¹³⁵.

Однако и в последующие периоды в Пермской губернии находились сосланные поляки. В пермских архивах, в частности, сохранились документы о высланных в Пермь участниках политических демонстраций 1894 г. в г. Варшаве¹³⁶. Канцелярия варшавского генерал-губернатора в июле 1894 г. обращается к пермскому губернатору: «Господин Министр Внутренних дел, по рассмотрении в особом Совещании, образованном согласно 34 статье Положения об охране, обстоятельстве дела о 160 лицах, арестованных за участие в политической демонстрации 5 Апреля сего года в г. Варшаве, постановил: выслать этих лиц под гласный надзор полиции, на срок от двух до пяти лет, в губернии, для этого назначенные, по избранию самих высланных. В числе губерний этих значится и Пермская, которую избрали лица, поименован-

ные в прилагаемом при сем списке, кои подлежат отдаче под уполномоченный надзор полиции на срок, показанный в том же списке...»¹³⁷.

Среди высланных значатся студент, сын чиновника Петр Зенон Викентьев-Чернявский, дворянин Генрих-Антон Казимиров Жмигородский, студент Варшавского университета, мещанин Иван-Евгений Феликсов Гнус, дворянка В. И. Бригевич¹³⁸.

В сопроводительных документах на студента И. Ф. Гнуса отмечено: «Принимавший участие в политической демонстрации, состоявшейся 5 Апреля сего года в г. Варшаве, мещанин Иван-Евгений Феликсов Гнус по распоряжению Господина и. д. Варшавского Генерал-Губернатора подвергнут был аресту на 3 месяца и затем на основании утвержденного 4 июня 1894 г. Господином Министром Внутренних Дел постановления Особого Совещания, образованного согласно 34 ст. Положения об охране, подлежит высылке, по собственному его выбору, в Пермскую губернию, под гласный надзор полиции на два года. Вследствие вышеизложенного, названный Гнус 12-го сего июля снабжен проходным свидетельством за № 3174, для следования прямым путем и безостановочно до места назначения. Сообщая об этом Вашему Превосходительству на зависящее распоряжение, имею честь препроводить при сем принадлежащие Гнусу документы числом пять для вручения по принадлежности; о последующем же не отказать меня уведомить, с возвратом упомянутого проходного свидетельства...»¹³⁹. Имеются многочисленные свидетельства об обращении ссыльных поляков за материальной помощью к властям в виде пособий. В частности, в фондах канцелярии губернатора отложились прошения ссыльных поляков о материальной помощи. «Генрих-Антон Казимиров Жмигородский, дворянин, на два года. Отправлен в г. Шадринск, просит пособие. Служит на винокуренном заводе наследников Поклевских-Козелл, получает жалование 25 руб. в месяц», – сообщается в одном из писем¹⁴⁰. В другом деле приводится информация, что «...сын чиновника Петр-Зенон Викентьев Чернявский... отправлен в Екатеринбург. Тоже просит пособие... Родители умерли, имущество не оставили. Имеет занятие в конторе Торгового Дома братьев Поклевских-Козелл в качестве писца с жалованьем 25 руб. в месяц»¹⁴¹.

Прошение о помощи в канцелярию губернатора поступило и от ссыльной дворянки В. И. Бригевич: «Не имея никаких средств... я все время изгнания, т. е. с 7 августа 1894 г., жила в долг... Я как живописец не могу найти в Перми занятие... нахожусь в совершенно безвыходном положении»¹⁴². Следует отметить, что пособие назначалось не всем и не на все время пребывания в ссылке. Прежде всего, власти принимавшей территории делали запрос на первоначальное место проживания ссыльного о материальной обеспеченности его самого и его родственников. В ответе могла значиться информация о необходимости помощи или об отсутствии таковой. Так, по делу прибывшего в 1894 г. в Пермскую губернию участника политической демонстрации студента Варшавского университета Гнуса Ивана-Евгения Феликсовича в ответ на запрос пришла информация о том, что «... (родственники. – *Авт.*) арендуют дом, и мать может помогать сыну»¹⁴³, следовательно, в пособии от казны данному ссыльному было отказано.

Поляки на государственной службе в Прикамье во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в., когда Царство Польское уже плотно интегрировалось в российскую экономику, многие поляки, имея хорошее образование и желание трудиться, делали карьеру в отдаленных от центра губерниях России, где всегда был высокий спрос на квалифицированных специалистов. Поляки занимали высокие посты в государственном и правительственном аппарате, исправно служа на благо государства, себя и своей семьи. О знаменитых поляках написано множество книг, статей, отзывов. Вклад поляков (добровольно приехавших в Россию или нет – неважно) в развитие российской государственности, в военное дело, образование и просвещение, в культуру невозможно не оценить. Но мы приведем в пример незнаменитого, простого человека. Так, уже упоминавшийся выше Люциан Станиславович Буткевич, чиновник строительной и дорожной комиссии, в 1863 г. сообщал о себе: «Зовут меня Люциан сын Станислава Буткевич, дворянин Гродненской губернии, от роду 56 лет, вероисповедания римско-католического, на службе стою с 1828 г., ныне стою чином в Пермской губернии в строительной и дорожной комиссии в чине подполковника, под судом не был, награды имею: Знак отличия беспорочной службы 25 лет, орден св. Анны 3-й степени и в недавнем времени представлен к награде орденом св. Владимира 4-й степени за 35-летнюю беспорочную службу»¹⁴⁴.

Во многих крупных организациях Перми и Пермской губернии в XIX в. работали поляки, приехавшие в Россию еще детьми. Большинство из них, повзрослев, состояли на службе в качестве чиновников и административного персонала (бухгалтер, столоначальник, податной инспектор и т. д.)¹⁴⁵. Анализируя личные дела поляков, работающих в Пермской казенной палате во второй половине XIX – начале XX в., можно сделать некоторые выводы о социокультурном облике польского чиновничьего сообщества. Большинство из упомянутых поляков приехали в Пермскую губернию из западных губерний Российской империи, граничащих с Польшей – Гродненской, Могилевской, Минской, Волынской, Ковенской¹⁴⁶. Но у некоторых из изучаемых нами поляков родители к тому времени проживали и работали на территории губерний Центральной России. Так, среди места жительства в делах упоминаются Вятская, Смоленская губернии, города Санкт-Петербург, Екатеринбург¹⁴⁷. Причем многие из тех, кто родился на приграничных с Польшей территориях, обучение проходили уже в Центральной России и даже в Пермской губернии (указаны города Казань, Рыбинск, Соликамск¹⁴⁸).

Социальный состав работающих в государственных органах и учреждениях поляков достаточно пестрый. Среди чиновников Пермской казенной палаты встречаются представители военных (2), мещан (4), священников (2), дворян (7) и т. д.¹⁴⁹ Есть даже представитель древнего шляхетского рода¹⁵⁰. Интерес представляет и конфессиональный состав. Так, из обозначивших свою веру 8 являлись католиками и 9 – православными. Следует отметить, что многие из поляков, родившихся в России, принимали православное вероисповедание. Это не мешало им общаться с соотечественниками-католиками¹⁵¹. Возможно, многие из рассмотренных нами представителей польской общины являются потомками ссыльных переселенцев, но, скорее всего, эти поляки приехали в центральные губернии России для личных целей, в том числе связанных с карьерой. Этим во многом объясняется большое количество православных среди них. Документы показывают и высокую мобильность российского чиновничества: в формулярных списках мест службы, как правило, определены несколько губерний и городов России.

Приведем лишь некоторые послужные списки чиновников Пермской казенной палаты, имеющих польское происхождение. Так, «канцелярский служитель Михаил Николаевич Цишевский состоит в штате Пермского губернского правления, 24 лет, родился в 1874 г., Апреля 4 дня, вероисповедания православного, имеет темно-бронзовую медаль на ленте государственных цветов за труды по Первой всеобщей переписи населения 1897 г., жалование получает по трудам и заслугам. Из мещан гор. Слонима Гродненской губ. Имения – нет. Холост. Постановлением Пермского губернского правления определен на службу с правами канцелярского служителя 3-го разряда в штат губернского правления 1894 г. 16 августа. Постановлением управляющего Пермской казенною палатою, состоявшимся 13 апреля 1898 г. за № 30, переведен в штат палаты, 14. 04. 1898 г. допущен к исправлению должности помощника столоначальника палаты, 2. 03. 1899 г. назначен столоначальником палаты»¹⁵². В 1899 г. М. Н. Цишевский представил в Департамент геральдии «для утверждения его в дворянском достоинстве» документы, которые раскрывают происхождение рода Цишевских: «1) герб Plomienzyk рода Цишевских, перешедшего в Польшу из Франции ок. 1100 г., на польском языке; 2) извлечение из родословной книги фамилии Цишевских герба Ятреб на польском языке с русским переводом, об утверждении в дворянском достоинстве Виктора Цишевского; 3) подписку Виктора Цишевского, явленную 8 июня 1829 г. в Слонимском городском суде, о признании моего прадеда Михаила с его сыном, а моим дедом Иваном, двоюродным братом (на польском языке с русским переводом); 4) метрическую выпись за № 21, на латинском языке, о рождении моего прадеда Михаила Леонова Цишевского; 5) метрическую выпись за № 1 на польском языке о рождении моего деда Ивана Михайловича Цишевского и 6) метрическую выпись за № 22 на латинском языке о рождении брата моего деда – Карла Михайловича Цишевского; и не имею возможности получить метрику о рождении ныне умершего отца моего Николая Ивановича Цишевского, крещенного в одном из Слонимских костелов Гродненской губернии, т. к. архивы Гродненской консистории уничтожены пожаром»¹⁵³.

Лев Адамович Гижицкий происходил из граждан бывшего Царства Польского. «Родился 29. 03. 1875, римско-католического вероисповедания. Имеет орден св. Анны, св. Станислава 3-й степени, светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых, светло-бронзовую [медаль] на ленте Ордена Белого Орла за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. Женат первым браком на великобританской подданной девице Алисе-Елен-Кет Пикерпиль, родившейся 04.07.1879, в брак вступил 24.11.1899. Сын: Леопард-Александр, родился 08.10.1907. Жена вероисповедания англиканского, сын – римско-католического. Обучался в Императорской Казанской Первой гимназии, но полного курса не окончил, вышел из 5-го класса. Воспитание получил в Рыбинских мореходных классах, где и окончил полный курс наук, со званием шкипера каботажного плавания, в 1893 г. Служил в Томском округе путей сообщения командиром казенных пароходов (1899–1903). 27.08.1903 – чиновник особых поручений Тобольской Казенной Палаты. С 16.10.1905 – старший бухгалтер Туринского Казначейства. С 01.07.1909 – чиновник особых поручений Пермской казенной палаты. С 14.01.1917 – товарищем Министра финансов назначен податным инспектором Пудожского уезда Олонецкой губернии. С 15.02.1918 – приказом Народного комиссара по финансовым делам перемещен податным инспектором в г. Пермь, заведовал вторым налоговым отделением, избран <...> заседателем местного народного суда»¹⁵⁴.

«Иосиф Фомич Рудзеевский, статский советник, родился 23.03.1860, вероисповедания римско-католического. Имеет орден Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степеней, св. Станислава 2-й и 3-й степеней, медаль серебряную на Александровской ленте в память царствования Императора Александра III и темно-бронзовую на ленте государственных цветов за труды по Первой всеобщей переписи 1897 г. Из потомственных дворян. Женат первым браком на девице Вере Ромуальдовне Эфтимович. Дети: Виктор 05.11.1889, Николай 27.11.1885,

Владимир 24.06.1887, Григорий 10.02.1896, Екатерина 10.12.1899. Жена и дети вероисповедания православного. Окончил полный курс Харьковского ветеринарного института, ветеринарный врач – 02.06.1882. С 02.11.1885 – столоначальник Оренбургской казенной палаты (затем секретарь, титулярный советник, коллежский асессор и т. д.). С 18.10.1903 высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 88 назначен начальником I отделения Пермской казенной палаты с 18.11.1903. С 22.06.1904 – 21.01.1906 выехал на Дальний Восток как состоящий в запасе чиновник военно-медицинского ведомства (на русско-японскую войну)». После возвращения в Пермь И. Ф. Рудзеевский в 1908 г. ходатайствует о переводе его на службу в Москву или Петербург «для предоставления ему возможности жить вместе с детьми, воспитывающимися в высших учебных заведениях»¹⁵⁵. В характеристике, выданной управляющим Пермской казенной палатой Н. А. Ордовским-Танаевским, достаточно высоко оцениваются профессиональные качества пермского чиновника: «В течение своей продолжительной службы в казенных палатах Рудзеевский многократно был командирован для ревизии и упорядочения счетоводства и делопроизводства казначейств, для самостоятельной проверки торговли и промыслов, для проверки действий податных инспекторов в той же отрасли деятельности и, судя по наградам, ему назначавшимся, все поручения и службу исполнял блестяще. За 2 года совместной службы своей с Рудзеевским в Пермской казенной палате я постоянно находил в нем сотрудника, отлично ознакомленного с деятельностью казенной палаты во всех ее частях, неутомимого, вполне самостоятельного работника и отличного руководителя подведомственных ему служащих, способного совершенно точно и вполне справедливо оценить своих подчиненных. Отличные служебные и нравственные качества Рудзеевского обязывают меня доложить Вашему Превосходительству, что, по знакомству с деятельностью казенной палаты и многим отраслям деятельности податной инспекции, он с успехом мог бы замещать должность управляющего казенной палатой и что перевод его начальником отдела в Москву, где воспитываются в высших учебных заведениях уже четверо его детей, являясь лишь незначительным сравнительно служебным поощрением Рудзеевскому, принесет несомненную пользу делу службы, усилив состав самую тяжелую по работам Московской казенной палаты образцовым работником»¹⁵⁶. Министерство финансов в 1909 г. уведомило управляющего Пермской казенной палатой о том, что И. Ф. Рудзеевский с 24 апреля 1909 г. переведен на должность начальника III отделения Московской казенной палаты»¹⁵⁷.

Послужные списки и биографии обычных пермских чиновников, приведенные нами на основе анализа документов Пермской казенной палаты, можно множить и множить. Они раскрывают не только социальные характеристики пермского чиновничества, но и судьбы поляков, для которых Пермь стала одной из страниц хроники жизни, для кого-то – лишь очередным, временным передвижением по службе, для кого-то – родным городом, основным этапом личной биографии.

Достаточно большое число поляков Пермского края занимали различные должности на железной дороге. Польские фамилии встречаются уже с начала строительства Уральской горнозаводской железной дороги (1878–1912). В 1878 г. участие в открытии движения на дороге принимал начальник дороги Александр Андреевич Свентицкий. По архивным материалам (1894) существовали ограничения в приеме на железную дорогу неправославных поляков и немцев: не выше 25 % из числа служащих и не выше 40 % – из составителей поездов, проездных кондукторов, сигналистов, стрелочников, паровозных машинистов. По данным 1895 г., процент неправославных служащих на Уральской железной дороге не превышал нормы: православных – 5835 (91 %), магометан – 285 (4,4 %), католиков – 125 (2 %), единоверцев – 66, лютеран – 50, раскольников – 22, евреев – 17¹⁵⁸. Иноверцы по железной дороге распределялись равномерно между православными. В 1908 г. на разных путях Пермской железной дороги служило 23 поляка. По национальному составу служащих и рабочих поляки были на

третьем месте после русских (2796 чел.) и татар (32 чел.). Поляки занимали следующие должности: начальники участков (4 из 16 чел.); старшие дорожные мастера (4 из 13 чел.); дорожные мастера (4 из 131 чел.), старшие рабочие (3 из 395 рабочих), линейные сторожа (1 из 711 чел.), переездные сторожа (1 из 60 чел.), переездные сторожихи (2 из 680 чел.), мастерские участка (1 из 85 чел.)¹⁵⁹.

Об общем числе и значении поляков на железнодорожной службе в другие годы приходится только догадываться по фамилиям, которых встречается не мало (Вылежинский, Войцеховский, Домбровский, Завадский, Кржековский, Пшерадский, Шиманский и др.). Кроме названных выше обслуживающих дорогу должностей, среди поляков были билетные кассиры станций (Г. И. Сержпутовский), заместитель главного врача дороги (Б. И. Загорский), преподаватель геометрии Пермского технического железнодорожного училища (А. Ф. Жилевич) и др.¹⁶⁰ Скорее всего, их число не было постоянным, и состав их постоянно менялся. Судя, в частности, по архивным делам, не редки на железной дороге были случаи, когда служащие получали увечья, после чего некоторые покидали работу¹⁶¹. Польские фамилии встречаются в числе активных участников забастовок на железной дороге (Домбровский, Лозовские, Пикличевич и др.) – в 1905 г., в годы Октябрьской революции и Гражданской войны.

Как видно, в Перми поляки в XIX в. появлялись по двум причинам – в результате ссылки (таких было меньшинство) и в результате переезда в поисках работы.

В Прикамье поляки, имевшие образование и необходимый трудовой опыт, легко делали профессиональную карьеру, занимали важные посты, в том числе на государственных должностях. Адаптируясь, многие из них принимали православие, изучали русский язык, входили в российское подданство. Однако эти факторы не мешали им чувствовать себя поляками, помогать своим соотечественникам, поддерживать на пермской земле польскую культуру и вносить весомый вклад в развитие уральской провинции Российской империи.

Поляки в г. Перми во второй половине XIX в.

К концу XIX в. число поляков, постоянно проживавших в Перми, достигло 739 чел. Это составляло более 1,5 % от всего населения города¹⁶². Происхождение поляков, которые проживали в Перми в 1870–1880-е гг., можно восстановить по сведениям из сохранившихся метрических книг. Больше всего поляков приезжало из Ковенской губернии. Много было уроженцев Гродненской, Варшавской, Виленской, Минской губерний. Встречались выходцы практически из всех губерний Польши, Украины, Белоруссии и Прибалтики¹⁶³. На основе данных «Первой всеобщей переписи» 1897 г. можно определить, что среди поляков было 250 выходцев из собственно Польши и более 500 – из губерний Западного края¹⁶⁴. Надо отметить, что число мужчин в несколько раз превышало число женщин. Это может свидетельствовать о том, что польские мужчины чаще переселялись в одиночестве и были вынуждены вступать в брак с местными жительницами.

Отношение местных жителей к полякам, в том числе и ссыльным, было достаточно доброжелательное. Сложилась интересная ситуация, когда простые русские люди одновременно жертвовали деньги в пользу раненых в борьбе с польскими мятежниками и на помощь полякам как в самой Польше, так и в Пермской губернии. Русские старались всячески помогать польским арестантам. В Перми постоянно проводили сборы пожертвований для улучшения их содержания, собирали книги для библиотеки Тюремного замка¹⁶⁵.

В конце XIX в. поляки появились в регионе одновременно большими группами, и им было проще сохранять свои традиции, религию, культуру, помогать друг другу. Несмотря на это, им приходилось испытывать некоторые сложности, связанные с окружающей средой. Основным механизмом влияния многонационального города на традиции и устои любого народа служило образование. Поляки отдавали детей в городские учебные заведения. Здесь им приходилось учиться и общаться со сверстниками на русском языке. Польскую речь было негде слышать – на родном языке говорили только в семье. Это, с одной стороны, несколько отдаляло юных пермских поляков от культуры предков, а с другой – облегчало приспособление к городской жизни. Поляки и сами преподавали в учебных заведениях города. Тем не менее, среди них, как и среди представителей других народов, встречались люди, не знавшие русского языка. Чаще всего это были крестьяне¹⁶⁶.

Хочется отметить интересный факт. Среди имен поляков встречаются сочетания, когда имя четко отражает национальную принадлежность, а отчество – типично русское. Например, Людовик Иванович, Вацлав Александрович, Казимир Яковлевич и т. п.¹⁶⁷ В 1860-е гг., в основном, имена и отчества были традиционно польскими, а в 1870-е гг. картина уже начинает меняться. Почти поровну отмечено тех, кто имел польские и русские имена и отчества. Еще столько же имели польское имя, а отчество – русское, чуть меньше носили русское имя и польское отчество¹⁶⁸. То есть было достаточно много поляков, названных русскими именами, причем среди старшего поколения несколько преобладали люди с русскими именами, а среди молодого поколения чаще встречались польские имена. Можно предположить, что первые поколения переселенцев стремились быстрее адаптироваться в новой среде и давали своим детям русские имена. А последующие поколения, поняв, что существует возможность сохранять свою национальную самобытность в новом обществе, стали называть детей национальными именами. Метрические книги дают представление о семейной жизни поляков в Перми в конце 1860-х – начале 1880-х гг. В них имеются данные о 80 браках поляков, из которых смешанными были только 10¹⁶⁹. Это свидетельствует о стремлении поляков к заключению этнических браков, к сохранению своего уклада жизни. Такая тенденция сохранялась до конца 1880-

х гг. К сожалению, информация о венчаемых в этот период очень ограничена, но, например, из четырех невест, о которых нам известно, одна была приезжей из Вятской губернии, и этот факт говорит о том, что, желая поддержать этническую чистоту в браке, невест искали в других городах, где также проживали ссыльные поляки. Тем не менее, количество смешанных браков неуклонно росло¹⁷⁰.

В то время в семьях поляков было довольно много детей. Наличие у поляков больших семей подтверждается и данными метрических книг. В польских семьях, обосновавшихся в г. Перми, отмечено до пяти детей. Хотя семейные ценности традиционно были важны для поляков, около половины юношей и мужчин оставались холостыми. Но, с другой стороны, почти все взрослые женщины были замужем. У католиков развод практически не встречался¹⁷¹. Можно предположить, что мужчины по-прежнему не хотели жениться на русских, а поскольку польских женщин было мало, они предпочитали оставаться холостыми. Однако из-за ограниченного числа соплеменников полякам все чаще приходилось вступать в смешанные браки.

Религиозные традиции имели неопределимое значение для того, чтобы поляки в чужой среде могли чувствовать себя национальной и духовной целостностью. В Перми за последние три десятилетия XIX в. доля католиков среди населения почти удвоилась и достигла 2 %, а в абсолютных цифрах их количество увеличилось более чем в 6 раз. 99 % поляков города исповедовали католицизм, но среди них встречались также православные, протестанты и иудеи¹⁷². Католичество являлось одним из важнейших факторов, благодаря которому проявлялось этническое самосознание поляков, и они могли выделять себя из массы окружающих людей. Религия позволяла им сохранять традиции, принятые на родине.

Социальная структура поляков формировалась в 1860-е гг., в том числе за счет ссыльных. Социальный состав ссыльных был разнообразен, но преобладали среди них дворяне (выходцы из среднего шляхетства) и крестьяне. В 1897 г., когда пермская ссылка в основном закончилась, поляки продолжали сохранять высокий социальный статус, потомственные дворяне составляли 33 % от поляков Перми¹⁷³. Доля чиновников составляла 9 %, что отражает заметный вклад поляков в управление губернией. В городе зарегистрировано несколько почетных граждан и купцов польского происхождения, но они составляли лишь около 1 %. Мещанами считались 15 %. Крестьян отмечено более 40 %¹⁷⁴. Социальная структура поляков Перми характеризовалась высокой долей дворянства и крестьянства, не самым большим удельным весом мещанства и почти полным отсутствием купечества.

Поляки являлись одними из самых образованных людей Перми. 80 % польских мужчин и 87 % женщин были грамотными. Уровень грамотности польских женщин был выше, чем у мужчин, что довольно нетипично для того времени. Около половины пермских поляков имели начальное и среднее образование на русском языке, 5 % были грамотны на родном языке и 30 % имели высшее образование. В Перми женщин, знавших русскую грамоту, было меньше, чем мужчин, но зато число женщин с высшим образованием было выше почти на 25 %¹⁷⁵. Скорее всего, это связано с тем, что польские женщины чаще всего приезжали вслед за своими мужьями, дворянами и чиновниками, а среди мужчин был высок процент крестьян. Высокий уровень образования и социальное происхождение позволяли полякам активно проявлять себя в управлении и профессиях умственного труда, таких как экономисты, инженеры, врачи, юристы, педагоги. Однако первоначально ссыльные поляки не могли сами выбирать, чем им заниматься. В Перми они размещались в арестантской роте, которая находилась в доме, принадлежащем чиновнику Шумилову, на углу улиц Верхотурской (Н. Островского) и Покровской (Ленина). К работам арестантов причислялось и выполнение частных заказов. Поденная плата составляла от 12 до 25 коп.¹⁷⁶ Среди поляков, находящихся в арестантской роте в 1864 г., были мастеровые разных профессий: часовщик, медник, слесари, кузнецы, столяры, плотники,

маляры, портные, сапожники, обойщик, цирюльник, хлебопек, музыканты. Списки мастеров печатались в Пермских губернских ведомостях. Желавшие могли сделать заказ¹⁷⁷.

В то же время свободные поляки занимали довольно высокие должности в разных сферах управления. Подробные сведения о занятиях и должностях поляков можно получить на основе списков чиновников и военных, содержащихся в «Адрес-календарях Пермской губернии» и в «Пермских губернских ведомостях»¹⁷⁸. В них можно обнаружить большое количество чиновников польского происхождения. В конце XIX века 8 % поляков служили в общественных и государственных учреждениях Перми¹⁷⁹. Одной из сфер, где они занимали видное место, являлись суд и прокуратура. В Пермском окружном суде работало много поляков. Популярна была и профессия нотариуса¹⁸⁰.

Удельный вес служащих в вооруженных силах в Перми был наивысшим, причем как среди поляков, так и среди представителей всех народов, проживавших в городе, – 57 %¹⁸¹. В это число входили все люди, так или иначе связанные с регулярными войсками, обслуживанием армии, а также бессрочно-отпускные военные.

В конце XIX в. более 5 % поляков было занято в образовании, науке и здравоохранении¹⁸². Некоторые из них не просто преподавали, но и руководили пермскими училищами и гимназиями. На ниве просвещения, как тогда говорили, работало много женщин¹⁸³. Надо заметить, что в то время польские женщины нередко играли самостоятельную роль, обусловленную высоким уровнем их образования¹⁸⁴. Существовали педагогические династии, например, семья педагогов Богословских. Директорами народных училищ Пермской губернии служили И. Ф. Грацинский и А. П. Раменский¹⁸⁵. Среди поляков встречались и ученые, например профессор Н. П. Обнорский, доктор геолого-минералогических наук П. Н. Чирвинский, доктор медицинских наук П. И. Иерусалимский. В здравоохранении тоже было заметно присутствие поляков – и врачей, и аптекарей. Многих поляков хорошо знали в городе как деятелей культуры¹⁸⁶. Польские архитекторы были известны и в Перми, и в губернии. Среди поляков были и представители технической интеллигенции, например горный инженер А. А. Сборовский¹⁸⁷. Банковские служащие в Перми составляли лишь 0,5 % поляков. Они служили, прежде всего, в Пермском отделении Государственного банка¹⁸⁸.

В промышленности и услужении было занято по 3 % поляков. На транспорте, главным образом на железной дороге, трудилось 8 % польского населения города¹⁸⁹, например инженер путей сообщений подполковник Л. С. Буткевич, заместитель управляющего Уральской горно-заводской железной дорогой П. С. Свентицкий. Число поляков, занятых в торговле, было не велико – 2 %¹⁹⁰. Назовем несколько имен: купцы Н. В. Днепровский, Е. И. Заозерский, Г. В. Бердинский. Владелец крупного колбасного магазина являлся В. А. Ковальский. В магазинах А. П. Кушелевского продавалась кожевенная продукция, шляпы, изделия варшавских фабрик¹⁹¹.

В целом подавляющее большинство поляков (около 70 %) находилось на гражданской и военной службе, принадлежало к интеллигенции. Это отражает большой удельный вес потомственных дворян и чиновников. Гораздо меньше поляков работало в промышленности и на транспорте и находилось в услужении. Это, скорее всего, были мещане и крестьяне.

Хорошо приспособившись к жизни на новом месте жительства, поляки сумели занять в ней весьма достойное место благодаря своему образованию и социальному происхождению. Они внесли заметный вклад в административное и культурное развитие Перми. Успешная адаптация поляков в многонациональном городе не помешала им сохранить свою культурную и религиозную общность и передавать детям знания о традициях предков. Поэтому они не

растворились в окружающей массе, продолжали осознавать свою этническую принадлежность и гордиться ею.

Во второй половине XIX в. в Перми сложилась значительная польская диаспора. Полякам необходимо было обосноваться в городе и, в первую очередь, обзавестись жильем. Состоятельные поляки покупали дома, а более бедные снимали квартиры. Количество домовладельцев среди поляков Перми к концу XIX в. стало одним из самых больших среди всех народов, проживавших в городе. Доля поляков среди всего населения Перми в 1897 г. составляла 1,5 %¹⁹², а домовладельцев отмечено 6 % (в 1887 г. это число составляло 4 %). За десятилетие выросло и число поляков-домовладельцев – с 73 до 122 чел.¹⁹³. Это самая большая доля состоятельных людей среди лиц всех национальностей, проживавших в городе.

Пермские поляки поначалу селились поближе к католической церкви, расположенной на углу улиц Большой Ямской (Пушкина) и Соликамской (М. Горького). Не случайно многие их дома и заведения находились именно здесь. Католическому храму принадлежал дом по ул. Соликамской (М. Горького), 38, в котором жили служители храма, например настоятель отец К. Мустейкис, органист С. Канцлер. Поляки часто помогали вновь прибывшим найти подходящее жилье. Так, старожилы помогли И. Р. Калиновскому подыскать новую квартиру на ул. Большой Ямской, в одном дворе с католической часовней¹⁹⁴.

К концу XIX в. поляки жили уже во всех районах города, но центральная часть оставалась местом их наиболее компактного проживания. В расселении поляков важную роль играло их социальное и материальное положение. В это время окончательно оформилось деление города на части (районы). К центральной, или первой части города относились улицы, идущие от речки Егошихи до четной стороны ул. Оханской (Газеты «Звезда»). Эта часть являлась административным и культурным центром Перми. Здесь жили наиболее состоятельные и знатные горожане, а также представители интеллигенции. Среди постоянных жителей района 10 % составляли поляки (39 домовладельцев)¹⁹⁵. В этих кварталах отмечена самая высокая концентрация поляков. Именно здесь размещалось Дворянское (Благородное) собрание, где представительство поляков было самым заметным.

В первой части проживало немало видных поляков. Председатель казенной палаты В. Е. Вердеревский жил на углу улиц Монастырской (Орджоникидзе) и Сибирской в огромном доме. Пермский купец Е. И. Заозерский проживал на ул. Петропавловской, 16. На углу улиц Покровской (Ленина), 34 и Сибирской, 6 размещался дом В. А. Ковальского, владельца небольшого мясоперерабатывающего завода¹⁹⁶. В центральной части города селились и польские интеллигенты. А. Б. Турчевич жил на углу улиц Екатерининской (Большевицкой), 32 и Верхотурской (Н. Островского), 15. В 1883 г. архитектор Р. О. Карвовский построил для себя одноэтажный деревянный дом на ул. Вознесенской (Луначарского), 44¹⁹⁷. Причины, по которым концентрация польского населения в центре оказалась наибольшей, носили как социальный характер, так и являлись следствием существования здесь католического храма.

Вторая часть города располагалась между четной и нечетной сторонами улиц Оханской (Газеты «Звезда») и Далматовской (Попова). Эту часть можно считать торгово-ремесленным районом. Во второй части проживало 32 поляка, что составляло 6 % от всех домовладельцев, как и в среднем по городу¹⁹⁸. В. Ф. Бартминский имел дома на ул. Покровской (Ленина), 54 и Петропавловской (Коммунистической), 62. На ул. Большой Ямской (Пушкина), 66 жила мещанка Ю. Г. Вишневская. Состоятельные поляки часто имели дома в нескольких частях города. Наследственным польским дворянам Поклевским-Козелл принадлежали дома как в первой, так и во второй частях¹⁹⁹.

К концу века социальный состав польского населения стал меняться, в результате чего возросла численность поляков на рабочих окраинах. Таковой являлась третья часть города,

размещавшаяся между четной и нечетной сторонами улиц Далматовской (Попова) и Дальней (Хохрякова)²⁰⁰. Здесь проживал 31 поляк, что составило 4 % от постоянного населения. Поляки селились в Солдатской и Новой слободах. В первой насчитывалось 16 поляков, во второй – 2 поляка²⁰¹.

Со временем численность поляков неизменно возрастала во всех районах города, хотя и с неодинаковой быстротой. Поляки составляли абсолютное большинство среди нерусского населения во всех названных районах (50–60 %), но уровень концентрации поляков заметно менялся в зависимости от местоположения района. В центральной части концентрация была высокой, во второй – средней, а на окраинах – низкой. В каждой из трех основных частей города отмечено более 30 поляков-домовладельцев²⁰². Поляки селились по всей территории города, но почти всегда, даже в самых отдаленных частях, рядом находились два или более польских дома. Необходимо, однако, выделить район компактного проживания в центре Перми. Кстати, в столичном Петербурге отмечалась такая же картина: поляки так же, почти равномерно, расселились по городу²⁰³. Как жили поляки в Перми? Определяющим в укладе жизни стала не столько этническая принадлежность, сколько, главным образом, социальное и материальное положение конкретного человека. В условиях города этнические особенности жилища стирались в силу ряда причин: назовем типовое городское строительство, постоянные переходы жилища из одних рук в другие, широкое распространение аренды... Состоятельные жители строили или приобретали жилье в соответствии с лучшими городскими образцами. Уже не раз отмечалось, что поляки были достаточно состоятельны. Это, естественно, отражалось на их быте. В первые годы ссыльные поляки жили скромно. Со временем условия их жизни заметно изменились и стали более разнообразными. Вот несколько примеров. Председателю Казенной палаты В. Е. Вердеревскому принадлежал деревянный оштукатуренный двухэтажный дом на углу улиц Монастырской (Орджоникидзе), 17 и Сибирской, 2. Вдова пермского мещанина А. И. Питкевич владела деревянным флигелем на ул. Шадринской (Борчанинова) и домом на ул. Екатерининской (Большевицкой)²⁰⁴.

Более подробно можно представить усадьбу губернского секретаря М. П. Вишневецкого, которую он приобрел в июне 1894 г. за 5000 руб. серебром. Дом находился в первой части города на ул. Большой Ямской (Пушкина), 28. Деревянный дом был одноэтажным на каменном фундаменте, разделенный на две квартиры. Одна из них, скорее всего, сдавалась внаем. В первой квартире размещалось семь комнат, во второй – пять комнат и две прихожие. В той и другой квартире были отдельные кухни, устроенные в подвальном каменном этаже дома. Во дворе располагался одноэтажный деревянный флигель на каменном фундаменте. В нем было четыре комнаты, кухня и прихожая. На усадьбе размещались два погреба, каретник, два амбара, хлев и два дровяника. Была и одноэтажная бревенчатая баня на каменном фундаменте. Рядом с ней, в целях пожарной безопасности, был построен каменный брандмауэр (стена). В саду располагались небольшая теплица для цветов с парниками и беседка²⁰⁵. Эта усадьба является типичной для чиновников города. Ее описание дает представление о том, что в основной своей массе поляки жили достаточно комфортно.

Наиболее состоятельным из всех известных поляков являлся потомственный дворянин действительный статский советник А. Ф. Поклевский-Козелл. Среди домов, принадлежащих ему, несколько находились в Перми. Это усадьба с деревянным домом на углу улиц Петропавловской (Коммунистической), 62 и Красноуфимской (Куйбышева), 16, где были устроены контора, рейнские погреба и винно-колонияльный магазин, двухэтажный каменный дом на ул. Пермской (Кирова), 23 и еще два здания под № 34 и 36, где помещались контора и склад. Потомственный дворянин имел дома и в других городах губернии²⁰⁶.

Безусловно, жили в городе и бедные поляки, которые не имели своего жилья, однако об условиях их жизни почти ничего не известно. Скорее всего, она не отличалась от жизни мещан

и крестьян других национальностей. Они, обычно, имели одноэтажные деревянные дома традиционной планировки.

Более половины домов, принадлежавших полякам, были двухэтажными, 40 % – одноэтажными, остальные трехэтажными. Чаще всего поляки строили деревянные дома. Такие строения составляли более половины. На долю каменных домов приходилось 30 %, около 20 % являлись полукаменными²⁰⁷. Эти цифры, в целом, соответствуют социальному положению поляков. Дворяне, составлявшие около 30 % поляков, чаще всего строили каменные двухэтажные дома. Состоятельные чиновники и военные имели двухэтажные каменные и полукаменные дома. Чиновники и военные более низкого ранга строили деревянные одноили двухэтажные дома. Трехэтажные дома всегда были каменными и принадлежали обычно наиболее состоятельным купцам и дворянам. У малообеспеченных представителей всех сословий были одноэтажные деревянные дома. Этнические черты жилища могли сохраняться только в подобных жилищах горожан, и то фрагментарно.

Во второй половине XIX в. поляки в Перми играли очень важную роль во многих сферах жизни и оставили заметный след в истории города. Тому было немало причин, включая социальное происхождение, а также уровень образования и культуры поляков. При этом им приходилось сталкиваться с определенными трудностями, чтобы суметь приспособиться к жизни в новых условиях и при том сохранить свою самобытность. Именно вторая половина позапрошлого века явилась тем периодом, в течение которого полякам удалось справиться с проблемами и занять свое постоянное место в жизни губернского города.

Средства массовой информации Перми конца XIX – начала XX в. пестрят статьями о светских развлечениях польской общины. На страницах «Пермских губернских ведомостей» за подписью «Вера Гукс» (псевдоним А. Н. Скугарева, фельетониста, актера и... командора велосипедного общества) в 1901 г. опубликована авторская хронология жизни города – четыре пермских времени года: «Весна – вскрытие Камы и прибытие пароходов. Лето – открытие летнего клуба. Осень – приезд артистов и открытие сезона (обязательно оперного). Зима – для одних первый маскарад в Общественном собрании, а для других, «для тех, которые почище» (как говорится в «Ревизоре»), – польский бал в Благородке» (здании Благородного собрания. – *Авт.*)²⁰⁸. Устраивало эти балы, а также многочисленные музыкально-литературные вечера, рождественские елки, выставки и прочее Общество пособия бедным, существовавшее при католическом храме, центре польской общины. Доходы от мероприятий предназначались для помощи бедным соотечественникам, а также служили платой за обучение необеспеченных польских детей и др. Подробно отчет о польском бале приведен в «Пермских губернских ведомостях» в 1909 г.: «Традиционным польским балом гостеприимно открылись третьего дня двери вновь отстроенного просторного помещения дворянского собрания. Было очень много публики, но тесноты сравнительно не ощущалось. Стало быть, имеется наконец зал, совершенно отвечающий запросам Перми, так как большего скопления людей трудно ожидать... Много воздуха, масса света, новизна отделки, простор для танцующих в связи с нарядной публикой и полным оживлением, царившим как в самом зале, так и прилегающих помещениях, с киосками и благотворительными буфетами – все это создавало великолепное впечатление и достойно отмечало великие труды устроителей. Было весело, танцевали до 6 часов утра, а материальная сторона бала, как передавали, превзошла ожидания. Художественное отделение – концерт – был разнообразен и интересно составлен. Хорошо играл юный скрипач Глумковский. Из остальных исполнителей отметить надо оперного певца г. Маратова, как обладателя небольшого, но красивого тембра баса, а главным образом – очень музыкально нюансирующего исполняемое. Успех также имели г-жа Ковелькова и г. Чаров. Об игре пианистки Басовой-Гольдберг пермская публика достаточно представление имела и раньше. Партию второго рояля провела А. П. Сперанская»²⁰⁹.

Основная часть поляков, проживающих в Перми, относилась к чиновникам и дворянам. То же самое можно сказать и о добровольно приезжающих на Урал. Поэтому-то католическое население в Перми, составлявшее менее 1 %²¹⁰ в начале XX в., активно участвовало в образовании. Католический священник Мустейкис служил законоучителем в Пермском реальном училище²¹¹. Среди учащихся средних учебных заведений процент католиков выше их общего процента среди населения г. Перми. Так, на основе анализа вероисповедного состава учащихся «Мужской имени Александра I Благословенного гимназии, Мариинской женской гимназии, Женской гимназии имени Александра II, Мужской прогимназии, Алексеевского реального училища» выяснено, что в начале XX в. средний процент учащихся католического вероисповедания был 2,64 %²¹².

В течение второй половины XIX в. поляки смогли освоиться в Перми и обеспечить себе комфортные условия жизни, не в последнюю очередь – благодаря своему материальному положению. К концу века они жили во всех основных районах города, расселяясь довольно автономно, в зависимости от своего социального положения. Однако центром их средоточения оставался центр города, где проживали состоятельные и интеллигентные люди и где располагался католический храм. На окраинах поляков отмечено не так много, но их число постоянно возрастало. Большой многонациональный город оказал влияние на жилище поляков. Оно зависело от социального и материального положения владельца и определялось не национальными особенностями, а основными тенденциями, сформировавшимися в городе. В целом надо отметить, что поляки довольно легко приспособились к жизни в новых условиях и смогли обеспечить себе комфортную жизнь.

Из истории католической общины г. Перми

Появившиеся в городе в XIX в. поляки, независимо от их происхождения и политических взглядов, переносили с собой и элементы этнической и конфессиональной культуры. Католическая община Перми, одна из старейших религиозных общин губернии, обязана своим появлением и существованием полякам, поскольку именно они составляли костяк католического сообщества Прикамья.

По имеющимся источникам, уже в 1830-е гг. первые прибывшие на Урал поляки создали в Перми католическую общину. В документах, относящихся к ссылке в Пермскую губернию участников восстания 1830–1831 гг., отмечены и лица духовного сословия. Мартом 1834 г. датируется депеша пермскому губернатору от губернатора виленского, в которой сообщается, что последний «...удалил из Литвы ксендза Корнелия Важинского... отправил сего неблагонадежного духовного в одну из отдаленных губерний (Пермскую)»²¹³. В документах этого же года среди ссыльных поляков г. Перми упоминается ксендз Кулявский, которому ежемесячно выделяется по 20 руб. на содержание и наем квартиры, но спустя некоторое время пермские власти запрещают ксендзу совершать службы в своей квартире²¹⁴. Эти факты напрямую свидетельствуют о начале активной жизни католического сообщества города. Кроме поляков, в католической общине присутствовали и представители других этносов – немцы, литовцы, французы и т. п.²¹⁵ Более подробных сведений о деятельности католической общины в этот период почти не сохранилось, да и численность поляков в Пермской губернии в этот период была невелика²¹⁶.

В первые годы существования общины у верующих возникли проблемы с отправлением религиозных обрядов, поскольку своего священника в Перми у поляков не было. Эту функцию первоначально выполнял военный капеллан – ксендз, приезжавший из Казанского военного округа. Затем его сменил ксендз Зелинский, также высланный в Пермскую губернию под надзор полиции в 1834 г.²¹⁷ Именно о деятельности ксендза Зелинского в качестве капеллана содержатся сведения в сохранившихся метрических книгах. Самое раннее из обнаруженных нами документальных свидетельств относится к началу 1840-х гг.

В списках родившихся и крещеных капелланом при Пермском гарнизонном батальоне за 11 сентября 1841 г. сообщается о рождении в семье Идалии и Казимира Рудзеевских (дворян из Минской губернии) сына Ивана. Мальчик был крещен по католическому обряду 19 октября. «Присутствовали помещик Волынской губернии Евстофий Станиславович Ручинский с помещицей Герсылеей Августовной Янушевской», – сообщается в документе в разделе о присутствовавших на крещении²¹⁸. В записи за 5 июля 1841 г. сообщается о скоропостижно скончавшейся на 43-м году жизни жене батальонного аудитора Елизавете Александровне Бердяковской, уроженке Могилева, а за 19 августа и 16 сентября в метрической книге сделаны записи о смертях рядовых Пермского гарнизонного батальона Яна Ковенского (28 лет) и Лукаша Газара (23 года)²¹⁹. Эти и ряд других данных свидетельствуют о том, что поляки, жившие в Пермской губернии в середине XIX в., сохраняли свою католическую веру и вели отдельную от православного большинства религиозную жизнь. А метрические книги показывают, что в этот период требы совершались в г. Перми уже не приезжим, а своим капелланом.

Первое время у католиков в Перми не было отдельного места, где осуществлялись бы религиозные обряды, поэтому сборы католической общины происходили только по крупным праздникам в переделанном под каплицу купеческом доме, арендованном для религиозных нужд за счет средств «прихожан»²²⁰. Во время пожара 1842 года этот дом сгорел вместе с церковной утварью и документами.

Качественное изменение деятельности католической общины началось после приезда в Пермь ссыльного ксендза Петра Сцегенного, который в 1850-е гг. развернул активную деятельность по складыванию польской и католической общины в городе. Не без его влияния, по мнению пермских историков, католики неоднократно обращались к властям города и губернии с предложением построить католическую часовню на средства, которые «изыщет собственное наше благое усердие к этому святому делу»²²¹. В 1859 г. пермские католики обратились к губернатору за разрешением на постройку католической часовни, а до сооружения часовни позволить им нанять дом для молельни, а также «исходатайствовать сосланному по распоряжению правительства на жительство в Пермь ксендзу Сцегенному совершать требы»²²². При чем пользу прихожане видели не только в моральном плане, но и в материальном – в казне сохраняются «прогонные деньги», «употребляемые Казанским священником до г. Перми»²²³.

В этом же году от имени пермских католиков была составлена петиция Могилевскому архиепископу. В своем обращении представители общины указывали, какой вред моральному облику и нравственному воспитанию католиков наносит отсутствие постоянного капеллана: «...Католики, не находящиеся на военной службе, оказываются вообще далеки от священника и соответствующей им веры, а, тем не менее, они являются отцами семейства и ответственны за воспитание детей и челядь... Дети не видят отцов своих во время молитвы, что приводит их к греху и лени»²²⁴.

В начале 1860-х гг., благодаря усилиям П. Сцегенного, в Пермь прибыл постоянный священник – кандидат богословия Юлиан Антоний Шостаковский. Именно отец Антоний добился разрешения на строительство в Перми католического храма, отправив первый его проект, составленный Эдмундом Фриком (окончательный принадлежит Р. И. Карвовскому), в 1869 г. в Петербург²²⁵. В результате в 1875 г. католический храм в Перми был построен – на ул. Большой Ямской. Его возведение осуществлялось на средства прихожан и самих священнослужителей (например, находящегося в пермской ссылке епископа Боровского). Освящен он был в честь Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. К моменту открытия при храме числилось уже 1035 прихожан²²⁶.

Храм стал центром католической общины не только г. Перми, но и всей Пермской губернии. Сохранившиеся метрические книги 1870-х гг. показывают, что священник для совершения треб бывал почти во всех уездных городах Пермской губернии, в том числе и Пермского Прикамья – Кунгуре, Соликамске, Осе, Оханске. В метрических книгах упоминаются 28 поляков-католиков Кунгура, 65 поляков Соликамска, 66 – в Чердыни; в Осе и Оханске поляков встречалось немного²²⁷. По метрическим книгам можно восстановить и маршрут разъездов священника по Пермской губернии. Так, 14 февраля 1867 г. в г. Кунгуре он совершил обряд крещения новорожденного в семье Миладовских – надворного советника Доната-Анатолиона и Стефании-Фиорентины, урожденной Фианковской; 27 мая в Кунгуре же была крещена Мария-Ядвига в семье дворян Холмских из Виленской губернии – Адольфа-Владислава и Елены-Казимиры, урожденной Курнатовской; 3 июня в г. Перми крещен Людвиг-Григорий сын дворян Ибенских из Киевской губернии – Ивана – Бонавситура и Эмилиии-Варвары, урожденной Франкуновичевой; 5 и 6 июня совершено еще три крещения в г. Перми, 11–19 июня – пять крещений младенцев в г. Соликамске, а 25–26 июня – четыре крещения в г. Чердыни в семьях дворян Могилевской, Виленской и Киевской губерний²²⁸.

Храм стал не только религиозным центром для католиков, он и заложил принцип расселения поляков в Перми. Как уже отмечалось, много польских домов «кучно» располагалось в окрестностях ул. Большой Ямской, поближе к храму²²⁹.

Помимо религиозной деятельности, служители храма занимались культурно-просветительской жизнью всего города, помогали материально представителям польского народа. С

1879 г. при католическом храме начало работать Общество пособия бедным, которое оплачивало обучение детей в образовательных заведениях г. Перми и Пермской губернии, давало пособия нуждающимся и платило за обучение в гимназии. Средства собирались за счет устраиваемых по инициативе польской общины рождественских елок, музыкально-литературных вечеров и балов в помещении Благородного собрания. С той же целью в 1907 г. была проведена выставка картин польских художников, иллюстраторов произведений писателя Г. Сенкевича. Созданная при благотворительном обществе библиотека, задел которой был положен из дарственных книг, отчасти привезенных с собой ссыльными, просуществовала до начала 1930-х гг.²³⁰

К началу XX в. католическая община в г. Перми была уже крупным религиозным и культурным центром как для поляков, так и для других католиков города.

Поляки в истории уездных городов Прикамья

Разнообразные источники позволяют раскрыть особенности расселения и жизнь поляков не только в губернском городе Перми, но и в уездных центрах западной части Пермской губернии: Кунгуре, Осе, Оханске, Соликамске и Чердыни. Одним из таких источников предстают сохранившиеся метрические книги, которые дают представление о семейной и общественной жизни поляков в уездных городах в конце 1860-х – начале 1880-х гг., при этом всего польского сообщества – как ссыльных, так и добровольно оказавшихся в Пермском Прикамье.

В метрических книгах за 1870-е гг. встречаются упоминания о 28 поляках²³¹, живущих в г. Кунгуре, хотя реально в середине 1860-х гг. в городе проживало не менее 100 поляков. Всего мы имеем сведения о 13 браках между поляками, смешанных браков среди поляков Кунгура не отмечено. Приведем несколько примеров семей, у которых за время пребывания в Кунгуре родились дети: это надворный советник Миладовский Донат-Анатолион и Стефания Фиорентина, урожденная Фианковская; дворянин Виленской губернии Антоний-Алиохий Молевич и Онисия-Варвара, урожденная Деткевич; дворянин Виленской губернии Адольф-Владислав Холмский и Елена-Казимира, урожденная Курнатовская; мещанин г. Варшавы Валентин Осипович Корженевский и Текли, урожденная Садовская; чета Конюшевских: кунгурский мещанин Зенон Антонович и Анна, урожденная Боровская; чета Янчевских: кунгурский мещанин Яков Михайлович и Терезия из Матулайтис. Большинство семей (9) имели по одному ребенку, по одной семье растили двоих, четверых и шестерых детей²³². В кунгурских метрических книгах того времени упомянуты только по одному ссыльному и пересыльному, остальные отмечены как постоянные жители города.

Метрические книги г. Соликамска зафиксировали 65 поляков, живших в рассматриваемый период в городе. Здесь отмечено 18 польских браков, из них только один этнически смешанный. Примеры польских семей Соликамска: дворянин Василий Липский и Марелианна, урожденная Шацилова; дворянин Виленской губернии Иосиф Юревич и Степанида, урожденная Милашевская; дворянин Могилевской губернии Евстафий Липский и Уршулия, урожденная Вакржевская; дворянин Киевской губернии Август Бридовский и Афилия, урожденная Ригровская; дворянин Гродненской губернии Игнатий Зожский и Марианна, урожденная Фальковская. Детей в проживающих здесь польских семьях было немного. В тринадцати семьях – по одному ребенку, в двух – по два ребенка и еще в двух – по трое детей. Из всего списка отмеченных поляков лишь один считался политическим преступником и трое находились под надзором полиции²³³.

В уездной Чердыни отмечено 66 поляков, приведены сведения о 17 браках между поляками. Вот несколько имен: супруги Антушевичи, дворянин Могилевской губернии Виталий Францислав и Магдалина, урожденная Коржкова; супруги Холмские, дворянин Виленской губернии Марцелиц и Юлия, урожденная Шавлевич; Даниловичи, дворянин Ковенской губернии Франц и Елизавета, урожденная Грижиковская; Бальковские, дворянин Могилевской губернии Рафаил и Иосифа, урожденная Антушевич; Ибехрецкие, капитан Иоахим и Иохара, урожденная Свекторжицкая. Детей в этих семьях было немного: 11 семей имели по одному ребенку, одна – двоих и еще в одной семье росли трое детей. Под надзором полиции состояли 6 человек²³⁴.

В Осе и Оханске поляков было немного – 17 и 5 человек соответственно. В Осе отмечено 4 семьи, в трех из них было по одному ребенку. Смешанных браков не зафиксировано. В городе отмечены следующие браки: супруги Янковские, осинский мещанин уроженец Ковенской губернии Лев и Анна, урожденная Рошкицовская; Волуцкие, состоящий под надзором полиции уроженец Ковенской губернии Викентий и Валерия; Бацевичи, дворянин Ковенской

губернии Иван и Элеонара, урожденная Бужицкая; осинские мещане Есиновские, Лев и Анна. Под надзором полиции находились трое поляков. В Оханске отмечена лишь одна польская семья²³⁵ – дворянина Виленской губернии Якова Петра и Иохары Куликовской. В уездных городах губернии практически не было смешанных браков.

На основании метрических книг можно также установить происхождение поляков, проживавших в уездных городах в 1870-е гг. Наиболее широкая география губерний, из которых прибыли поляки, отмечена в г. Соликамске. Из Ковенской губернии сюда прибыло 22 человека, из Виленской – 15, из Могилевской – 8, из Гродненской – 10, из Минской – 2, из Киевской – 1, из Августовской – 1, из Варшавской – 4, из Волынской – 4, из Радомской – 1, из Петраковской – 1, из Краковской – 1, из Люблинской – 1²³⁶.

К концу XIX в. отмечалось сокращение численности поляков в уездных городах. Всего их осталось 90 человек: в Кунгуре – 40, в Осе – 11, в Оханске – 1, в Соликамске и Чердыни – по 19 человек. Во всех городах они составляли менее 0,5 % населения²³⁷.

Поляки в уездных городах практически все исповедовали католицизм, лишь в Кунгуре и Чердыни по одному человеку исповедовали православие. Высокая конфессиональная однородность поляков свидетельствует об их приверженности своей культуре и традициям²³⁸.

Среди поляков отмечен высокий процент потомственных дворян. По данным метрических книг, среди всех взрослых поляков, зафиксированных в них, в Пермской губернии проживали 73 дворянина и 108 не из дворян²³⁹, среди которых можно выделить мещан, крестьян, военных, священников. Этот расклад в целом сохранился до конца XIX в. В 1897 г. в городах Осе, Соликамске и Чердыни около 70 % польского населения составляли потомственные и личные дворяне. Доля чиновников в среднем составляла 10–15 %, а в Осе – 36 %. Представители духовенства встречались только в Кунгуре и Соликамске (10 %). К мещанскому сословию относились от 10 до 20 % поляков уездных городов, лишь в Кунгуре их доля составляла 55 %. Крестьян отмечено в Кунгуре и Соликамске около 10 %. В Оханске единственный поляк был крестьянином²⁴⁰. В целом социальная структура поляков характеризовалась высокой долей дворянства, небольшим удельным весом мещанства и крестьянства и полным отсутствием купечества.

В конце XIX в. от 70 до 100 % польских мужчин в уездных городах были образованными, также как 75–92 % женщин, т. е. грамотность мужчин и женщин была примерно одинакова. Уровень грамотности городских поляков был одним из самых высоких среди представителей всех других национальностей, проживавших в уездных городах Пермской губернии²⁴¹. Качество образования поляков можно проследить на примере г. Кунгура. Около половины кунгурских поляков, как мужчин, так и женщин, владели русской грамотой, однако родной язык знали лишь единицы. Это свидетельствует о том, что полякам было необходимо знание русского языка в русских городах. Около трети поляков имели высшее образование, причем среди них было 17 % женщин²⁴².

Метрические книги позволяют определить занятия польских мужчин в уездных городах в 1870-е гг.: среди них отмечено 3 священника, 3 офицера, 5 солдат, 3 врача, судебный следователь, управляющий аптекой, смотритель тюремного замка, лесничий. Достаточно подробные сведения о занятиях и должностях поляков можно получить на основе списка чиновников, содержащегося в Памятной книжке Пермской губернии на 1863 г.²⁴³ Так, в Оханском уездном суде служил Глаголевский, в Осе работали судебными следователями И. Сковронский, М. Колесничевский, Капачинский, в Чердыни городничим был Ярешкевич. Немало поляков было отмечено среди военных. Например, штабс-капитан В. И. Пенинский, подпоручик И. Ф. Славишинский, адъютант Н. Н. Мацкий, офицеры С. М. Длоржецкий-Богданович, З. Ф. Барашевский, штабс-капитан В. И. Поступальский. Многие поляки занимались медициной –

в Кунгуре уездным врачом служил Г. Л. Чирвинский, в Соликамске ту же должность исполнял Казимир Осипович, в Оханске работал врачом уроженец Гродненской губернии титулярный советник Юлиан Стоцкий²⁴⁴.

В конце XIX в. заметное место поляки занимали в управлении уездами, служили в общественных и государственных учреждениях. Например, в Оханском уезде: полковник К. А. Бородаевский, провизор городской больницы Л. А. Кухцинский, уездный врач И. В. Ольшанский, священник П. Козельский, судебный следователь М. П. Вишневецкий. В Осинском уезде: исправник уездного полицейского управления поручик А. А. Велико-Польский, почтмейстер К. О. Держинский, мировой судья потомственный дворянин А. Г. Косерадский, судебный следователь И. И. Веножинский, почтмейстер К. О. Вержинский. В Кунгурском уезде: почтмейстер Х. А. Колотинский, товарищ прокурора Ц. О. Яхимовский, смотритель земской больницы К. К. Пукманский. В Чердынском уезде: почтмейстер Д. С. Турчановский, уездный врач И. В. Братковский, мировой посредник Н. С. Зворковский, лесной ревизор И. С. Онихимовский. В Соликамске: служащие уездного полицейского управления А. В. Любарский, Л. В. Проховенский, товарищ прокурора Д. Г. Парчевский и др.²⁴⁵

Одной из областей, где поляки занимали видное место, являлись суд и прокуратура. Так, Кунгурским уездным судебным заседателем являлся Воинственский. К концу XIX в. очень много (около 10 %) поляков Кунгура и Чердыни было занято в образовании, науке и здравоохранении²⁴⁶. Во всех городах большая часть поляков была занята непроизводительной деятельностью.

В промышленности трудились только поляки Кунгура и Чердыни. В обрабатывающей промышленности и изготовлении одежды было задействовано примерно по 10 %. Обработкой пищевых продуктов занималось не более 8 % поляков. В Кунгуре и Чердыни прислуга и поденщики составляли 18 %, в Соликамске – 9 %. Число поляков, занятых в торговле, было не велико – 4–8 %. В Осе и Оханске поляки вообще не торговали. Сельским хозяйством занимались только поляки Осы²⁴⁷.

Обобщая все данные, можно сказать, что наибольшая часть поляков несли государственную и общественную службу, принадлежали к интеллигенции и военным. Несколько меньше поляков работали в промышленности и находились в услужении.

Мы не располагаем исчерпывающими данными о расселении поляков в уездных городах, но на основании сведений о заключении купчих крепостей на покупку домов можно узнать о тех, кто продавал или покупал их в 1870–1880-е гг. Больше всего данных мы имеем по Кунгуру. Поляки селились и в первой, и во второй частях города. В первой части они жили довольно близко друг к другу в самом центре города. Во второй части поляки тоже имели дома неподалеку от соплеменников. Все они тяготели к набережной р. Сылвы – примером может служить усадьба коллежского асессора П. Г. Андрузского. На его усадьбе, помимо жилых и хозяйственных построек размещалось пивоваренное заведение. Некоторые поляки снимали жилье в домах местных жителей. Например, губернский секретарь Г. Г. Граховский жил во второй части Кунгура по Сылвенской-Набережной улице в доме Склюева; сосланный на жительство В. А. Богоявленский – в первой части города на Успенской улице в доме Валуевой; кунгурский 1-й гильдии купец В. Е. Фоминский имел несколько домов: один – во второй части Кунгура и два – в первой²⁴⁸. Надо полагать, что на размещение домов поляков в Кунгуре влияла не столько близость соплеменников, сколько деятельность каждого человека. Если он занимался каким-либо производством, то покупал дом во второй части города, если нет – то в первой.

Нам известно что, как минимум, четверо домовладельцев г. Осы были поляками. Трое из них проживали в центральной части. Все они были мещанами. А. И. Заградская жила на Почтовой улице, П. Е. Волконская – на Ершовской. Дом коллежского асессора К. Ф. Держинского находился за речкой Осинкой на Осинской улице. В г. Оханске также упомянуты

поляки, в основном это были чиновники и военные. Селились они в центре города. Так, штабс-капитан И. А. Анруцкий жил на Казанской улице, коллежский асессор П. И. Семевский – на углу ул. Успенской и Сибирского тракта, надворный советник П. Д. Подлипский – на Пермской улице, потомственный почетный гражданин Н. Ф. Добротворский – на Екатерининской. Мещане селились на окраинах. Жена оханского мещанина А. М. Свирская проживала в Солдатской слободе²⁴⁹.

В центре г. Чердыни тоже проживали поляки. Все они были состоятельными людьми. Самыми богатыми из них были потомственные дворяне В. И. и С. А. Поклевские-Козелл. Они имели два дома во второй части города: один – на углу Нижне-Торговой и Соборной улиц, второй – на углу улиц Юргановской и Соборной. Поклевским-Козелл принадлежали еще два дома в центре г. Соликамска на Преображенской улице. Также три дома имел в Соликамске коллежский секретарь Е. В. Иерусалимский – один на углу улиц Преображенской и Суровцевской и два – на Торговой²⁵⁰.

Национальные особенности жилища в городах постепенно нивелировались в силу влияния полиэтничной среды, постоянной смены хозяев домов и других факторов. В домах зажиточных поляков было много общих черт с домами русских, чему способствовало то, что дома нередко переходили по несколько раз от одного владельца к другому. Поляки во всех городах занимали высокие должности, были достаточно состоятельны. Со временем положение в обществе и условия жизни поляков стали более разнообразными. Вот несколько примеров.

Наиболее состоятельным из всех известных нам поляков являлся потомственный дворянин действительный статский советник А. Ф. Поклевский-Козелл. Представление о его состоянии дает завещание. Жене он завещал каменный дом с надворным строением и землей в Санкт-Петербурге на набережной Фонтанки и 400 тыс. руб., дочери, жене флигель-адъютанта Его Императорского Величества А. Ризенкнауф, – 500 тыс. руб. Сыновьям (Викентию, Ивану, Станиславу) он оставил все движимое и недвижимое имущество: деньги, банковские билеты, акции, облигации, денежные капиталы, земли, леса, фабрики, заводы, дома. Сыну Альфонсу – 240 тыс. руб. У него были дома в нескольких городах Пермской губернии. Нам известно, что в Чердыни находился двухэтажный полукаменный дом с деревянным флигелем, деревянными службами, скотным двором, каретником, баней, воротами, каменным подвалом и усадебной землей, оцененный в 3500 руб. Еще один деревянный дом размещался в Соликамске. Его цена составляла 4000 руб.²⁵¹

Разницу в имущественном положении поляков Прикамья можно представить, сравнив рассмотренное наследство с наследством соликамского ксендза Люциана Генбицкого. Его капитал составлял: 147 руб. 65,5 коп. деньгами, золотые карманные часы, серебряные часы, 5 рубашек, перочинный нож, 2 бритвы²⁵².

В г. Оханске польскому мещанину принадлежал деревянный дом с пристроем стоимостью 30 руб., а чиновнику – двухэтажный деревянный дом, одноэтажный флигель, одноэтажная ямщицкая изба, амбар, каретник, 2 конюшни, погреб, навес, сарай, баня, колодец с водоподкачкой – всего стоимостью 2500 руб. Многие поляки имели в городах по несколько домов. Кунгурский 1-й гильдии купец В. Е. Фоминский имел 4 деревянных дома и каменное кожевенное заведение, оцененные в 1500 руб. Происходящий из духовного звания уроженец Виленской губернии кунгурский временный 2-й гильдии купец А. Д. Новицкий, из бывших ссыльных, владел в Кунгуре каменным двухэтажным домом за 2000 руб.²⁵³ Эти примеры подтверждают то, что к концу XIX в. поляки полностью обжились в уездных городах Пермской губернии и, благодаря своему в целом хорошему материальному положению, могли достаточно комфортно обеспечить свой быт.

Поляки в истории заводских и сельских поселений

Поляки в Прикамье составляли незначительное число среди всего населения городов и уездов западной части Пермской губернии, но были расселены почти повсеместно, в каждом пермском уезде. Благодаря исследованиям ученых и краеведов открыты многие неизвестные страницы их истории, изучены биографии. Однако большая часть исследований касается жителей губернского и уездных городов, и весьма немногочислены свидетельства о том, чем занимались поляки в заводских поселках, селах и деревнях. Материалы по Суксунскому заводу и сельской заводской округе отчасти раскрывают эту тему²⁵⁴.

В Суксуне хорошо известны фамилии Яновский, Издеберский, Козерацкий (в иных документах – Козерадский), Высоцкий, Скалецкий. Это были горные начальники, служащие Суксунского завода, врачи и учителя. Прекрасный материал дают метрические книги церквей Суксунского завода и округа, они не только подтверждают присутствие поляков на этой земле, но и раскрывают особенности конфессиональной жизни, семейных и общественных отношений. Метрические записи Вознесенской церкви, к сожалению, мало исследованы. Охватывают они период с 1851 по 1919 г. Поляки Суксуна либо те из их соотечественников, кто приезжал в гости на семейные торжества, свадьбы и крестины, отмечены в метрических записях. Например, в метрической книге суксунской Вознесенской церкви за 1851 г. упоминается начальник 1-й дистанции 11-го отделения 4-го округа путей сообщения корпуса горных инженеров поручик Павел Михайлович Бузько, римско-католического вероисповедания, женившийся на дочери надворного советника Раисе Волковой. Свидетели по жениху и невесте – подполковник, горный инженер Михаил Иванович Фелькнер, губернский секретарь Аполлон Саввич Бувеский, заводской исправник Игнатий Иванович Яновский²⁵⁵. В 1857 г. вдова Яновского Мария Николаевна выходит замуж за вдовца, бывшего городничего г. Красноуфимска, отставного штабс-капитана Ивана Франзовича Кандиба, римско-католического вероисповедания²⁵⁶. В записи об этом бракосочетании упоминаются и свидетели по жениху и невесте: Александр Карлович Трещинский, барон Александр Карлович Каспар, титулярный советник Иосиф Братновский и отставной полковник Христофор Александрович Деви. Браки католиков и лютеран с православными русская церковь не запрещала, поэтому невеста могла быть католического или лютеранского вероисповедания, а жених – православного, и наоборот. За 1850–1870-е гг. иностранные фамилии встречаются чаще, чем за остальные десятилетия конца века. Скорее всего, это связано с тем, что в селе находилась главная контора по управлению заводами Суксунского горного округа. С 1863 г. Суксунские заводы Демидовых временно находились в казенном управлении. К тому же постройка красивой каменной трехпрестольной Вознесенской церкви полностью завершилась к 1850 г. (время строительства 1796–1850)²⁵⁷. Вот еще одна интересная запись о бракосочетании. В 1868 г. врач суксунских заводов А. П. Щербаков, первооткрыватель суксунской лечебной грязи и основатель первых курортных сезонов в Суксуне, венчался с 17-летней дочерью судебного следователя Пермской губернии Красноуфимского 1-го участка Суксунского завода Генриха Козерацкого Саломеей, римско-католического вероисповедания. Свидетелями на свадьбе были сыновья Генриха Антоний и Маврикий. Сам Генрих Козерацкий записан в метрической книге как дворянин г. Казани²⁵⁸.

Одной из знаковых фигур в истории Суксунского края является личность Л. Ф. Окинчица, заводского и земского врача, с именем которого связана не только врачебная практика, но и развитие курортного дела на Урале. Людвиг Фаддеевич (Людвиг-Сигизмунд Фаддей) по происхождению поляк, католического вероисповедания. Родился он в 1835 г. в Гродненской губернии. Окончил курс наук в Императорском Московском университете по медицинскому факультету. Советом Императорского Московского университета 14 июня 1862 г. утвержден в

звании уездного врача. Начал служить в Гродненской губернии, занимался частной практикой в Свислочи, где и имел место жительства. В 1863 г. арестован за контакты с предводителем отряда польских повстанцев Казимиром Кобылинским. Был выслан на Урал в г. Кунгур, где жил под надзором полиции. Здесь он продолжал заниматься врачебной практикой²⁵⁹. Согласно послужному списку определен врачом Суксунских заводов с 1 января 1870 г.²⁶⁰ Уже в 1871 г. фамилия Окинчица Л. Ф. появляется в журналах Красноуфимского земства и на страницах метрических книг Суксунской Вознесенской православной церкви²⁶¹. Местное горное начальство и служащие неоднократно приглашали его в крестные детям, в свидетели на свадьбы.

Л. Ф. Окинчиц сменил на посту рано ушедшего из жизни врача А. П. Щербакова, с именем которого связано открытие сероводородных иловых грязей в Суксунском пруду (1865), описание сероводородных Ключевских источников и применение их для лечения заболеваний. Будучи заводским врачом, А. П. Щербаков в 1867 г. открывает в Суксуне лечебницу минеральных вод, которую содержит на свои средства²⁶².

Лечебница размещалась в сосновом бору, сюда приезжали состоятельные люди «на воды». Лечили в заведении кумысом, «сгущенным» аппаратом воздухом, минеральными водами: Ключевской серной, Красноярской соляной и Морозковской железной, – и грязями, находящимися в Суксунском селении и его окрестностях. К сожалению, очень ранняя смерть Щербакова не дала ему довести до конца многие исследования и прервала работу. Людвиг Фаддеевич Окинчиц, сменив на должности А. П. Щербакова, выкупил Суксунское лечебное заведение у его вдовы Саломеи, в девичестве Козерацкой²⁶³ (см. выше). На фотографиях Суксуна начала прошлого века четко красуются надписи «Курортъ. Заводъ Суксунъ». Следовательно, Л. Ф. Окинчиц содержал лечебницу довольно долгое время. Возможно, нашлись продолжатели дела и после его отъезда из Суксуна. Старожилы рассказывали, что эта лечебница действовала до начала XX в.

О лечебнице Л. Ф. Окинчица сохранились уникальные воспоминания жителя Суксунского завода Гавриила Андреевича Маношина, 1854 г. р., записанные учителем химии Николаем Григорьевичем Малелиным в 1934 г.: «Примерно в 1870 г. и далее в течение пяти лет было гуляние в Суксунской роще. Только летом. Приезжали издалека аристократия. Устраивал все врач Окинчиц. Хороший был врач. Работал частно, сам от себя. Устраивал ванны, лечил ваннами. Воду возили из с. Ключи, Суксунского серного ключа и из д. Красный Яр – соленую воду. Возили воду в бочках (возчик Федор Федорович Седельников, его сын Михаил, теперь сапожник, живет по ул. Б. Сосновка), но этой воды серной как из Ключей, так и из Суксуна брали немного, примерно бочку, а больше из Красного Яра. Принимали ванны и гуляли в лесу, сосновом бору. В лесу были дорожки, которые усыпаны песком до самого «Ближнего лога», в лесу была «светличка». Столовались больные там же, у Окинчица. Был повар, для больных питание готовили. Значительная часть больных жили в камерах тут же в общежитии у Окинчица, а многие больные жили на квартирах у граждан, но это те, кто по бедности. Столовались тоже у Окинчица. Съезжалось человек 60–70 и около сотни. Приезжали и из прочих держав, у Окинчица и останавливались. Была построена паровая машина, грели воду. Окинчиц принимал больных и граждан завода Суксун и других у себя. Съезжались в мае месяце, с 1 мая, лето проживали, а уезжали к осени. Потом врач Окинчиц уехал, причина, почему уехал, неизвестна. Все лечение прекратилось. Строение досталось, видимо, заводскому управлению, так как все считалось господским. У Окинчица в кабинете был скелет – помню, мы забегали мальчишками туда, и он предупреждал, чтобы не испугать нас»²⁶⁴.

Время появления Людвиг Окинчица на Суксунской земле совпало с учреждением в 1870 г. Красноуфимского уездного земства, органа местного самоуправления. Земство большое внимание уделяло медицинскому обслуживанию населения. Именно тогда стараниями земцев территория уезда была поделена на четыре сектора и распределена между четырьмя

имевшимися в уезде врачами. Людвиг Окинчиц заведовал вторым участком. С ним работали фельдшер Фролов и акушерка Кашина. Вместе они обслуживали волости: Суксунскую, Верх-Суксунскую, Златоустовскую, Торговищенскую, Сыринскую, Агафонковскую, Молебскую, Сылвенскую, Шайтанскую, Уткинскую – всего 113 деревень с населением 47 422 чел. Им помогали фельдшеры перечисленных участков: Недугов, Блохин, Крапивин, Синайский, Сулимов²⁶⁵. Людвиг Окинчиц совмещал две должности: заводского и земского врача.

Как явствует из послужного списка Людвиг Окинчица, он постепенно продвигался по службе, и указом правительствующего Сената от 23 апреля 1881 г. за выслугу лет произведен в чин коллежского советника, а позже, в 1883 г., – в чин надворного советника²⁶⁶. К сожалению, более подробных сведений о жизни доктора на Суксунской земле мы не имеем. В «Приговорах Златоустовского волостного и Молебского сходов», правда, записано: «...врач Окинчиц в продолжении 15 лет оказывал населению безвозмездную медицинскую помощь, отличаясь при своем усердии к делу полною внимательностью в лечении бедного люда во всякое время, чем приобрел себе не только от заводского населения, но и от окрестных жителей, прибегающих к помощи г. Окинчица, полнейшую благодарность»²⁶⁷. За полезную и оперативную службу доктора Красноуфимское земство доплачивало ему 1000 руб.²⁶⁸

Врачу приходилось постоянно посещать все участки. Свидетельство тому – содержание одного из «Отношений» земству, где Людвиг Фаддеевич сообщает, что не поедет в Сылвенский завод для предупреждения тифа у населения, и мотивирует это тем, что не может оставить на произвол своих многочисленных больных в Суксунской округе. Земство не имело средств открыть дополнительный участок или найти дополнительно самостоятельного земского врача, поэтому Окинчиц и являлся земско-заводским врачом. И резиденция его располагалась слишком далеко от Сылвенского завода²⁶⁹. На весь Красноуфимский уезд в 1880-х гг. приходилось 30 врачей, 26 фельдшеров и два ветеринара. Кстати, по документам, половина врачей в уезде носила польские, немецкие и еврейские фамилии²⁷⁰.

Из отчетов доктора Л. Окинчица мы узнаем, что в год он обслуживал в Суксунском участке до 3 тыс. человек, причем со всем набором распространенных в ту пору болезней. Только с тифом в 1882 г. к нему обратился 31 человек! В этом же году население участка более всего пострадало от эпидемии скарлатины. Как пишет Окинчиц в отчете: «Изолировать больных не было никакой возможности, и распространение эпидемии шло поэтому очень быстро... Смертность хотя и была очень значительная, но саму эпидемию нельзя причислить к злокачественным, т. к. самое большее число смертных случаев зависело от тех жалких гигиенических условий, в которых находились заболевшие, и от индивидуальных причин»²⁷¹. Доктор Л. Окинчиц постоянно поднимал в земстве вопрос о гигиене населения, о найме квартир для участковых фельдшеров, которые принимали пациентов на дому в непригодных помещениях. Он также требовал от земства походные аптечки для каждого фельдшера, поскольку больных приходилось принимать и на выездах. «Недостаток больничного лечения с каждым годом все более и более дает себя чувствовать...» – писал врач в своих отчетах земству²⁷².

За особые заслуги государь Император в 1886 г. наградил суксунского заводского врача орденом Станислава 3-й степени²⁷³. В 1887 г. Людвиг Окинчиц с семьей переехал на жительство в Кунгур, куда его пригласили на должность врача²⁷⁴. Позже он был членом Пермского статистического комитета. Скончался в 1909 г. Его могила на Егошихинском кладбище сохранилась среди других польских погребений.

Семья заводского врача была большой: два сына и три дочери. Врачебным делом занялся и его сын, Людвиг Людвигович Окинчиц. Родился он в Суксунском заводе в 1874 г. По окончании Пермской мужской гимназии в 1894 г. поступил в Санкт-Петербургскую военно-медицинскую академию. Окончив ее в 1899 г. с отличием, начал работать врачом в знаменитой Обу-

ховской больнице Санкт-Петербурга. В 1903 г. получил звание доктора медицины²⁷⁵. Людвиг Людвигович был известен в России как выдающийся онколог-гинеколог, который впервые в 1933 г. поднял вопрос о профилактике и активной борьбе со злокачественными опухолями. В советское время в 1922 г. он был назначен главным врачом Петербургского роддома № 6, при котором благодаря его стараниям была создана специализированная женская поликлиника. Л. Л. Окинчиц развил в стенах родильного дома большую оперативную деятельность: создал хирургическую школу, усовершенствовал лабораторные методы обследования, им была организована лаборатория. С 1935 г. в роддоме стало применяться медикаментозное обезболивание родов. В 1936 г. даже открылось отдельное онкологическое отделение. Надо сказать, что до сих пор в акушерской практике в целях профилактики послеродовых кровотечений известен метод бережного ведения послеродового периода при ручном отделении последа, названный медиками как «рукав Окинчица»²⁷⁶. Немало заслуг на счету доктора Людвиг Людвиговича Окинчица. К сожалению, жизнь его оборвалась в блокадном Ленинграде в 1942 г.²⁷⁷

Можно вспомнить много и других интересных судеб. Например, в Иоанно-Предтеченской церкви в с. Торговище служил священником поляк Павел Иванович Скалецкий. Родился и вырос он в Бессарабии. Когда и как он принял православие – не известно. Но семья Скаleckкого проживала в Перми, и первоначально П. И. Скалецкий служил учителем, а духовный сан, по свидетельству приемной дочери его жены Александры Паутовой, он получил незадолго до революции. Был женат на выпускнице женского епархиального училища Марии Петровне. В с. Торговище П. И. Скалецкий начал служить с мая 1917 г., до этого супруги жили на севере губернии. Мария Петровна была учительницей. Детей в семье не было. Революционные события застали их в Торговище. П. И. Скалецкий власть большевиков не признал и помогал белогвардейцам. В июле 1919 г. он уехал из села вместе с отступавшими белыми отрядами. Жена его осталась в Торговище, позднее работала в Тохтаревской школе. В 1920-х гг. взяла девочку-сироту из Суксунского приюта (Детского городка № 1) Александру Паутову и воспитала ее. Заслуги Марии Петровны Скаleckкой в народном образовании отмечены орденом Ленина, ее уважали как человека и учительницу. Впрочем, прозвище «попадья» оставалось с ней долго²⁷⁸.

Преподавателем военного дела и физкультуры в Суксунском двухклассном училище им. Л. Н. и И. Г. Каменских работал поляк Ян Янович Высоцкий. Когда Я. Я. Высоцкий появился в Суксуне, точно не известно, но, судя по воспоминаниям бывших учащихся, произошло это незадолго до Октябрьской революции.

Я. Я. Высоцкий выступил одним из организаторов и участников вооруженного восстания в Суксуне против большевиков летом 1918 г. Местный житель, бывший белогвардеец офицер М. В. Осолихин, будучи арестованным, на допросе в 1925 г. давал показания о том, как в Суксуне формировался повстанческий отряд: «В этом отряде было сформировано двести человек рабочих на четыре взвода, нумерации взводов не было... А руководителем всего этого отряда был подпоручик Высоцкий Ян Янович»²⁷⁹. Временный управляющий Суксунскими заводами Альбин Шишко, по словам М. В. Осолихина, являлся дядей Я. Я. Высоцкого. Далее М. В. Осолихин вновь говорит о Я. Я. Высоцком: «В момент проводившегося собрания выступали против советской власти гражданин Шантарич и Высоцкий, которые высказывались, что не давать людей в Красную армию, а [надо] восстать и свергнуть Соввласть...»²⁸⁰. (Шантарич – это не фамилия, а прозвище. – *Прим. авт.*) Из допроса явствует, что при наступлении красных повстанцы бежали в Нижне-Сергинский завод, где из них вскоре был сформирован особый Суксунский батальон из пяти рот, который вошел в состав Верхне-Удинского полка 3-й Сибирской Иркутской дивизии Колчака. Командиром 1-й роты был Ян Высоцкий. В декабре 1919 г. Высоцкий с Белой армией вновь вернулся в Суксун-завод. Дальнейшая судьба его не известна²⁸¹. Д. Ф. Тюриков, выпускник Суксунского двухклассного училища 1919 г., первый комсомолец, активист, о Высоцком вспоминал: «Красиво гарцуя на лошади, вернулся руково-

дитель восстания, бывший учитель военного дела и физкультуры Суксунского двухклассного училища Ян Янович Высоцкий. Теперь он белый офицер, командир конного отряда. Указав нагайкой на полуразрушенное от взрыва здание школы, он обратился к толпящимся на улице ученикам: «Вот что сделало для вас рабоче-крестьянское правительство». Именно Я. Я. Высоцкий являлся организатором мобилизации суксунской молодежи в Белую армию»²⁸².

Уже в годы Гражданской войны в д. Киселево под Суксуном переехала семья Лопатина (Лопачек) Петра Михайловича. В деревне он проживал с 1918 по 1937 г. Родился в 1872 г. на Украине, в с. Постаново Киевского уезда. По отцу Петр Михайлович был поляк. Но семья воспитала его в православных традициях, и он вырос глубоко верующим человеком. Фамилию ему поменял во время службы в царской армии какой-то военный начальник, которому очень приглянулся способный солдат. «Я, – говорил он, – не люблю поляков, а тебя люблю! Будешь Лопатиным!» В годы своей молодости Петр проживал на Украине, потом в Санкт-Петербурге, позднее ездил на заработки в Америку. Сам православный, был женат на польке, католичке. В д. Киселево появился он с семьей в разгар Гражданской войны. Дети Лопатиных, Вера и Михаил, тоже воспитывались в православной вере. Петр Осипович ходил в церковь, редкую службу пропускал. Читал религиозные книги, сочинения Сергея Нилуса, Иоанна Кронштадтского и предчувствовал, что скоро начнутся гонения. А своим родным говорил: «Вам меня не хоронить». И оказался прав: его арестовали в 1937 г. по обвинению в антисоветской агитации²⁸³. Потомки Лопатиных и сейчас живут в Суксуне.

Сегодня в районе и самом поселке проживают потомки поляков, в разное время появившиеся здесь. Венгельские – потомки польских ссыльных поляков из Читы, Чумаковские – потомки поляков, высланных на Урал. Поляки были и среди эвакуированных, приехавших в 1941 г. с Витебской фабрикой по производству очков. Некоторые из них остались в Суксуне, например, Анна Францевна Ильина (Шевяко) (1912–2000), ее дети и внуки. Галина Марьяновна Манохина (Соболевская) приехала в район по распределению и долгое время работала фельдшером в деревнях Суксунского района, в районной больнице. Ее отец, Марьян Францевич Соболевский, был чистокровный поляк, а дед по отцу, Франц Иванович, родился в 1896 г. в с. Окоп Киевской области. В годы войны Франц Иванович воевал на фронте и привез с войны в жены польку, совершенно не умеющую говорить по-русски. Впрочем, сам Марьян Францевич был женат уже на русской женщине из с. Орда. В семье Галины Марьяновны помнят о своих польских корнях.

Поляки Прикамья в материалах Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.

Материалы Всероссийской переписи 1897 г. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904) дают наиболее полные сведения о расселении, численности, социальном составе, основных сферах деятельности народов Пермского Прикамья, в том числе и польского населения Пермской губернии. По данным первой Всероссийской переписи 1897 г. всего в Пермской губернии проживало 1980 поляков, что составляло менее 1 % от всех жителей. Основную часть польского населения составляли те, кто добровольно приехал в Пермскую губернию.

Большинство поляков проживали в г. Перми и уездных городах губернии. Можно с уверенностью говорить о преимущественно городской форме расселения поляков в Прикамье. В процентном соотношении доля городского польского населения составила 66,5 % против 33,5 % сельского населения. В западных уездах средоточием городской жизни поляков стал губернский центр Пермь и купеческий Кунгур, именно там сформировались наиболее значительные диаспоры. Только в г. Перми проживало 739 поляков, что составляло 37,3 % от всего польского населения губернии и 1,5 % от всего населения города. В Кунгуре зафиксировано 40 чел., следующими по численности поляков шли Чердынь и Соликамск (по 19 чел.), Оса (11 чел. и Оханск (1 чел.). Всего в западных уездах губернии – Пермском, Кунгурском, Осинском, Оханском, Соликамском и Чердынском – перепись отметила 1091 поляка, что составляло 55,1 % от всех поляков Пермской губернии.

На территории современного Пермского края поляки проживали в 6 уездах. Наибольшее число польского населения отмечено в Пермском уезде, включая губернский центр: здесь проживало 902 поляка, или 45,5 % от всей численности в губернии. Пермский уезд выделялся количеством поляков и в сельской территории, численность которых составляла 163 человека. В Осинском и Соликамском уездах более половины польского населения этих территорий являлись сельскими жителями: в Осинском уезде – 66,7 % (22 чел.), в Соликамском уезде – 60 % (29 чел.). Самая большая доля сельских жителей польского происхождения отмечена в Оханском уезде, там эта цифра составила 97,1 % (34 чел.). В Чердынском уезде доля сельского населения поляков составила 36,7 % (11 чел.). По данным переписи можно отчетливо увидеть, как соотносятся поляки в Пермской губернии по половому и возрастному критериям. Из общего числа польского населения 62,8 % (1244 чел.) составляли мужчины и только 37,2 % (736) – женщины. По сравнению с данными в целом по губернии, в шести западных уездах наблюдается еще большая разница в соотношении численности мужского и женского населения. Так, число мужского населения преобладало над женским более чем в полтора раза: из 1091 поляка 69,3 % (756 чел.) – мужчины, 30,7 % (335 чел.) – женщины. Однако стоит отметить, что подобная диспропорция более характерна для городского населения, например в г. Перми на 555 поляков-мужчин приходилось 184 полячки. В сельской местности среди поляков также преобладали мужчины. Но можно говорить о некотором гендерном балансе, хотя количество мужчин все равно превышало количество женщин: в целом по губернии – 56,4 % против 43,6 %.

К концу XIX в. из всего числа поляков в возрасте до 40 лет находилось 72 % (1427 чел.), в возрасте до 20 лет – 24,1 % (478 чел.), старше 20 и до 40 лет – 47,9 %. Лиц польского происхождения в возрасте от 40 до 60 лет переписью зафиксировано 19,3 % (383 чел.) В общей численности польского населения число лиц старше 60 лет незначительно – 6,9 % (383 чел.), новорожденных и лиц моложе одного года – 1,6 % (137 чел.). Распределение польского населения по возрастам в разных частях губернии вполне соответствует общим тенденциям: так, из 1316 поляков, проживающих в городской среде, 47,5 % (695 чел.) пребывали в возрасте от

20 до 40 лет, из 664 чел., проживающих в уездах, в этом же возрасте было 38,3 % (254 чел.). В г. Перми из 739 жителей польского происхождения 18,8 % (139 чел.) – в возрасте от 1 года до 20 лет, 64 % (473 чел.) – в возрасте от 20 до 40 лет. Таким образом, порядка 75–80 % польского населения губернии находились в трудоспособном возрасте. Учитывая статистические данные, можно говорить, что поляки Прикамья конца XIX в. были преимущественно мужчинами трудоспособного возраста.

В материалах Переписи также присутствует информация о семейном положении. Большинство поляков Пермской губернии семьи не имели. В общей сложности Перепись зафиксировала 57,9 % поляков, не вступивших в брак, причем неженатых мужчин было больше, чем незамужних женщин, соответственно, 63,9 % (795 чел.) от общей численности мужчин и 47,9 % (353 чел.) от общего количества женщин. Состояли в браке 28,2 % (700 чел.), при этом женатых мужчин было 32,3 % (402 чел.) от их общей численности, женщин – 40,4 % (298 чел.).

Следует обратить внимание, что количество вдовых женщин почти в два раза превышало количество овдовевших мужчин. Женщин, оставшихся без мужа, в Пермской губернии было 11,2 % (83 чел.), а вдовых мужчин – 3,6 % (45 чел.). Зафиксирован только один случай развода, а двое поляков не указали своего семейного статуса. Самое большое количество неженатых мужчин проживало губернской столице, в городе Перми – 80 % (445 чел.) от живших в городе мужчин-поляков. Это не удивительно, ведь именно сюда молодые поляки в основном приезжали для устройства на работу. Количество замужних и незамужних женщин в Перми было примерно одинаковым: замужем были 47,8 % (88 чел.), незамужем – 38,5 % (71 чел.), остальные были вдовами. Вдовых мужчин-поляков в Перми было около 1,5 %.

Таблица № 1.1

Распределение польского населения по родному языку

Уезды и города в них	По родному языку (польский)		
	муж.	жен.	всего
По губернии	1 244	736	1 980
в городах	870	446	1 316
в уездах без городов	374	290	664
Пермский уезд	643	259	902
в г. Перми	555	184	739
в уезде без города	88	75	163
Кунгурский уезд	30	13	43
в г. Кунгуре	28	12	40
в уезде без города	2	1	3
Осинский уезд	19	14	33
г. Оса	7	4	11
в уезде без города	12	10	22
Оханский уезд	20	15	35
в г. Оханске	1	–	1
в уезде без города	19	15	34
Соликамский уезд	27	21	48
в г. Соликамске	10	9	19
в г. Дедюхине	–	–	–
в уезде без города	17	12	29
Чердынский уезд	17	13	30
в г. Чердыни	11	8	19
в уезде без города	6	5	11
Всего в 6 уездах	756	335	1 091

В целом материалы Переписи 1897 г. свидетельствуют, что почти 2/3 поляков не имели своей семьи, что объясняется не столько половозрастными особенностями польской диаспоры Прикамья, сколько в целом низкой брачной активностью пермских поляков.

Грамотность поляков была довольно высокой. Кроме польского, большинство владели русским, незначительная часть – другими (не русским) языками. В целом по губернии русской грамотой владели 41 % от общего количества мужчин (509 чел.) и 42,6 % от общего количества женщин (314 чел.). На территории рассматриваемых нами шести уездов в границах современного Пермского края ситуация сложилась аналогичным образом. Из мужчин русским языком владели 44,3 % (335 чел.), из женщин – 36,1 % (121 чел.). В Перми количество говорящих и пишущих на русском языке поляков было несколько выше, чем в целом по губернии – 45,3 % (335 чел.), при этом русскоговорящих мужчин было немногим больше женщин – соответственно 48,2 (268 чел.) и 36,4 %. Другие языки среди поляков были распространены в меньшей степени. Из мужского населения губернии грамотными по прочим, кроме русского и польского, языкам были 4,5 % (56 чел.) мужчин-поляков, в шести прикамских уездах – 5,1 % (3,9 чел.), из женского населения соответственно 4,7 % (35 чел.) и 5 % (17 чел.). В столице Прикамья показатели аналогичны – 5,1 % (38 чел.).

Таким образом, можно заключить, что чуть более 40 % польского населения Прикамья в конце XIX в. владели русской грамотой, около 5 % поляков владели грамотой на других языках.

Кроме данных о грамотности, в Переписи учтены сведения о количестве населения, имевшего уровень образования выше начального. Таких поляков в губернии было 32,5 %, т. е. примерно треть, в западных уездах губернии – около 30 % (324 чел.). Из мужского населения губернии образование выше начального имели 33,5 % (419 чел.) мужчин-поляков, в шести прикамских уездах – 27,3 % (207 чел.), из женского населения соответственно 30,2 % (223 чел.) и 35 % (117 чел.). Таким образом, по данным Переписи 1897 г. около трети поляков имели образование выше начального.

Материалы переписи показывают и этноконфессиональную ситуацию у поляков Пермской губернии. В религиозном отношении поляки в конце XIX в. выглядят достаточно однородно. Подавляющее большинство по вероисповеданию являлись католиками – 96,8 % (1915 чел.) и лишь незначительная часть были православными (2,3 %, т. е. 44 чел.) и протестантами разных направлений (0,9 %, т. е. 18 чел.).

Центром католической жизни поляков был г. Пермь, в нем проживало 38,2 % (731 чел.) из общего числа польского населения губернии, исповедующих католицизм. Среди поляков, проживающих в городах Пермь, Кунгур, Оса, Оханск, Соликамск и Чердынь, 98,8 % (819 чел.) были католиками, в целом по 6 уездам эта цифра составила 97,8 % (1067 чел.).

Таблица № 1.2

Возрастной состав польского населения

	Дети младше 1 года			1–20 лет			20–40 лет			40–60 лет			От 60 и выше			Всего		
	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего
По губернии	15	16	31	229	249	478	650	299	949	252	131	383	96	41	137	1 244	736	1 980
В уездах (без городов)	8	10	18	90	91	181	131	123	254	109	47	156	36	19	55	374	290	664
В городах	9	6	15	139	158	297	519	176	695	143	84	227	60	22	82	870	446	1 316
Пермский уезд	8	7	15	99	100	199	437	95	532	79	46	125	20	11	31	643	259	902
г. Пермь	4	3	7	71	68	139	403	70	473	61	35	96	16	8	24	555	184	739

Таблица № 1.3

Распределение польского населения по семейному положению

Губерния, уезды, города (административные единицы)	Семейное положение									
	Холостых и девиц		Состоящих в браке		Вдовых		Разведенных		Не указавших семейного положения	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
В губернии	795	353	402	298	45	83	1	1	1	1
В уездах (без городов)	184	127	170	131	20	31	—	1	—	—
В городах	611	226	232	167	25	52	1	—	1	1
г. Пермь	445	88	102	71	8	25	—	—	—	—
г. Кунгур	16	3	12	8	—	1	—	—	—	—

Таблица № 1.4

Грамотность польского населения Прикамья

	Итого							
	Всех		В том числе					
			Владели русской грамотой		Владели грамотой на других языках		Получили образование выше начального	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
По губернии	1 244	736	509	314	56	35	419	223
В уездах (без городов)	374	290	119	122	12	19	155	62
В городах	870	446	390	192	44	16	264	161
Пермский уезд	643	259	297	98	36	7	164	104
Кунгурский уезд	30	13	15	7	1	3	12	2
Осинский уезд	19	14	8	2	1	2	7	4
Оханский уезд	3	2	—	1	—	—	1	1
Соликамский уезд	27	21	10	7	—	4	14	4
Чердынский уезд	17	13	5	6	1	1	9	2
г. Пермь	555	184	268	67	34	4	132	89
г. Кунгур	28	12	15	6	1	3	10	2

В вопросе соотношения религии и образования стоит отметить, что среди верующих поляков Пермской губернии, исповедующих католицизм, процент грамотности был весьма высок: из 1915 поляков-католиков 78,9 % (1511 чел.) были грамотными. Только в Пермском Прикамье процент грамотных людей среди поляков-католиков составил 79,2 % (845 из 1067 чел.). В целом грамотность польского населения выше показателей по губернии среди других этнических сообществ.

Достаточно полные сведения сохранились о занятости поляков. Хотелось бы отметить, что в целом по Пермской губернии поляки занимали довольно активную позицию в жизни региона. Более 57 % из них были заняты в непроизводственных сферах деятельности (самый высокий процент из всех национальностей, у русских, например, — 6,9 %), в земледелии — 6 % (у русских — 76,3 %), в обрабатывающей промышленности — 21,3 %, торговле и транспорте — 21,3 %. Данные о конкретных занятиях показывают, что в основном поляки были задействованы в сферах управления, службы, железных дорог. Значительная часть занималась мелкой торговлей. Наиболее многочисленными сферами, где трудились поляки, были: «вооруженные силы» — 28,8 % от общей численности поляков (315 чел.), далее следовали сферы «администрация, суд и полиция» — 11,1 % (121 чел.), «производство экипажей и постройка деревянных судов» — 9,4 % (103 чел.), «частная прислуга и поденщики» — 6,2 % (68 чел.), «доход с капитала и недвижимого имущества, средства родителей» — 5,8 % (64 чел.), «врачебная и санитар-

ная деятельность» – 3,6 % (40 чел.), «железная дорога» – 6 % (66 чел.), «наука, литература и искусство» – 2,8 % (31 чел.), «винокурение, пиво и медоварение» – 1,8 % (20 чел.). Остальные сферы деятельности – в пределах одного процента (см. табл. 1.6)

Таблица № 1.5

Распределение польского населения по вероисповеданию по уездам и городам

Уезды и города	Православные и единоверцы				Католики				Протестанты разных исповеданий				Итого			
	Всего		В т.ч. грамотных		Всего		В т.ч. грамотных		Всего		В т.ч. грамотных		Всего		В т.ч. грамотных	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
По губернии	26	18	16	12	1206	709	958	553	10	8	8	6	1244	736	984	572
В уездах (без городов)	15	11	8	6	353	278	272	196	5	1	5	1	374	290	286	203
В городах	11	7	8	6	853	431	686	357	5	7	3	5	870	446	698	369
Пермский уезд (без городов)	4	–	2	–	83	75	60	49	1	–	1	–	88	75	63	49
г. Пермь	2	–	1	–	551	180	431	156	1	3	1	2	555	184	434	160
Кунгурский уезд (без городов)	–	1	–	1	2	–	2	–	–	–	–	–	2	1	2	1
г. Кунгур	1	–	1	–	27	12	25	11	–	–	–	–	28	12	26	11
Осинский уезд (без городов)	–	–	–	–	12	10	11	5	–	–	–	–	12	10	11	5
г. Оса	–	–	–	–	7	4	5	3	–	–	–	–	7	4	5	3
Оханский уезд (без городов)	1	–	1	–	16	15	14	12	1	–	1	–	18	15	16	12
г. Оханск	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	1	–	1	–
Соликамский уезд (без городов)	2	2	–	1	15	10	14	7	–	–	–	–	17	12	14	8
г. Соликамск	–	–	–	–	10	9	10	7	–	–	–	–	10	9	10	7
Чердынский уезд (без городов)	–	1	–	1	6	4	5	2	–	–	–	–	6	5	5	3
В Чердынь	1	–	1	–	10	8	9	6	–	–	–	–	11	8	10	6

Таким образом, видно, что большая часть поляков находилась на государственной и частной службе, значительная часть – на службе военной. Кроме этого, очевидно, что поляки были представлены практически во всех сферах экономической и общественной жизни. При этом нужно отметить, что, в отличие от подавляющего большинства населения Российской империи, они были слабо задействованы в сельском хозяйстве. Приведенные таблицы достаточно наглядно раскрывают все сферы занятости польского населения всех территорий Прикамья.

Таблица № 1.6

Участие отдельных народностей в хозяйственно-экономической жизни

Народности	Участие каждой народности в хоз.-экономической деятельности (%)				
	непромысловые занятия	земледелие и добыча, промышленность	обраб. промышленность	торговля и передвижение	Остальных прочие
Русские	6,9	76,3	10,9	5,0	0,9
Поляки	57,8	6,0	12,7	21,3	2,2
Остальные славянские	14,9	34,5	41,4	9,2	—
Литовско-латышская	46,3	14,2	25,4	11,9	2,2
Романская	53,2	3,2	30,7	8,0	4,9
Немцы	46,1	8,8	26,8	16,0	2,3
Остальные германские	33,3	7,7	44,9	14,1	—
Остальные индоевропейцы	4,2	8,4	3,2	78,2	6,0
Евреи	13,5	2,2	53,3	28,4	2,6
Картвелы	16,7	16,7	—	33,3	33,3
Кавказские горцы	22,2	55,6	22,2	—	—
Финские	1,3	96,5	1,0	0,8	0,4
Турецко-татарские	3,0	91,3	2,2	3,1	0,4
Монголо-бурятские	—	100,0	—	—	—
Китайцы	—	—	—	100,0	—
Остальные	60,0	—	—	20,0	20,0
Не указавшие принадлежности к определенной народности	36,8	5,3	1,8	12,3	43,8

В материалах переписи поляки Прикамья по социальному происхождению были разделены на 8 групп: потомственные дворяне; личные дворяне и чиновники; духовенство; почетные граждане; купцы; мещане; крестьяне; отдельную категорию представляли те, чье происхождение было неизвестным. В конце XIX в. значительная часть польского населения занимала достаточно высокое социальное положение. Наибольший процент среди поляков составляли дворяне. Отметим, что среди всех дворян Пермской губернии (4814 чел.) 17 % (820 чел.) имели польское происхождение. Львиная доля поляков дворянского сословия проживала в г. Перми, причем из всех дворян города (1278 чел.) 19 % (243 чел.) были поляками. В структуре собственно польского населения доля дворян (потомственных) была также высока. Среди поляков, живущих в г. Перми, 33 % (243 чел.) являлись потомственными дворянами, личные дворяне и чиновники составляли 9 % (66 чел.). Потомственные дворяне польского происхождения составляли 29,6 % от общего числа дворян в Перми (822 чел.). Во всех уездах Прикамья потомственных дворян поляков было 37 % (404 чел.) от общей численности польского населения, далее следовали крестьяне – 31,8 % (354 чел.), мещане – 18,3 % (205 чел.), личные дворяне и чиновники – 10,2 % (113 чел.), купцы – 0,5 % (6 чел.), почетные граждане – 0,3 % (4 чел.), духовенство – 0,1 % (4 чел.). Примерно такое же соотношение просматривается и в каждом из отдельно взятых уездов. Потомственных дворян в Пермском уезде было 36 % (328 чел.), в Кунгурском – 27,9 % (12 чел.), в Осинском – 42 % (14 чел.), в Соликамском – 37,5 % (18 чел.), в Чердынском уезде – 50 % (15 чел.); крестьян в Пермском уезде было 36,4 % (322 чел.), в Кунгурском – 11,6 % (5 чел.), в Осинском – 21,2 % (7 чел.), в Соликамском – 16,6 % (8 чел.), в Чердынском уезде – 13,3 % (8 чел.); мещан в Пермском уезде – 17,2 % (156 чел.), в Кунгурском – 56,3 % (23 чел.), в Осинском – 3,3 % (1 чел.), в Оханском – 20 % (7 чел.), в Соликамском – 22,9 % (11 чел.), в Чердынском уезде – 13,3 % (4 чел.). Остальные категории представлены незначительно и не во всех уездах. Таким образом, исходя из анализа происхождения поляков, можно заключить, что почти 50 % польского населения в Прикамье носили титул потомственных или личных дворян и чиновников, около 30 % составляли крестьяне, остальные принадлежали к мещанскому и/или прочим сословиям.

Если рассматривать происхождение поляков на основе данных «Первой всеобщей переписи 1897 г.», то также можно выделить 2 группы: выходцы из собственно Польши и из западных губерний Российской империи.

Уроженцев из первой территории отмечено более всего в городах Перми, Соликамске и Чердыни. Выходцы из Гродненской, Минской и Ковенской губерний присутствовали почти во всех городах.

Доля выходцев из собственно польских Привислинских губерний повсеместно составляла от 1 до 1,5 %, но в абсолютном исчислении огромное большинство их было сосредоточено в Перми. Уроженцев Виленской губернии в Перми отмечено 148 человек, Гродненской – 229, Ковенской – 130, Польши – 251, а Варшавской губернии – 70 человек. Большинство поляков, селившихся в Пермской губернии в XIX в., были уроженцами западных губерний империи, меньшая часть была представлена выходцами из польских Привислинских губерний.

Таким образом, материалы переписи 1897 г. дают достаточно полный портрет польского населения Пермской губернии и отдельно – западных его уездов. В целом можно отметить, что поляки являлись преимущественно городским населением, при этом большая их часть была сосредоточена в губернском городе Перми, а из сельских территорий – в Пермском уезде. Более половины польского населения были потомственными или личными дворянами. Польское население отмечала высокая доля грамотных. В основном поляки были задействованы в сферах управления, службы, железных дорог. Значительная часть их занималась мелкой торговлей. Среднестатистический поляк был молодым человеком, католиком, с высшим образованием, без семьи, выходцем из западных губерний России с социальным статусом потомственного дворянина, жившим в губернском городе.

Таблица № 1.7

Распределение поляков, живущих в Прикамье по роду занятий (чел.) в целом по уездам

Занятие	Пермский уезд			Кунгурский уезд			Осинский уезд			Оханский уезд			Соликамский			Чердынский уезд			Всего		
	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ
Всего	643	259	902	30	13	43	19	14	33	20	15	35	27	21	48	17	13	30	756	335	1091
Администрация, суд и полиция	57	39	96	3	2	5	6	5	11	2	1	3	3	6	9	3	1	4	74	54	128
Общественная и сословная служба	4	3	7	1	–	1	2	–	2				2		2		2		9	5	14
Частная юридическая деятельность		2	2										1		1				1	2	3
Вооруженные силы	311	4	315																311	4	315
Богослужение православного исповедания																					
Богослужение других христ. исповеданий	2		2																2		2

Богослужение других нелхрист. исповеданий																			
Лица при церкви, кладб. и т.п., присл. и стор. при них	1		1														1		1
Учебная и воспитательная деятельность	7	10	17	1		1											8	10	18
Наука, литература и искусство	15	11	26							3		3					18	11	29
Врачебная и санитарная деятельность	12	8	20	3	2	5				5	8	13	2		2	1	1	2	23
Служба при благотворительных учреждениях															1	1	2	1	2
Деятельность и служба частн. Присл., поденщики	27	22	49	7	2	9	2	3	5		1	1	1		1		2	2	37

Занятие	Пермский уезд			Кунгурский уезд			Осинский уезд			Оханский уезд			Соликамский			Черемисский уезд			Всего		
	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ
Дох. с капит. и недвиж. имущ., сред. родит. и родств.	27	28	55	3		3				1		1	1	2	3	3	3	6	35	33	68
Средства от казны, общ. учрежд. и частн. лиц	9	2	11	2		2						2		2	1		1	14	2	16	
Лишенные свободы и отбывающие наказание	5		5							1	1							5	1	6	
Земледелие	9	4	13				3		3				2	2	1	1	2	13	7	20	
Пчеловодство и шелководство															1		1	1		1	
Животноводство															1		1	1		1	
Лесоводство и лесные промыслы	3	3	6															3	3	6	

Рыболовство и охота																					
Добыча руд и копи	2			2								4	3	7					6	3	9
Выплавка металлов																					
Обработка волокнистых веществ																					
Обработка животных продуктов															1			1	1		
Обработка дерева	1			1															1		
Обработка металлов	5		5	10	2			2					2		2				9	5	14
Обработка минеральных веществ (кера- мика)					1			1							1			1	2		5
Производство химическое и связан. с ним																					
Винокурение, пиво и медо- варение	2		1	3	1			1	4	6	10								7	6	14

Занятие	Пермский уезд			Кунгурский уезд			Осинский уезд			Оханский уезд			Солкамский			Чердынский уезд			Всего		
	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ
Прочие напитки и бродильные вещества	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
Обработка растит. и животн. питательн. продуктов	9	–	9	1	2	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10	2	12
Табак и изделия из него	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Полиграфич. производство и изделия из бумаги	5	2	7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	2	7
Инстр. физ., оптич., хирург., часы и игрушки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роск. и т.п.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Изготовление одежды	4	4	8	3	3	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	7	8	15	
Устр., ремонт, содерж. жилищ и строит. работы	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	1	1	–	1	2	1	3		
Производство экипажей и постр. дерев. судов	5	4	9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	4	9		
Не вошед. в предыдущие группы или неопред.	5	4	9	–	–	–	–	–	–	–	3	2	5	–	–	–	–	8	6	14	
Водные сообщения	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	
Железная дорога	81	70	151	–	–	–	–	–	–	4	1	5	3	2	5	–	–	–	88	73	161
Извозный промысел	3	4	7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	3	5	8
Остальн. сухопут. сообщ. и средства передвиж.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
Почта, телеграф и телефон	5	5	10	–	1	1	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	5	7	12	

Занятие	Пермский уезд			Кунгурский уезд			Осинский уезд			Оханский уезд			Солкамский			Чердынский уезд			Всего		
	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	4	2	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	2	8
Торговое посредничество	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля вообще, без точного определения	2	1	3	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	4
Торговля живым скотом	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля зерновыми продуктами	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля остальными продуктами сельского хоз-ва	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	2	–	–	–	1	1	2
Торговля строительным материалами, топливом	2	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2

Торговля предметами домашнего обихода	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля метал, товарами, машинами, оружием	4	4	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	4	4	8
Торговля тканями и предметами одежды	2	–	2	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–	3
Торговля кожами, мехами и прочим	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля предм. роск., науки, искусства, культа и т.д.	1	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	2
Торговля остальными предметами	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля разносная и развозная	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Занятие	Пермский уезд			Кунгурский уезд			Осинский уезд			Оханский уезд			Соликамский			Чердынский уезд			Всего		
	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ	м	ж	общ
Трактиры, гостин., меблир. комнаты и клубы	2	6	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	3	6	9
Торговля питейная	2	1	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1	3	4	2	6
Чистота и гигиена тела	1	2	3	–	–	–	–	–	–	3	2	5	–	–	–	–	–	–	4	4	8
Лица неопределенных занятий	3	3	6	–	–	–	2	–	2	–	–	–	1	–	1	–	–	–	6	3	9
Проституция	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Лица, не указавшие занятий	3	4	7	–	–	–	–	–	–	1	1	2	–	–	–	–	–	–	4	5	9

Таблица № 1.8

Распределение поляков, живущих в Прикамье, по роду занятий (чел.)

	Город		Уезд (без города)		Общее кол-во		Город		Уезд (без города)		Общее кол-во	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
	Пермский уезд						Кунгурский уезд					
Всего	555	184	88	75	643	259	28	12	2	1	30	13
Администрация, суд и полиция	44	28	13	11	57	39	3	2	—	—	3	2
Общественная и сословная служба	3	3	1	—	4	3	1	—	—	—	1	—
Частная юридическая деятельность	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
Вооруженные силы	311	4	—	—	311	4	—	—	—	—	—	—
Богослужение православного исповедания	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Богослужение других христ. исповеданий	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Лица при церкви, кладбищах и т.п., прислуга и сторожа при них	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Учебная и воспитательная деятельность	7	8	—	2	7	10	1	—	—	—	1	—
Наука, литература и искусство	13	9	2	2	15	11	—	—	—	—	—	—
Врачебная и санитарная деятельность	9	8	3	—	12	8	3	2	—	—	3	2
Служба при благотворительных учреждениях	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Служение частной прислугой, поденщики	15	13	12	9	27	22	5	1	2	1	7	2
Доход с капитала и недвижим. имущества, средства родителей и родственников	26	26	1	2	27	28	3	—	—	—	3	—
Средства от казны, обществ. учреждений и частных лиц	9	2	—	—	9	2	2	—	—	—	2	—

	Город		Уезд (без города)		Общее кол-во		Город		Уезд (без города)		Общее кол-во	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
	Пермский уезд						Кунгурский уезд					
Лишенные свободы и отбывающие наказание	5	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—
Земледелие	1	1	8	3	9	4	—	—	—	—	—	—
Пчеловодство и шелководство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Животноводство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лесоводство и лесные промыслы	—	—	3	3	3	3	—	—	—	—	—	—
Рыболовство и охота	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Добыча руд и копи	—	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Выплавка металлов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обработка волокнистых веществ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обработка животных продуктов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обработка дерева	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Обработка металлов	3	1	2	4	5	5	2	—	—	—	2	—
Обработка минеральных веществ (керамика)	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
Производства химическое и связанные с ним	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Винокурение, пиво и медоварение	2	1	—	—	2	1	1	—	—	—	1	—
Прочие напитки и бродильные вещества	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
Обработка растит. и животн. питательн. продуктов	9	—	—	—	9	—	1	2	—	—	1	2
Табак и изделия из него	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Полиграфич. произ-во и изделия из бумаги	5	2	—	—	5	2	—	—	—	—	—	—
Инстр. физ., оптич., хирург., часы и игрушки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т.п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Изготовление одежды	4	4	—	—	4	4	3	3	—	—	3	3
Устр., ремонт, содерж. жилищ и строит. работы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Производство экипажей и постройка дерев. судов	5	4	—	—	5	4	—	—	—	—	—	—
Не вошедшие в предыдущие группы или неопред.	3	2	2	2	5	4	—	—	—	—	—	—
Водные сообщения	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Железная дорога	53	45	28	25	81	70	—	—	—	—	—	—
Извозный промысел	—	1	3	3	3	4	—	—	—	—	—	—
Остальные сухопут. сообщения и средства передвижения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Почта, телеграф и телефон	2	4	3	1	5	5	—	1	—	—	—	1
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	4	2	—	—	4	2	—	—	—	—	—	—
Торговое посредничество	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля вообще, без точного определения	1	—	1	1	2	1	—	1	—	—	—	1
Торговля живым скотом	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля зерновыми продуктами	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля остальными продуктами сельского хоз-ва	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля строительными материалами, топливом	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Торговля предметами домашнего обихода	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля метал. товарами, машинами, оружием	4	4	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—

	Город		Уезд (без города)		Общее кол-во		Город		Уезд (без города)		Общее кол-во	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
	Пермский уезд						Кунгурский уезд					
Торговля тканями и предметами одежды	2	—	—	—	2	—	1	—	—	—	1	—
Торговля кожами, мехами и пр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля предм. роскоши, науки, искусства, культа и т.д.	1	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Торговля остальными предметами	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля разносная и развозная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Трактиры, гост-цы, меблir. комнаты и клубы	2	6	—	—	2	6	—	—	—	—	—	—
Торговля питейная	1	1	1	—	2	1	—	—	—	—	—	—
Средства ухода за чистотой и гигиеной тела	1	—	—	2	1	2	—	—	—	—	—	—
Лица неопределенных занятий	3	1	—	2	3	3	—	—	—	—	—	—
Проституция	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лица, не указавшие занятий	1	1	2	3	3	4	—	—	—	—	—	—
	Осинский уезд						Оханский уезд					
Всего	7	4	12	10	19	14	1	—	19	15	20	15
Администрация, суд и полиция	4	4	2	1	6	5	1	—	1	1	2	1
Общественная и сословная служба	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Частная юридическая деятельность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вооруженные силы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Богослужение православного исповедания	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Богослужение других христ. исповеданий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лица при церкви, кладбищах и т.п., прислуга и сторожа при них	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Учебная и воспитательная деятельность	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Наука, литература и искусство	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3	—
Врачебная и санитарная деятельность	—	—	—	—	—	—	—	—	5	8	5	8
Служба при благотворительных учреждениях	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Деятельность и служба частной прислугой, поденщики	—	—	2	3	2	3	—	—	—	1	—	1
Доход с капитала и недвижим. имущества, средства родителей и родственников	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Средства от казны, общ. учрежд. и частных лиц	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лишенные свободы и отбывающие наказание	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Земледелие	1	—	2	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Пчеловодство и шелководство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Животноводство	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лесоводство и лесные промыслы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рыболовство и охота	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Добыча руд и копи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Выплавка металлов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обработка волокнистых веществ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обработка животных продуктов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обработка дерева	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	Город		Уезд (без города)		Общее кол-во		Город		Уезд (без города)		Общее кол-во	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
	Осинский уезд						Оханский уезд					
Обработка металлов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обработка минеральных веществ (керамика)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Производства химическое и связанные с ним	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Винокурение, пиво и медоварение	—	—	4	6	4	6	—	—	—	—	—	—
Прочие напитки и бродильные вещества	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Обработка растит. и животн. питательных продуктов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Табак и изделия из него	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Политграфич. производство и изделия из бумаги	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инстр. физ., оптич., хирург., часы и игрушки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т.п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Изготовление одежды	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Устр., ремонт, содерж. жилищ и строит. работы	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Производство экипажей и постройка дерев. судов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Не вошед. в предыдущие группы или неопред.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Водные сообщения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Железная дорога	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	4	1
Изовозный промысел	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Остальные сухопут. сообщения и средства передвижения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Почта, телеграф и телефон	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговое посредничество	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля вообще, без точного определения	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля живым скотом	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля зерновыми продуктами	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля остальными продуктами сельского хоз-ва	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля строительными материалами, топливом	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля предметами домашнего обихода	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля метал. товарами, машинами, оружием	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля тканями и предметами одежды	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля кожами, мехами и пр.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля предм. роскоши, науки, искусства, культа и т.д.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля остальными предметами	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля разносная и развозная	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Трактиры, гост-цы, меблир. комнаты и клубы	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Торговля питьевая	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Средства ухода за чистой и гигиеной тела	–	–	–	–	–	–	–	–	3	2	3	2
Лица неопределенных занятий	–	–	2	–	2	–	–	–	–	–	–	–
Проституция	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Лица, не указавшие занятий	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1	1

	Город		Уезд (без города)		Общее кол-во		Город		Уезд (без города)		Общее кол-во	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
	Чердынский уезд						Соликамский уезд					
Всего	11	8	6	5	17	13	10	9	17	12	27	21
Администрация, суд и полиция	2	1	1	–	3	1	2	5	1	1	3	6
Общественная и сословная служба	–	2	–	–	–	2	2	–	–	–	2	–
Частная юридическая деятельность	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Вооруженные силы	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–
Богослужение православного исповедания	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Богослужение других христ. исповеданий	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Лица при церкви, кладбищах и т.п., прислуга и сторожа при них	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Учебная и воспитательная деятельность	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Наука, литература и искусство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Врачебная и санитарная деятельность	–	–	1	1	1	1	–	–	2	–	2	–
Служба при благотворительных учреждениях	1	1	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–
Деятельность и служба частн. прислугой, пощенники	–	1	–	1	–	2	–	–	1	–	1	–
Доход с капитала и недвижим. имущества, средства родителей и родственников	3	2	–	1	3	3	–	1	1	1	1	2
Средства от казны, общ. учреждений и частных лиц	1	–	–	–	1	–	2	–	–	–	2	–
Лишенные свободы и отбывающие наказание	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Земледелие	–	–	1	1	1	1	–	–	–	2	–	2

Пчеловодство и шелководство	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Животноводство	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Лесоводство и лесные промыслы	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Рыболовство и охота	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Добыча руд и копи	–	–	–	–	–	–	1	4	2	4	3	–
Выплавка металлов	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Обработка волокнистых веществ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Обработка животных продуктов	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Обработка дерева	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Обработка металлов	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2	–	–
Обработка минеральных веществ (керамика)	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Производства химическое и связанное с ним	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Винокурение, пиво и медоварение	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Прочие напитки и бродильные вещества	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Обработка растит. и животн. питательных продуктов	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Табак и изделия из него	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Полиграфич. производство и изделия из бумаги	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Инстр. физ., оптич., хирург., часы и игрушки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т.п.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Изготовление одежды	–	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Устр., ремонт, содерж. жилищ и строит. работы	1	–	–	–	1	–	–	–	1	–	1	–

	Город		Уезд (без города)		Общее кол-во		Город		Уезд (без города)		Общее кол-во	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
	Чердынский уезд						Солонкамский уезд					
Производство экипажей и постр. дерев. судов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Не вошед. в предыдущие группы или неопред.	—	—	—	—	—	—	—	—	3	2	3	2
Водные сообщения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Железная дорога	—	—	—	—	—	—	—	—	3	2	3	2
Извозный промысел	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Остальные сухопут. сообщения и средства передвижения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Почта, телеграф и телефон	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Кредитные и общественные коммерческие учреждения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговое посредничество	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля вообще, без точного определения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля живым скотом	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля зерновыми продуктами	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля остальными продуктами сельского хоз-ва	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	1
Торговля строительными материалами, топливом	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля предметами домашнего обихода	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля метал. товарами, машинами, оружием	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля тканями и предметами одежды	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля кожами, мехами и прочим	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Торговля предм. роскоши, науки, искусства, культа и т.д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля остальными предметами	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Торговля разносная и развозная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Трактиры, гост-цы, меблир. комнаты и клубы	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
Торговля питьевая	—	—	2	1	2	1	—	—	—	—	—	—
Средства ухода за чистотой и гигиеной тела	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лица неопределенных занятий	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—
Проституция	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лица, не указавшие занятий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица № 1.9

Социальный состав поляков Прикамья

	Критери	г. Пермь	Пермский уезд	Кунгур	Кунгурский уезд	Оса	Осинский уезд	Оханск	Оханский уезд	Солонкамск	Солонкамский уезд	Чердынь	Чердынский уезд	Итого по 6 уездам
Потомственные дворяне	%	33,00	52,10	26,00	66,60	45,50	42,80	—	50,00	63,10	20,60	63,00	27,40	37,00
	абс. числ.	243	85	10	2	5	9	—	17	12	6	12	3	404
Личные дворяне и чиновники	%	9,00	11,66	5,00	—	36,40	23,80	—	17,60	10,50	17,20	15,80	—	10,20
	абс. числ.	66	19	2	—	4	6	—	6	2	5	3	—	113

	Крите- рии	г. Пермь	Перм- ский уезд	Кунгур	Куя- гур- ский уезд	Оса	Озби- ский уезд	Одесск	Охан- ский уезд	Солд- замск	Со- ликам- ский уезд	Чер- дынь	Чер- дын- ский уезд	Итого по 6 уездам
Духовенство	%	–	0,60	2,60	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,18
	абс. числ.	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2
Почётные граж- дане	%	0,30	–	–	–	–	–	–	–	10,50	3,40	–	–	0,54
	абс. числ.	2	–	–	–	–	–	–	1	2	1	–	–	6
Купцы	%	0,80	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,54
	абс. числ.	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6
Мещане	%	15,00	27,00	55,00	–	9,00	–	–	20,60	10,50	31,00	21,00	36,30	18,30
	абс. числ.	112	44	21	–	1	–	–	7	2	9	4	–	200
Крестьяне	%	41,50	8,60	13,00	33,30	–	33,40	100,00	8,80	5,20	24,10	–	36,30	32,50
	абс. числ.	308	14	5	1	–	7	1	3	1	7	–	8	355
Неизвестные	%	0,30	–	2,50	–	9,00	–	–	–	–	1,00	–	–	0,27
	абс. числ.	2	–	–	–	1	–	–	–	–	3,4%	–	–	3
Итого		739	163	40	3	11	22	1	34	19	29	19	11	1 091

Поляки в Прикамье в годы Первой мировой войны

Значительно пополнилось польское сообщество Прикамья с началом Первой мировой войны, когда на территорию Пермской губернии хлынул поток беженцев и военнопленных. В частной переписке родственники из польских губерний России интересовались возможностью переезда всей семьей в Прикамье в связи с началом военных действий на западе (орфография сохранена): «Здравствуйте, дорогие наши родные. Сегодня мы приехали к вам в гости, чтобы поздравить вас с великим праздником Христовова рождения и вместе с вами напиться на честь доброго здоровья и благополучия по одной рюмке пермской водки. Прошу не отказать нам этого приема. За письмо ваше очень благодарю. Мать наша уже здорова. Что слышно у Анны – не знаем, потому что нету время с ней повидаться. Кланяемся мы и Валентий с женой и двумя сынами, Франя и Казимир с тройкой ребятишек и желаем всего хорошего. Дальше доложу, что у нас, наверное, будет война между Сербия, Австрию, Германию и Россию. В городе Варшаве объявлена уже мобилизация ополченников первого разряда. Может быть, что и я пойду, так пришлю вам свое семейство на прохранение»²⁸⁴.

Достаточно сложно определить масштабы добровольной миграции, однако сведения об этом мы находим и в отдельных биографиях пермских поляков. Из биографии поляка А. К. Адамовича, составленной его женой, узнаем: «Отец мужа поляк, родом из Ковенской губернии. Отец и мать его простые бедные крестьяне. После отбытия отцом воинской службы он приехал в г. Либава (Латвия) и работал там плотником на плавучем доке. Участник революции 1905 г. После подавления революции царской жандармерией в Прибалтийском крае бежал в Америку, где и умер в 1929 г. Муж, Адамович А. К., родился в Либаве в 1903 г. Во время империалистической войны в 1915 г., будучи еще несовершеннолетним, он с матерью как беженец покинул г. Либаву и приехал в Москву, а в 1916 г. приехал на Урал в г. Лысьва Пермской области и безвыездно, за исключением службы в Красной армии, прожил...»²⁸⁵. Из Варшавы в Прикамье в годы Первой мировой войны судьба забросила и А. Скочека, который вспоминал: «Из Варшавы железнодорожные мастерские эвакуировали в глубь страны. Мы уехали с отцом, мать осталась, не хотела покидать дом. Полтора года работали во Владивостоке, а потом нашу бригаду перевезли в распоряжение дирекции Пермской железной дороги – на капитальный ремонт паровозов в депо Чусовая. Железнодорожный поселок небольшой: с десятков каменных домов, несколько крестьянских хат, магазинчик, кабак. Зато мастерские были большие. В них было занято около 300 рабочих»²⁸⁶.

Первая мировая война явилась большим испытанием для польских земель, ставших театром военных действий армий противников. В те военные годы в России находилось до 1,5 млн. польских беженцев, эвакуированных с территории Царства Польского. Массовая эвакуация поляков началась в 1915 г., когда российские войска отступали из польских губерний. По данным Комитета Ее Императорского Высочества Великой княгини Татьяны Николаевны, созданного 14 сентября 1914 г. в качестве органа для оказания помощи беженцам, общая численность поляков-беженцев в России на 1(14) февраля 1917 г. составляла 513 434 чел.²⁸⁷ Общая численность поляков вне пределов Польши на 1 января 1917 г. составила 3 112 180 человек, которые были разбросаны по 69 губерниям России²⁸⁸.

Для помощи соотечественникам в разных городах России создавались общественные организации для помощи полякам. За Уралом крупнейшими были: Центральный гражданский комитет (ЦГК) и Петроградское общество помощи полякам – жертвам войны (ПОПЖВ). Районные структуры (региональные отделения) ЦГК были созданы практически во всех районах империи и взяли под свое покровительство более 350 тыс. беженцев. В Туркестане, восточноевропейских губерниях (Астраханской, Самарской, Симбирской, Уфимской, Орен-

бургской, Пермской), а также в Сибири региональные структуры не разворачивались. Эти территории находились в непосредственном подчинении Главного правления и были объединены в так называемый Восточный район. Работой здесь руководил главный уполномоченный по Восточному району Владислав Грабский. Главной задачей ЦГК было предоставление беженцам жилья, продуктов питания, одежды (так называемая материальная помощь), удовлетворение потребностей в области просвещения, религии, а также в области трудоустройства. Помощь по обеспечению жилищными условиями заключалась в найме и ремонте жилых помещений, строительстве бараков, обеспечении топливом, а также в предоставлении денежных сумм на жилье. Для помощи детям поляков в структуре ЦГК был создан Фонд «Дети польского народа».

Средства на существование комитета и благотворительные акции выделялись по договоренности из государственной казны. В период Временного правительства деятельность ЦГК продолжилась. Однако с приходом к власти большевиков ситуация ухудшилась. Новое правительство отказалось от финансирования акций ЦГК, что и стало главной причиной конфликтов региональных отделений ЦГК с местными властями. С января 1918 г. отделения ЦГК по всей стране начинают закрываться. Точную дату закрытия пермского отделения определить сложно, однако в 1918 г. упоминаний о ЦГК в газетах и документах того времени уже нет²⁸⁹.

Независимым от власти оставалось ПОПЖВ. В империю польские беженцы попадали при посредничестве Переселенческого комитета. Отправной точкой для всех был Смоленск. Далее они направлялись в крупные города центральной России (на Урале такими пунктами были Екатеринбург и Челябинск, через них в 1915 г. прошло более 200 тыс. поляков), откуда уже переезжали на постоянное место жительства²⁹⁰. Общество возникло в августе 1914 г., практически сразу же после начала войны. Инициаторами создания общества были редактор газеты «Głos Polski» Ремигиуш Квятовский, известный адвокат Болеслав Олышамовский и депутат Государственной думы Генрик Свентицкий. Согласно Уставу отделения могли создаваться в любой местности, где было более 10 активистов. К концу 1916 г. в России насчитывалось уже 247 отделений ПОПЖВ, располагавшихся преимущественно в западных губерниях Российской империи²⁹¹. Все отделения имели широкую автономию и часто действовали самостоятельно, лишь номинально выступая от имени Главного комитета. «Создание общероссийской по сути польской общественной организации с регулярными съездами польских делегатов в столице, с сетью отделений по всей империи стало возможным именно в условиях Первой мировой войны, при заметной либерализации позиции российской политической элиты по отношению к полякам и польскому вопросу»²⁹².

В Перми местное отделение ПОПЖВ проводило вечера, лекции для поляков, оказывало нуждающимся материальную поддержку. Помощь ПОПЖВ по мере возможности оказывали и местные власти. О нуждах ПОПЖВ, собраниях и прочих мероприятиях регулярно сообщала газета «Пермские губернские ведомости». В Пермской губернии, как и во многих других городах, существовали общества помощи полякам – жертвам войны. В течение 1916 г. в Перми у настоятеля римско-католического храма периодически проводились собрания членов местного отделения ПОПЖВ. Об этих собраниях регулярно сообщали «Пермские губернские ведомости», в которых периодически выкладывались объявления следующего содержания: «В Перми у настоятеля римско-католического костела пройдет собрание членов местного отделения «Петроградского общества помощи полякам – жертвам войны»²⁹³. Необходимость создания таких обществ возникла после того, как в страну, и в том числе в Пермскую губернию, стали массово прибывать беженцы из Польши, Украины, Белоруссии и Литвы.

Таким образом, XIX – начало XX в. характеризовались динамичными процессами формирования польского населения Пермского Прикамья, процессами их адаптации в пермское сообщество. Во второй половине XIX в. поляки были одним из значительных этнических

меньшинств, сформировавшихся за счет добровольных и принудительных миграций в Пермском Прикамье. Однако начинающийся новый XX в. всколыхнет устоявшийся и привычный образ жизни, изменит сложившуюся этническую структуру населения региона. Вслед за Первой мировой в России грянет Февральская, затем Октябрьская революции, от западных до восточных границ заполыхает Гражданская война. Но об этом – в следующей главе.

Примечания

- ¹ Большая энциклопедия народов. М., 2007. С. 428.
- ² http://geo.poland.su/naselenie_etnos.html.
- ³ <http://ru.wikipedia.org>.
- ⁴ Касаткина Н. В. Особенности адаптации этнических групп в современной Литве // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 46.
- ⁵ <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0113/analit03.php>.
- ⁶ Народы России. М., 1994. С. 266.
- ⁷ То же. Там же.
- ⁸ Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М., 1998. С. 99–116.
- ⁹ <http://www.pl.spb.ru/projects/dialog/poland/>.
- ¹⁰ Народы России... С. 266.
- ¹¹ Там же. С. 267.
- ¹² Ссылные поляки в Сибири: XVII, XIX в.: Исследования и материалы. Новосибирск, 2007. С. 7.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Рогов А. И. Русь и Польша в их культурном общении XIV – начале XV в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 284.
- ¹⁵ Народы России... С. 267.
- ¹⁶ http://tcheltsov.narod.ru/gen_pl.htm.
- ¹⁷ Спирков В. А. Участие пленных польских конфедератов в Крестьянской войне в России 1773–1775 гг. // Вестник Ленинградского университета. Серия «История языка и литературы». Вып. 3. 1963. № 14. С. 19–30.
- ¹⁸ Там же. С. 27.
- ¹⁹ Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 74.
- ²⁰ Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 4. СПб., 1799. С. 67.
- ²¹ Народы России... С. 267.
- ²² <http://www.bashkortostan450.ru/culture/kultura-narodov/poliaki/>; Магомедов А. А. Военнопленные «Великой армии» на службе в Сибирском линейном казачьем войске. – Эл. ресурс. – http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml.
- ²³ http://tcheltsov.narod.ru/gen_pl.htm.
- ²⁴ Поляки Башкортостана // <http://www.bashkortostan450.ru/culture/kultura-narodov/poliaki/>.
- ²⁵ <http://www.bashkortostan450.ru/culture/kultura-narodov/poliaki/>.

- ²⁶ Народы России... С. 267.
- ²⁷ Там же. С. 267–268.
- ²⁸ Там же. С. 267.
- ²⁹ *Гурьянов А. Э.* Обзор советских репрессивных кампаний против поляков и польских граждан // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 201–202.
- ³⁰ Там же. С. 203–204.
- ³¹ Там же. С. 205–206.
- ³² <http://www.ekatcatholic.ru/Russian/News/n2807200412.htm> (сайт: Римско-Католический приход Св. Анны в г. Екатеринбурге); *Кабузан В. М.* Указ. соч. С. 74; Ссылные поляки в Сибири... С. 9.
- ³³ Поляки Башкортостана... // <http://www.bashkortostan450.ru/culture/kultura-narodov/poliaki/>.
- ³⁴ <http://www.ekatcatholic.ru/Russian/News/n2807200412.htm> (сайт: Римско-Католический приход Св. Анны в г. Екатеринбурге).
- ³⁵ Поляки в Кунгуре. Кунгур, 2004. С. 12.
- ³⁶ *Пилсудский Б.* Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 15.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963. С. 11–21.
- ³⁹ *Тон Ф. Я.* Под знаменем революции. М., 1970. С. 97.
- ⁴⁰ *Михаляк Ярослав.* Прощание у «могильного камня надежды». Уральская граница в воспоминаниях поляков, сосланных в Сибирь // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 113.
- ⁴¹ Цит. по: *Михаляк Ярослав.* Указ. соч. С. 109.
- ⁴² ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 107.
- ⁴³ *Терехин А. А.* Ссылка в Пермской губернии в XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь, 2003. С. 125.
- ⁴⁴ Там же. С. 126–127.
- ⁴⁵ Там же. С. 127.
- ⁴⁶ ГАПК. Ф. 65, оп. 4, д. 139, л. 1–2.
- ⁴⁷ *Терехин А. А.* Указ. соч. С. 125.
- ⁴⁸ *Красноперов Д. А.* Я увез из Перми воспоминания...: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем. Пермь, 1989. С. 80.
- ⁴⁹ *Аленчикова Н. Д.* Документы о Петре Сцегенном в Государственном архиве Пермской области // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. С. 282–283.
- ⁵⁰ *Харитонова Е.* Право на благодарность // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 19.
- ⁵¹ Подробно о схеме передачи денег см.: ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 70–73.
- ⁵² *Аленчикова Н. Д.* Указ. соч. С. 282.
- ⁵³ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 72.
- ⁵⁴ *Аленчикова Н. Д.* Указ. соч. С. 283.
- ⁵⁵ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 53.
- ⁵⁶ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 68.

- ⁵⁷ ГАПК. Ф. 65, оп.1, д. 1141, л. 55.
- ⁵⁸ ГАПК. Ф. 65, оп.1, д. 1141, л. 149.
- ⁵⁹ *Пилсудский Б.* Указ. соч. С. 17.
- ⁶⁰ *Орлова-Стишжевская С. А.* Участник восстания 1863 года в пермской ссылке // *Путь в историю, пути в истории...: Сборник статей и воспоминаний.* Пермь, 2002. С. 130–131.
- ⁶¹ Там же. С.130.
- ⁶² Там же. С.132.
- ⁶³ Подробнее см.: *Орлова-Стишжевская С. А.* Указ. соч. С. 132–133.
- ⁶⁴ *Орлова-Стишжевская С. А.* Указ. соч. С. 124.
- ⁶⁵ *Терехин А. А.* Указ. соч. С. 166.
- ⁶⁶ Там же. С. 167–168.
- ⁶⁷ Там же. С. 168.
- ⁶⁸ Там же. С. 168.
- ⁶⁹ Там же. С. 168.
- ⁷⁰ *Варзаков В.* Польские революционеры в Кунгуре: из истории польского революционного движения // *Сельская новь.* 1963. 27 янв. С. 4.
- ⁷¹ *Орлова-Стишжевская С. А.* Указ. соч. С. 125.
- ⁷² Там же. С. 126.
- ⁷³ *Вакатова Л.* Подвиг борцов за свободу // *Звезда.* 1963. 24 янв. С. 4.
- ⁷⁴ *Орлова-Стишжевская С. А.* Указ. соч. С. 134.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же. С. 135.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ *Пермские губернские ведомости.* 1864. № 11. 13 марта; № 12. 20 марта.
- ⁷⁹ *Харитонова Е. Д.* Город Пермь в системе политической ссылки в XIX – начале XX века // *Город мой Пермь.* Пермь, 1993. С. 6.
- ⁸⁰ *Варзаков В.* Указ. соч. С. 4.
- ⁸¹ *Орлова-Стишжевская С. А.* Указ. соч. С. 134.
- ⁸² *Харитонова Е. Д.* Ссылные поляки в Кунгуре // *Пермская губерния: история, политика, культура, современность.* Кунгур, 1997. С. 52.
- ⁸³ *Варзаков В.* Указ. соч. С. 4.
- ⁸⁴ *Терехин А. А.* Указ. соч. С. 171.
- ⁸⁵ *Варзаков В.* Указ. соч. С. 4.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ⁸⁸ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ⁸⁹ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 85.
- ⁹⁰ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ⁹¹ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 160.
- ⁹² ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 160.
- ⁹³ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 111.

- ⁹⁴ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 64, 71.
- ⁹⁵ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 17.
- ⁹⁶ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 33, 33об.
- ⁹⁷ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 420.
- ⁹⁸ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 421.
- ⁹⁹ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 431.
- ¹⁰⁰ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 478об.
- ¹⁰¹ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 415.
- ¹⁰² ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. ... 245, 246, 260а.
- ¹⁰³ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 430.
- ¹⁰⁴ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ¹⁰⁵ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ¹⁰⁶ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ¹⁰⁷ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ¹⁰⁸ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ¹⁰⁹ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ¹¹⁰ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ¹¹¹ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 260а.
- ¹¹² ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 455.
- ¹¹³ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 42.
- ¹¹⁴ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 46.
- ¹¹⁵ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 245, л. 2об.
- ¹¹⁶ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 447.
- ¹¹⁷ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 370.
- ¹¹⁸ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 562, 622.
- ¹¹⁹ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 368.
- ¹²⁰ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 362.
- ¹²¹ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 473.
- ¹²² ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 564.
- ¹²³ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 568.
- ¹²⁴ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 350.
- ¹²⁵ ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260а, л. 486.
- ¹²⁶ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 135–136.
- ¹²⁷ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 3.
- ¹²⁸ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1141, л. 4.
- ¹²⁹ Подпр. см.: Революционеры Прикамья: Пермь, 1966. С. 116–117.
- ¹³⁰ Харитонова Е. Д. Библиотека польских ссыльных в Перми // История библиотеки – история страны. Тез. докладов и сообщений. Пермь, 1995. С. 36–39.
- ¹³¹ Орлова-Стшижеская С. А. Указ. соч. С. 124.
- ¹³² Терехин А. А. Указ. соч. С. 174.
- ¹³³ Там же.

- ¹³⁴ *Пилсудский Б.* Указ. соч. С. 17–18.
- ¹³⁵ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1160.
- ¹³⁶ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1159.
- ¹³⁷ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1156, л. 1.
- ¹³⁸ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1156, 1157, 1158, 1159.
- ¹³⁹ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1156, л. 1–3.
- ¹⁴⁰ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1157, л. 9.
- ¹⁴¹ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1158, л. 3, 8.
- ¹⁴² ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1159, л. 18.
- ¹⁴³ ГАПК. Ф. 65, оп. 1, д. 1156, л. 7.
- ¹⁴⁴ ГАПК. Ф. 5, оп. 1, д. 1141, л. 70об.
- ¹⁴⁵ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 891, л. 12–15; Ф. 111, оп. 1, д. 917, л. 11; Ф. 111, оп. 1, д. 995, л. 8–10.
- ¹⁴⁶ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 508, 917, 994, 995; Ф. 338, оп. 1, д. 3.
- ¹⁴⁷ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 192, 578; Ф. 338, оп. 1, д. 14.
- ¹⁴⁸ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 185, 891.
- ¹⁴⁹ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 185, 192, 193, 506, 508, 544, 578, 743, 807, 891, 917, 997, 1001; Ф. 338, оп. 1, д. 3.
- ¹⁵⁰ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 578.
- ¹⁵¹ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 151, 185, 192, 193, 506, 508, 578, 743, 807, 813, 891, 917, 994, 995; Ф. 338, оп. 1, д. 3, 14.
- ¹⁵² ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 917.
- ¹⁵³ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 917, л. 19.
- ¹⁵⁴ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 185.
- ¹⁵⁵ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 743, л. 1–18.
- ¹⁵⁶ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 743, л. 136–137.
- ¹⁵⁷ ГАПК. Ф. 111, оп. 1, д. 743, л. 144.
- ¹⁵⁸ *Литовченко Г. А.* Поляки и железные дороги Урала (рукопись) // Архив музея истории и техники им. А. М. Королева Пермского отделения Свердловской железной дороги.
- ¹⁵⁹ ГАПК. Ф. 556, оп. 2, д. 1, л. 288.
- ¹⁶⁰ *Литовченко Г. А.* Указ. соч.
- ¹⁶¹ ГАПК. Ф. 556, оп. 1, д. 158, 284, 338.
- ¹⁶² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. 37. С. 2.
- ¹⁶³ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ¹⁶⁴ Первая всеобщая перепись... С. 2.
- ¹⁶⁵ Пермские губернские ведомости. 1862. № 13. С. 117; 1864. № 17. Часть неофициальная.
- ¹⁶⁶ ГАПК. Ф. 141, оп. 1, д. 26, л. 61.
- ¹⁶⁷ ГАПК. Ф. 512, оп. 1, д. 441. Городовая обывательская книга губернского города Перми. Ч. 4., л. 172, 179; Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. С.

100.; Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. Пермь, 1880. С. 15, 21, 39, 40; Адрес-календарь Пермской губернии. 1881. С. 26.

¹⁶⁸ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.

¹⁶⁹ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.

¹⁷⁰ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1; Ф. 141, оп. 1, д. 26, л. 61.

¹⁷¹ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1; Ф. 141, оп. 1, д. 26, л. 61.

¹⁷² Первая всеобщая перепись... С. 270–289.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Пермские губернские ведомости. 1860. № 10. С. 59.

¹⁷⁷ Пермские губернские ведомости. 1864. № 13. С. 76.

¹⁷⁸ *Спешилова Е.* Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. 1723–1917 г. Пермь, 2003. С. 84, 191, 90, 323, 175.; Пермские губернские ведомости. 1860. № 6. С. 25; № 3, 4; Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. С. 92, 94.

¹⁷⁹ Первая всеобщая перепись... С. 185–250.

¹⁸⁰ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 130, 237; ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 150; Ф. 72, оп. 1, д. 3, л. 6, 16; Пермские губернские ведомости. 1860. № 9. Отд. 1. С. 37, 40.

¹⁸¹ Первая всеобщая перепись... С. 185–250.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. С. 6, 7, 9, 23, 61, 63; Адрескалендарь Пермской губернии. 1881. С. 30, 44, 49, 55.

¹⁸⁴ Там же. С. 7, 13, 16, 17, 20, 31, 51, 68.

¹⁸⁵ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 107, 393, 394, 415, 411, 412, 416, 437; *Гладышев В.* Перми старинное зеркало. Пермь, 2001. С. 20, 40, 44, 45, 67.

¹⁸⁶ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 211, 216, 333; *Гладышев В.* Указ. соч. С. 58; Пермские губернские ведомости. 1860. № 9. Отд. 1. С. 39.

¹⁸⁷ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 197, 332, 397; *Гладышев В.* Указ. соч. С. 46, 63.

¹⁸⁸ Первая всеобщая перепись... С. 185–250; Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. Пермь, 1880. С. 72, 82, 175; Адрес-календарь Пермской губернии. 1881. С. 26, 31; *Гладышев В.* Перми старинное зеркало... С. 22.

¹⁸⁹ Первая всеобщая перепись... С. 185–250.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 167, 241, 131, 259, 305.

¹⁹² Первая всеобщая перепись... С. 2.

¹⁹³ *Минеев Г. И.* Полный адрес домовладельцев губернского города Перми. Пермь, 1886 // Адрес-календарь Пермской губернии на 1888 г. Пермь, 1887; Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми. Пермь, 1898. С. 1–70.

¹⁹⁴ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 352.

¹⁹⁵ Список владельцев... С. 1–70.

¹⁹⁶ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 84, 131.

¹⁹⁷ Там же. С. 205, 278, 279, 332.

¹⁹⁸ Список владельцев... С. 1–86.

- ¹⁹⁹ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 217, 375, 237.
- ²⁰⁰ Там же. С. 27.
- ²⁰¹ Список владельцев... С. 1–55, 88–106.
- ²⁰² Там же. С. 1–106.
- ²⁰³ *Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 128.
- ²⁰⁴ *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 48.; ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 7, л. 7.
- ²⁰⁵ ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 364, л. 76, 76об.
- ²⁰⁶ ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 324, л. 5, 12; д. 92, л. боб.; Пермские губернские ведомости. 1864. № 85; *Спешилова Е.* Указ. соч. С. 237.
- ²⁰⁷ ГАПК. Ф. 72.
- ²⁰⁸ Цит. по: *Гладышев В.* Кто не знал Людвигу Ивановича! // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 29.
- ²⁰⁹ Польский бал-концерт // Пермские губернские ведомости. 1909. № 264. 10 дек.
- ²¹⁰ Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки / Науч. ред. М. Г. Нечаев. Пермь, 2000. С. 110.
- ²¹¹ *Сборовский В.* Польское присутствие // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 116.
- ²¹² *Зверев А. В.* Старейшее учебное заведение г. Перми. Пермь, 1908. С. 89; Мариинская женская гимназия в Перми: К пятидесятилетию юбилею (1861–1910). Пермь, 1913. С. 124; ГАПК. Ф. 172, оп. 1, д. 1, л. 85об; Ф. 171, оп. 1, д. 4, л. 4–12; Ф. 171, оп. 1, д. 6, л. 4об.; Ф. 185, оп. 1, д. 266, л. 25об.; Ф. 185, оп. 1, д. 326, л. 44–44об.
- ²¹³ *Терехин А. А.* Указ соч. С. 125.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ Пермь от основания до наших дней... С. 110.
- ²¹⁶ Спустя 30 лет, в 1862 г., поляков в г. Перми насчитывалось всего 125 чел. См.: Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. С. 102.
- ²¹⁷ ГАПК Ф. 64, оп. 4, д. 132, л. 70.
- ²¹⁸ ГАПК. Ф. 504, оп. 1, д. 1, л. 2.
- ²¹⁹ ГАПК. Ф. 504, оп. 1, д. 1, л. 4.
- ²²⁰ См. подробнее: *Харитонова Е.* Право на благодарность // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 16.
- ²²¹ Цит. по: *Харитонова Е.* Право на благодарность... С. 17.
- ²²² Там же.
- ²²³ Цит. по: *Харитонова Е.* Право на благодарность... С. 18.
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ Там же. С. 20.
- ²²⁶ Пермь от основания до наших дней... С. 110.
- ²²⁷ ГАПО. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ²²⁸ ГАПО. Ф. 688, оп. 1, д. 2.
- ²²⁹ *Сборовский В.* Польское присутствие // Вечерняя Пермь. 2001, 3 мая.
- ²³⁰ *Харитонова Е. Д.* Вклад в развитие культуры края польской диаспоры Перми // Культурная жизнь Прикамья XIX–XX вв. Пермь, 1996. С. 38–39.

- ²³¹ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ²³² ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ²³³ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ²³⁴ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ²³⁵ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ²³⁶ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ²³⁷ Первая всеобщая перепись... С. 270–289.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ ГАПК. Ф. 688, оп. 1, д. 1–7.
- ²⁴⁰ Первая всеобщая перепись... С. 270–289.
- ²⁴¹ Первая всеобщая перепись... по Кунгуру – С. 276–280; по Осе и Оханску – С. 281–285; по Соликамску и Чердыни – С. 285–289.
- ²⁴² Там же.
- ²⁴³ Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862.
- ²⁴⁴ Там же. С. 92, 94.
- ²⁴⁵ Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. Пермь, 1880. С. 169, 175, 178, 199, 203; Адрес-календарь Пермской губернии. 1881. С. 106, 108.
- ²⁴⁶ Там же. С. 57; Пермские губернские ведомости. 1860. № 3.
- ²⁴⁷ Первая всеобщая перепись... С. 185–250.
- ²⁴⁸ ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 5, л. 15, 55, 8; д. 24, л. 12, 13, 15; д. 294, л. 3.
- ²⁴⁹ Пермские губернские ведомости. 1865. № 46. С. 193; № 47, С. 184; № 90. С. 365; ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 175, л. 5; д. 436, л. 1, д. 298, л. 25; д. 13, л. 7об; д. 209, л. 3.
- ²⁵⁰ ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 324, л. 5; д. 87, л. 6; Пермские губернские ведомости. 1864. № 49. С. 209.
- ²⁵¹ Среди домов, принадлежащих Поклевским-Козелл, несколько находились в Перми. А. Ф. Поклевский-Козелл купил на углу улиц Петропавловской, 62 и Красноуфимской, 16 усадьбу, где устроил контору, рейнские погреба и винно-колонияльный магазин, а также взял в аренду соседний деревянный дом городского общества. А в 1892 г. подал заявку на строительство 2-этажного каменного дома на принадлежащем ему участке по ул. Петропавловской, 62. В 1903 г. его сыновья Викентий и Станислав продали этот дом Грибушину, а сами переехали к брату Ивану на Покровскую, 13, пока строился дом на Пермской, 23. Поклевские-Козелл купили напротив своего нового дома еще два здания под № 34 и 36, где поместили контору и склады (См. *Спешилова Е. А.* Старая Пермь. С. 237).
- ²⁵² ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 324, л. 5, 12; д. 92, л. 6об; Пермские губернские ведомости. 1864. № 85. С. 328; *Спешилова Е. А.* Указ. соч. С. 237.
- ²⁵³ Пермские губернские ведомости. 1864. № 90. С. 365; ГАПК. Ф. 72, оп. 1, д. 26, л. 5; д. 70, л. 2об; д. 24, л. 1, 2, 13, 15; д. 299, л. 15об.
- ²⁵⁴ Суксунский завод и округа в настоящее время относятся к Суксунскому району Пермского края, во второй половине XIX – начале XX в. входили в несколько волостей Красноуфимского уезда Пермской губернии.
- ²⁵⁵ Суксунский районный архив. Ф. 109. Метрические книги суксунской Вознесенской церкви за 1851 г. О бракосочетавшихся.
- ²⁵⁶ Суксунский районный архив. Ф. 109. Метрические книги... за 1857 г.

- ²⁵⁷ ГАПК. Ф. 398, оп. 1, д. 1. Летопись суксунской Вознесенской церкви 1795–1912.
- ²⁵⁸ Суксунский районный архив. Ф. 109. Метрические книги... за 1868 г.
- ²⁵⁹ ГАСО. Ф. 24, оп. 16, д. 190. (Все материалы этого фонда предоставлены Л. В. Рябухо, г. Екатеринбург.)
- ²⁶⁰ ГАСО. Ф. 24, оп. 16, д. 190.
- ²⁶¹ Суксунский районный архив. Ф. 109. Метрические книги суксунской Вознесенской церкви за 1871 г.
- ²⁶² Сезон кумысо-воздухо-минерального лечения при Суксунских и Ключевских серных, Красноярских и Морозковских железных водах в 1867 г. (в Суксунском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии) // Архив Суксунского историко-краеведческого музея.
- ²⁶³ ГАПК. Ф. 937, оп. 1, д. 150. Сведения о лечебном заведении в Суксунском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии.
- ²⁶⁴ Суксунский историко-краеведческий музей. Рукописный фонд. Воспоминания Гавриила Андреевича Маношина, 1854 г. р., в/х 141.
- ²⁶⁵ Журналы Красноуфимского уездного земского собрания. 15-я очередная сессия. 1885 г. Кунгур, 1885.
- ²⁶⁶ ГАСО. Ф. 24, оп. 16, д. 190.
- ²⁶⁷ Приговоры Златоустовского волостного и Молебского сходов от 1 сентября 1885 г. // Красноуфимский земско-медицинский совет 30 сент. 1885 г. // Архив Суксунского историко-краеведческого музея.
- ²⁶⁸ ГАСО. Ф. 24, оп. 16, д. 190.
- ²⁶⁹ Журналы Красноуфимского уездного земского собрания. 13-я очередная сессия. Доклады управы и комиссии. 1882 г. Кунгур, 1883. С. 15.
- ²⁷⁰ Там же. С. 16.
- ²⁷¹ Там же. С. 15.
- ²⁷² Там же.
- ²⁷³ ГАСО. Ф. 24, оп. 16, д. 190.
- ²⁷⁴ Кунгур в старых фотографиях и документах / Сост. Л. Ю. Елтышева. Кунгур, 1999. С. 40.
- ²⁷⁵ Сайт С.-Петербургского роддома № 6 // Эл. адрес: roddom6spb.narod.ru.
- ²⁷⁶ Там же; ГАПК. Ф. 297, оп. 3, д. 260, л.10; Ф. 37, оп. 6, д. 1094, л. 197–197об. № 2.
- ²⁷⁷ Сайт С.-Петербургского роддома № 6 // Эл. адрес: roddom6spb.narod.ru.
- ²⁷⁸ Суксунский районный архив. Ф. 109. Метрические книги Торговищенской Иоанно-Предтеченской церкви за 1917–1919 гг.; Воспоминания Паутовой А. В., приемной дочери М. П. Скалецкой. Записаны Н. Токаревой.
- ²⁷⁹ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп.1, д. 29092.
- ²⁸⁰ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп.1, д. 29092.
- ²⁸¹ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп.1, д. 29092.
- ²⁸² Токарева Н. Два Александра // Новая жизнь. 1999. № 98. С. 3–4.
- ²⁸³ Токарева Н. «Вам меня не хоронить» // Православная Пермь. 2001. № 2. С. 3.
- ²⁸⁴ Полевые материалы; г. Пермь, личный архив Лепихиной И. А., 1929 г. р., фотооткрытка 1912 г.
- ²⁸⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 13353, л.15.

²⁸⁶ *Скочек А.* Во время Октябрьской революции и после нее // Под общим знаменем. Сборник воспоминаний. М., 1987. С. 211–228.

²⁸⁷ Интернационалисты. Участие стран Центральной и Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России в 1917–1920 гг. / Отв. ред. А. Я. Манусевич. М., 1971. С. 30–38.

²⁸⁸ *Ольшанский П. Н.* Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924. М., 1974. С. 20–24.

²⁸⁹ *Кожневский М.* Деятельность Центрального гражданского комитета в Сибири (1915–1918) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 299–316.

²⁹⁰ *Монздик М.* Деятельность Польского общества помощи жертвам войны в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь в истории и культуре польского народа: Пер. с пол. М., 2002. С. 317–326.

²⁹¹ *Селицкий А. И.* Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008. С. 107.

²⁹² Там же. С. 105.

²⁹³ См. напр.: Помощь воинам-полякам // Пермские губернские ведомости. 1916, 3 янв. № 2. С. 3; Помощь полякам – жертвам войны // То же. 1916, 10 янв. № 7. С. 3.

Глава II

Поляки в Прикамье в советский период (1917–1991)

Советский период в истории нашего государства – время больших перемен в жизни всего многонационального народа. Тут и многоплановые преобразования в социально-экономической сфере, смена идеологических установок, значительные (как добровольные, так и принудительные) миграции населения внутри страны и на территориях ближнего зарубежья, появление новых приоритетов в национальной политике и, конечно же, массовые депортации и массовые репрессии. Все эти события, разумеется, не обошли стороной ни один регион России.

Первые десятилетия советской власти необычайно трагичны и в то же время интересны для истории поляков Пермского Прикамья. В 1920-е гг. формируется новая система национальной политики молодого государства. Как и на территории всей Российской республики, начинают действовать Польские бюро, способствующие реализации конкретных направлений новой политики. Но вскоре, в конце 1920-х гг., в Прикамье появляются сотни поляков, высланных из западных районов Советского Союза в связи с проведением ускоренной коллективизации на селе. В 1930-е гг. к ним присоединяются жертвы массовых репрессий. С очередной волной переселенцев на камских берегах остаются поляки из восточных районов Польши, вошедших в состав СССР в 1939 г.

Но жизнь есть жизнь. Грамотные, трудолюбивые, талантливые люди учились, работали, растили детей. Переселенцы 1920–1930-х гг., как и их предшественники, вращались в условия нового окружения.

В годы Великой Отечественной войны в Прикамье развернулась работа Союза польских патриотов. А в 1946 г. Пермь прощалась с поляками, пожелавшими принять польское гражданство и вернуться на историческую родину. Именно этот период польской истории Прикамья достаточно полно представлен документами пермских и центральных архивов, позволяющими детально раскрыть события этого времени.

Поляки в Прикамье в годы революции и Гражданской войны

После 1917 г. поляки-беженцы, оказавшиеся в Пермской губернии, создали Польский комитет помощи беженцам, главными целями которого являлись помощь соотечественникам и организация возвращения беженцев на родину. Большевики, в политике которых в первые годы власти делался особый упор на работу с малыми национальностями, вели в таких организациях пропагандистскую работу и постепенно захватывали в них власть. Этот же процесс проходил среди поляков. На уровне страны в Петрограде при Совете народных комиссаров был создан Польский комиссариат и Союз беженцев, в состав которого вошли «три польские социалистические партии, рабочие клубы и левая часть военных польских организаций»¹. Этот орган, поддерживавший большевиков, вел координирующую работу с польскими беженцами по всей стране.

В апреле 1918 г. газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» сообщала, что «организация военнопленных социал-демократов распространила свое влияние почти на все города России, в том числе: Н[ижний] Новгород, Кострома, Пермь, Тамбов, Саратов, Астрахань, Омск и др. <...> ...Создаются газеты агитационного характера на следующих языках: немецкий, польский, румынский, мадьярский, чешский и др.»².

Сторонники революции из Польской социалистической партии агитировали соотечественников вступать в ряды Красной армии. 13–19 декабря 1917 г. в Петрограде состоялся Съезд левых кругов военнослужащих поляков. Собравшиеся осудили всех поляков, выступивших на стороне врагов советской власти, и призвали поддержать новое российское правительство³.

В феврале 1918 г. военнопленные Австро-Венгрии и Германии создали в Петрограде Революционный центр, который приступил к формированию интернациональных частей из бывших военнопленных⁴. В его структуре, в числе других, существовало Польское отделение. Польские по преимуществу части были сформированы в Петрограде, Туле, Воронеже, Москве, Нижнем Новгороде. О том, существовали ли отдельные польские подразделения в составе Красной армии на Урале, сведений не обнаружено⁵. Но, хотя такая информация отсутствует, есть основания предполагать, что в годы Гражданской войны в Прикамье поляки также участвовали в боях на стороне большевиков, только в составе различных интернациональных подразделений, таких как, например, 7-й Уральский стрелковый полк, сформированный из представителей разных народов⁶.

К сожалению, серьезных источников по истории поляков в Прикамье в данный период почти не сохранилось, отдельные сведения содержатся лишь в главном печатном издании того времени – «Известиях Пермского губернского исполнительного комитета». Судя по этим данным, большевики пришли к руководству Польским комитетом в январе 1918 г. На митинге 28 января, собранном членами Польской партии социалистов (ППС) – сторонниками большевиков, разбирались вопросы перевыборов членов правления Комитета и организации выезда на родину. На митинге присутствовало 200–250 человек. Председателем Комитета был избран лидер местного отделения ППС тов. Кулешинский. Выступавший с докладом о бедственном положении поляков в Прикамье гр. Грабовский предложил «довыбирать членов комитета на места выбывших, и, по возможности, от рабочих, т. к. массы недовольны настоящим комитетом и обвиняют его в злоупотреблениях»⁷. Уже эта цитата свидетельствует, что в польской общине имела место борьба представителей большевистской власти с предыдущим руководством. На митинге Кулешинский призывал признать власть Советов, а также создать в Перми

Польский комиссариат и Совет беженцев по аналогии с Петроградом. «Когда у нас будет Польский комиссариат и Совет беженцев при Губ[ернском] Исп[олнительном] Комитете, мы выясним все злоупотребления, и, если таковые будут, то виновные ответят перед судом (имеется в виду бывшее руководство комитета. – *Авт.*); не имея в руках никаких данных, мы тратим лишь попусту дорогое время», – сообщал в своем докладе Кулешинский. В результате позиция Кулешинского на митинге была поддержана большинством голосов. В Комиссариат вошли социалисты Гузик, Цыранек, Мадуй, Вонсович, Грабовский и сам Кулешинский. Автор статьи о митинге сообщал, что по ходу митинга были те, кто «желали во что бы то ни стало сорвать митинг, как раз решающий дела в их пользу»⁸. Но серьезного противостояния все-таки не получилось. В результате по итогам митинга была принята резолюция следующего содержания: «Мы, принужденные беженцы Польши, Литвы, Белоруссии и Галиции, приветствуем Третий съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от имени всех беженцев. Ввиду тяжелого экономического положения просим Съезд помочь нам вернуться на родину и просим Совет народных комиссаров о приближении срока нашего возвращения»⁹.

Как видно, основная проблема, которая волновала польских беженцев в это время, – возможность и сроки их возвращения на родину. Большевики, пообещав заняться этим вопросом, смогли завоевать их доверие и получили поддержку в период начавшейся Гражданской войны. Резолюция, предложенная на митинге, была «принята всеми голосами против двух кадетствующих студентов», – сообщается в публикации о митинге¹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что работа агитаторов среди польского населения России была одной из наименее удачных. В отчете Федерации иностранных групп РКП(б) о работе за 1918 г. содержатся сведения о деятельности немецкой, румынской, чешской, венгерской секций. Отчета о деятельности польской секции в документе нет¹¹. В декабре 1918 г. деятельность социал-демократических организаций поляков в Прикамье была приостановлена в связи с захватом Перми армией А. Колчака.

Поляки в Прикамье и Белое движение

В Гражданскую войну поляки – противники революции впервые объединились в Белгороде под началом генерала Ю. Довбор-Мусницкого, командовавшего в годы Первой мировой войны Польским корпусом в составе российской армии¹². Также поляки воевали под началом И. Галлера, бывшего командующего 2-й Карпатской бригадой, и в ряде других формирований.

Активизация польского населения, поддерживавшего Белое движение, в городах Урала и Сибири началась летом 1918 г., вскоре после выступления Чешского корпуса против большевистских властей. На территории, контролируемой чехами, началось формирование польских организаций военно-политического характера. Под их эгидой создавались вооруженные подразделения¹³. Так, в Челябинске в июле 1918 г. был создан Польский военный комитет (ПВК), чья деятельность имела целью формирование добровольческих частей поляков для армий Колчака. В августе 1918 г. учреждается командование Войска Польского Восточной России и Сибири. Им руководил бывший майор царской армии Валериан Чума. Ставка командования находилась в Уфе. На основе сформированных частей осенью 1918 г. была создана 5-я Польская дивизия.

Деятельность ПВК распространялась и на территорию Прикамья. Сведения о том, как шла работа с поляками в период пребывания у власти в Перми армии Колчака, содержит выпускавшая здесь газета «Сибирские стрелки», издание штаба 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса.

В начале года в Пермь прибыл делегат ПВК А. Гуральский. В заметке, опубликованной по этому поводу, пояснялось, что ПВК является «организатором сформированной и формируемой в Восточной России Польской армии, союзным Российскому Правительству и ее полномочным представителем по вопросам ее организации, как-то: военным, политическим, финансовым и пр.».

Цель пребывания делегата ПВК в Перми состояла «в наборе добровольцев в Польскую армию, в попечительстве о семьях добровольцев, поступивших в ряды Польской армии, равно как в защите интересов всего проживающего в округе его действий польского населения»¹⁴. Служебная деятельность делегата распространялась на город Пермь и Пермский округ. Управление Пермского окружного делегата и его штаб располагались в Перми на ул. Оханской (ныне ул. Газеты «Звезда»), 14, телефон 4-97¹⁵.

Деятельность А. Гуральского была достаточно активной. 19 марта 1919 г., например, в помещении Управления прошло заседание, посвященное именинам «генералиссимуса польских войск Иосифа Пилсудского и главнокомандующего польскими войсками на эмиграции Иосифа Галлера». На мероприятии был прочтен доклад на польском языке о биографии именинников¹⁶.

Регулярно в Перми проходили польские балы. Так, 26 февраля 1919 г. в Перми прошел польский бал для «местных польских благотворительных и просветительских учреждений». Организаторами балов выступили влиятельные представители польской общины того времени: Е. Каль-Лацинская (ул. Екатерининская, 160), А. Урбанович (ул. Пермская, 29), М. И. Арнольд (ул. Екатерининская, 42), Гедговд (ул. Сибирская, 15), Волошинова (ул. Вознесенская, 6), Ф. А. Косцова (ул. Покровская, В.-Камский банк), Подгаецкая (ул. Вознесенская, 24), Я. Околова (ул. Солдатская, 26), Н. П. Шаиявская (ул. Торговая, 77), полковник Урбанковский (ул. Екатерининская, 210), А. Гуральский (ул. Осинская, 14), комендант Рымашевский (ул. Покровская, 13), подполковник Залого и инженер В. Шальковский (ул. Екатерининская, 160). Вход на бал только по билетам, выручка от продажи шла на поддержку нуждающихся польских семей¹⁷.

Через газету «Сибирские стрелки» Управление ПВК в Перми сообщало, что поляки по национальности не подлежат призыву в российскую армию, а действующие военные при желании могут ходатайствовать о переводе в Польскую армию. Также делегат ПВК А. Гуральский требовал, чтобы все поляки, имеющие документы о национальном происхождении, засвидетельствовали их в Управлении¹⁸.

Однако и в Белую армию поляки вступали, судя по всему, неохотно, у них не было интереса воевать за власть в чужой стране. Польский исследователь Я. Нея указывал, что польские формирования находились под влиянием сначала чехов, а потом – французов. Осенью 1918 г., когда все корпуса Антанты были разбиты, многие поляки посчитали не нужным для себя оставаться в России, поскольку в это время в Польше начала складываться новая государственность.

О желании поляков перебраться на родину сообщала и газета «Сибирские стрелки». «В последнее время замечается, что беженцы-поляки, несмотря на предостережения, пробуют пробраться на родину, при том многие из них выбирают путь через фронт», – сообщалось в газете от имени представителя ПВК. Автор указывал, что движение польских беженцев на родину затруднено: на пересыльных пунктах царит давка, распространяется тиф, способов добраться также немного. Управление ПВК извещало, что выезжающим на родину полякам никакой поддержки оказываться не будет, поскольку передвижение через фронт небезопасно¹⁹. Это последнее сообщение о поляках в газете датировано 31 мая 1919 г. Через месяц, 1 июля, Пермь была занята войсками Восточного фронта Красной армии. Оставшиеся в Перми поляки вынуждены были существовать уже в условиях новой советской государственности.

24 февраля 1921 г. между Польшей и Россией был заключен договор о репатриации, по которому значительная часть бывших польских военных вернулась на родину.

Дальнейшая общественная деятельность польской общины была продолжена уже в 1920 г., когда при отделе агитации и пропаганды (агитпроп) Пермского губкома было создано Пермское отделение центрального Польбюро.

Поляки Прикамья в годы первых лет советской власти

В 1920-е гг. в России, в том числе и в Прикамье, молодая советская власть выстраивала свою национальную политику и активно сотрудничала с «национальными меньшинствами». Работу с национальностями на уровне административно-территориальных образований страны вели агитпропы при местных исполнительных губернских комитетах (губкомах)²⁰. С 1918 г. в структуре Пермского губкома, а с 1923 г. – окружкома существовали агитпропотделы, в которых действовали бюро нацменьшинств. На эти органы фактически возлагались функции работы среди национальностей²¹. Расцвет деятельности Центрального Польского бюро (Польбюро) приходится на 1920–1921 гг. В этот период кроме поляков, проживающих в России, на территории Советского государства находилось несколько десятков тысяч военнопленных советско-польской войны 1920–1921 гг., среди которых решено было вести активную агитационную работу. На начало 1921 г. в стране зарегистрировано 37 лагерей с общей численностью военнопленных 29 136 чел., что, по данным Польбюро, составляло половину всего польского населения России. К сожалению, в отчете не уточняется местонахождение лагерей.

В отчете Центрального Польбюро за 1920 г. сообщалось, что в стране имеется 58 местных польских бюро²². Большая их часть находилась в западной части страны на территории современных Белоруссии и Украины. Именно работа с польскими военнопленными была обозначена ключевым направлением деятельности Польбюро в 1921 г. Однако из-за мобилизации в связи с войной многие из активистов местных ячеек убыли на фронт, что негативно отразилось на работе секций. Осенью 1921 г., когда большинство военнопленных покинули страну, было принято решение сократить штат местных Польбюро на 50 %. По данным Центрального Польбюро, общая численность поляков во всех советских республиках в этот период была не менее 3 млн. чел. «До объявления мобилизации Польбюро насчитывало 31 отделение при губкомах и уездкомах... (в т. ч. в Перми. – *Авт.*)», – сообщалось в отчете Польбюро за второй квартал 1921 г.²³

В этот период, как свидетельствуют данные архивов, при агитпропе Пермского губкома также существовало и реально функционировало местное Польбюро. Его наиболее активная деятельность пришлась на 1920–1921 гг. По данным Центрального Польбюро, в начале 1920-х гг. в Прикамье действовали польские секции в Перми и Кунгуре, а в Перми, помимо того, функционировали один польский клуб, библиотека, две школы и детский сад с общим количеством обучающихся 70 чел.²⁴

В 1920 г. работа местных властей в отношении поляков, судя по всему, велась неудовлетворительно, поскольку агитпропотдел при исполкоме РКП(б) в 1920 г. требовал от Пермского губкомпарта «разъяснить, в чем причина препятствий, чинимых работе среди польских коммунистов и военнопленных»²⁵. Указанные ошибки в 1921 г. были исправлены. Так, в Докладе пропотдела о работе нацмен при Пермском губернском отделении РКП(б) за май – июнь 1921 г. сообщалось, что в Польбюро «ведется распределение литературы по пароходным и железнодорожным пунктам, проведено три беседы для военнопленных поляков. Организован учком среди детей коммуны, проведено две беседы»²⁶. «В праздновании Первого мая все секции принимали участие в манифестации со своими флагами на родном языке, кроме того, в Загородном саду была устроена библиотека-читальня, где были выставлены книжки на всех языках секций, которые существуют при губкоме РКП(б)»²⁷. Также сообщалось, что за 1921 г. Польбюро провело два общих и три партийных собрания, три заседания бюро и два митинга. Собрания коммунистов-поляков проводились еженедельно в 17 часов²⁸. Отчет 1921 г. характеризует и другую деятельность пермского Польбюро: «В настоящее время ведется сильная агитация

среди военнопленных, но только не хватает сил для агитации. Намечена в ближайшее время постановка спектакля-митинга для военнопленных, едуших домой. О работе среди военнопленных инструкция пока с ЦК РКП не получена. Тормоз работы со стороны администрации ГубЭвака, которые обращаются с военнопленными очень дерзко, не снабжают их обувью и одеждой. Культурно-просветительская работа ведется слабо ввиду того, что нет помещения для клуба. Польбюро взяло на свое руководство библиотеку у ксендза посредством Губчека. Имеет связь с ячейками на заводах, литература получается в достаточном количестве»²⁹. Центральное Польбюро за 1921 г. выслало Пермской секции 43 экземпляра литературы на польском языке³⁰. Пермское бюро, как свидетельствуют документы, в начале 1921 г. отправило в Москву своего представителя тов. Рута, «как знакомого с положением работы среди населения до организации бюро и после организации такового»³¹. Кроме Рута, в протоколах Польбюро упоминаются секретарь Бобинская и председатель Ютшенко. В 1923 г. работа бюро нацмен по всей стране практически была прекращена. В 1924 г. они были ликвидированы в связи с передачей вопросов внутренней национальной политики от Народного комиссариата по делам национальностей (сам комиссариат был расформирован) Отделу национальностей при Президиуме ВЦИК. Однако отдел уже не имел необходимых ресурсов для ведения скоординированной национальной политики в рамках всей страны.

Расселение и численность поляков в Прикамье в 1920-е гг.

Достаточно полные сведения о поляках Прикамья 1920-х гг. отражены в материалах переписей населения. В то десятилетие на территории Прикамья было проведено несколько переписей, причем самые значительные среди них – Всесоюзная перепись населения 1920 г. и Всесоюзная перепись населения 1926 г., данные которых позволяют не только определить численность поляков в рассматриваемом регионе на этот период, но проследить динамику их численности и особенности этнических процессов.

Послереволюционные годы в России характеризовались неоднократными преобразованиями административно-территориального устройства. В 1918 г. Пермская губерния была разделена на Пермский и Екатеринбургский округа, хотя сохранялось деление на уезды. С 1923 по 1930 гг. территория Среднего Урала была разделена на 16 округов в рамках вновь образованной Уральской области. Территория Пермского Прикамья вошла в состав Верхне-Камского, Коми-Пермяцкого, Кунгурского, Пермского и частично Сарапульского округов Уральской области³².

По переписи 1920 г., в Прикамье проживало 1777 поляков. По уездам ситуация сложилась следующим образом: в Чердынском уезде – 7 чел., Усольском – 68, Пермском – 1096, Оханском – 91, Кунгурском – 175, Осинском – 122, в Сарапульском уезде – 218 чел. (см. табл. 2.1). Поляки, по данным переписи, преимущественно относились к городскому населению. В городах и поселках городского типа проживало 1586 (89 %) поляков. По сравнению с другими уездами, больше всего поляков проживало в Пермском уезде – 1096 чел. (62 %). Данные о половозрастной структуре и о владении языками населения в переписи не отражены.

Таблица № 2.1

Численность и соотношение польского населения в Прикамье по данным Всесоюзной переписи 1920 г.³³

Уезды	Всего	Русские	Поляки	В т.ч. в городах	В т.ч. в местностях городского типа	В т.ч. в сельской местности
Чердынский	132 029	91 618	7	7	—	—
Усольский	255 240	178 204	68	13	46	9
Пермский	362 600	342 086	1 096	936	150	10
Оханский	263 016	259 589	91	5	33	53
Кунгурский	202 320	193 953	175	152	3	20
Осинский	331 867	261 453	122	23	17	82
Сарапульский	217 260	210 132	218	144	57	17
Итого	1 764 332	1 534 034	1 777	1 280	306	191

Более полную информацию представляют материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.³⁴ Перепись этого года отличается от других качеством собранной информации: участникам задавались вопросы о месте проживания, родном языке, уровне грамотности и другие. В переписи также отражены сведения о гражданах иностранных государств. Перепись отметила на территории Прикамья (в пределах современного Пермского края) в Сарапульском³⁵, Кунгурском, Пермском, Верхне-Камском и Коми-Пермяцком округах 955 поляков (507 муж-

чин и 448 женщин). Отметим, что при этом всего в РСФСР проживало 197 827 поляков, а в Уральской области – 6865.

Таким образом, общая численность поляков в Прикамье невелика – менее 1 % от общей численности поляков в стране и 12 % от общей численности в Уральской области. По количеству представителей своей национальности это был четвертый славянский народ региона, следовавший в списках после русских, украинцев и белорусов (см. таблицы).

По характеру расселения в 1926 г. поляки оставались преимущественно городским населением. Всего в городах проживало 753 чел. (79 %), в то время как в сельской местности – 202 (21 %), из них 98 мужчин и 104 женщины. Причем если в сельской местности количество мужчин и женщин было примерно равно – 98 (49 %) мужчины 104 (51 %) женщины, то в городах мужчин проживало незначительно больше – 409 (54 %) против 344 (46 %) женщин.

Самым крупным по численности отмеченных здесь поляков из пяти прикамских округов был Пермский. Здесь проживало 65 % всех поляков (616 чел., из них 332 мужчины и 284 женщины), причем 375 чел. – в г. Перми (202 мужчины и 173 женщины). Вторым по количеству польского населения был Кунгурский округ, в нем проживало 14 % поляков (137 чел., из них 67 мужчин и 70 женщин). Далее следовали Сарапульский округ – 12 % (117 чел., из них 55 мужчин и 62 женщины), Верхне-Камский округ – 8 % (79 чел., из них 51 мужчина и 28 женщин) и Коми-Пермяцкий округ – 1 % (6 чел., из них 2 мужчин и 4 женщины).

Материалы переписи дают представление об этноязыковых процессах поляков Прикамья. Польский язык в качестве родного указали 63 % поляков (596 чел., из них 306 мужчин и 290 женщин), а русский – 36 % (346 чел., из них 196 мужчин и 150 женщин), т. е. более чем треть поляков к 1926 г. считала родным русский язык. Остальные 13 чел. (1 %) в качестве родного языка выбрали вариант «прочее». Необходимо отметить, что эта пропорция соблюдается как у городского, так и у сельского населения. В городах польский язык в качестве родного отметили 64 % поляков (481 чел., из них 244 мужчины и 237 женщин), русский – 36 % (266 чел., из них 161 мужчина и 105 женщин). В сельской местности назвали польский язык родным 59 % (115 чел., из них 62 мужчины и 53 женщины), а русский язык – 41 % (80 чел., из них 35 мужчин и 45 женщин). Что касается грамотности (умения писать), то таковыми себя отметили 743 поляка (417 мужчин и 326 женщин), причем грамотными на языке своего народа, по материалам переписи, назвали себя 41 % всех опрошенных (301 чел., из них 172 мужчины и 129 женщин). Таким образом, из указавших польский язык в качестве родного более половины (51 %) были неграмотны (301 из 596 чел.). В разрезе на сельское и городское население прослеживается такая же ситуация. В городах грамотными себя отметили 605 поляков (344 мужчины и 261 женщина), из них на родном языке – 34 % (237 чел., из них 140 мужчин и 97 женщин). Грамотных в сельской местности было 138 (73 мужчины и 65 женщин), в том числе родным языком владело 46 % (64 человека, из них 32 мужчины и 32 женщины). Как видно, в сельской местности знавших польскую грамоту было значительно больше (46 % против 31 % в городе). Данный факт косвенно свидетельствует, что ассимиляционные процессы в сельской местности шли медленней, чем в городе. Следует также отметить, что общее количество грамотных превышало количество указавших на русский язык в качестве родного; таким образом, нет оснований говорить, что все грамотные поляки, не умеющие писать на родном языке, обязательно писали на русском.

Таблица № 2.2

**Родной язык и грамотность поляков в Прикамье
по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.**

Округ	Всего населения			Родной язык			Владеют грамотой	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (в т. ч. жен.)	Русский (в т. ч. жен.)	Проч. (в т. ч. жен.)	Всего (в т. ч. жен.)	В том числе на языке своего народа (в т. ч. жен.)
Верхне-Камский	51	28	79	60 (24)	17 (4)	2 (0)	68 (22)	48 (15)
Кунгурский	67	70	137	92 (45)	45 (25)	–	104 (53)	50 (27)
Пермский	332	284	616	380 (184)	228 (95)	8 (5)	476 (203)	163 (69)
Сарапульский	55	62	117	60 (34)	55 (26)	2 (2)	90 (45)	37 (16)
Коми-Пермяцкий	2	4	6	4 (3)	1 (0)	1 (1)	5 (3)	3 (2)
Всего	507	448	955	596 (290)	346 (150)	13 (8)	743 (326)	301 (129)

Таблица № 2.3

Сведения о поляках Прикамья, относящихся к городскому населению, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.³⁶

Округ	Всего населения			Родной язык			Владеют грамотой	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (в т. ч. жен.)	Русский (в т. ч. жен.)	Проч. (в т. ч. жен.)	Всего (в т. ч. жен.)	В том числе на языке своего народа (в т. ч. жен.)
Верхне-Камский	44	26	70	56 (23)	12 (3)	2 (0)	59 (20)	44 (14)
Кунгурский	45	47	92	62 (34)	30 (13)	–	71 (36)	32 (19)
Пермский	288	237	525	332 (161)	189 (74)	4 (2)	419 (177)	140 (55)
Сарапульский	32	34	66	31 (19)	35 (15)	–	56 (28)	21 (9)
Всего	409	344	753	481 (237)	266 (105)	6 (2)	605 (261)	237 (97)

Таблица № 2.4

Сведения о поляках в Прикамье, относящихся к сельскому населению, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Округ	Всего населения			Родной язык			Владеют грамотой	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (в т. ч. жен.)	Русский (в т. ч. жен.)	Проч. (в т. ч. жен.)	Всего (в т. ч. жен.)	В том числе на языке своего народа (в т. ч. жен.)
Верхне-Камский	7	2	9	4 (1)	5 (1)	—	9 (2)	4 (1)
Кунгурский	22	23	45	30 (11)	15 (12)	—	33 (17)	18 (8)
Пермский	44	47	91	48 (23)	39 (21)	4 (3)	57 (26)	23 (14)
Сарапульский	23	28	51	29 (15)	20 (11)	2 (2)	34 (17)	16 (7)
Коми-Пермяцкий	2	4	6	4 (3)	1 (0)	1 (1)	5 (3)	3 (2)
Всего	98	104	202	115 (53)	80 (45)	7 (6)	138 (65)	64 (32)

Кроме этого, в переписи отражены сведения об иностранных гражданах, находящихся на территории СССР (они не входили в общее число народностей СССР). Как свидетельствуют источники, граждане Польши проживали и на территории Прикамья. Всего их было записано 29 чел. (19 мужчин и 10 женщин). Некоторые из них попали в Россию как военнопленные. Большая часть из них находилась на территории Пермского уезда – 70 % (20 чел., из них 15 мужчин и 5 женщин), в остальных трех – по 10 % (в Сарапульском округе – 3 женщины, в Кунгурском и Сарапульском – по 2 мужчин и 1 женщине)³⁷.

В целом данные переписей свидетельствуют, что поляки в Прикамье в 1920-е гг. концентрировались преимущественно в городах. Больших диспропорций в количестве мужчин и женщин не было (соответственно, большинство жили семьями) ни в сельской местности, ни в городах. Заметны черты ассимиляционных процессов, т. к. примерно треть из называвших себя поляками указали на русский язык в качестве родного. В структуре полиэтнического населения Прикамья поляки занимали незначительное место – около 0,1 % от состава всего населения.

Материалы переписи 1926 г. и Списки населенных пунктов Уральской области³⁸ позволяют показать и особенности расселения поляков в сельской местности Сарапульского, Пермского и Кунгурского округов³⁹.

Таблица № 2.5

Расселение поляков в сельской местности Кунгурского, Сарапульского и Пермского округов Уральской области

Район, населенный пункт	Число хозяйств (ел.)	Численность населения (чел.)	Среди них поляков (чел.)	Основное население (русские, чел.)
<i>Сарапульский округ</i>				
Куединский район				
д. Кудеда	170	742	5	737
Чернушинский район				
д. Атряшка	133	573	5	568
Михайлов хутор	9	37	5	32
д. Агарзя ж/д	12	41	2	39
<i>Кунгурский округ</i>				
Алмазовский район				
Полуказарма 565-й км	3	13	4	6
Березовский район				
д. Елесья (Варшавка)	4	19	5	14
Кишертский район				
д. Дремино	36	196	3	193

Кунгурский район				
д. Балалы	53	262	3	259
д. Поганова (Усть-Мечка 2-я)	33	137	1	136
пос. Падерята	12	52	4	48
Разъезд ж/д 55-й км	15	33	1	32
<i>Пермский округ</i>				
Сивинский район				
д. Мошкова (Замаланья)	19	120	7	113 (белорусы)
хут. Корсак Брониславы	1	5	5	
хут. Мицкувич Фома	1	5	5	
Верецагинский район				
з-д Зюкайка	123	429	6	418
Добрянский район				
с. Усть-Гаревское	84	257	1	256
Калининский район				
д. Между реки	98	349	7	342
Ленинский район				
д. Еловики	14	60	2	62

Как видно из таблицы, за исключением двух польских хуторов в Сивинском районе, поляки ни в одном из поселений не составляли большинства населения и везде проживали совместно с другими народами, в большей части – с русскими, в д. Мошкова Сивинского района – с белорусами. Показанные материалы наглядно иллюстрируют дисперсный характер расселения поляков в сельской местности.

Численность поляков в Пермском Прикамье в дальнейшем вплоть до 1989 г. определить довольно сложно. В материалах переписей 1939, 1959, 1970 и 1979 гг. приведены сведения о наиболее крупных национальностях, среди которых поляки обозначены не были.

Скорее всего, в Прикамье проходили те же процессы, что и в целом по стране – общая численность польской диаспоры сокращалась за счет естественной ассимиляции. Так, в 1939 г. в СССР было зарегистрировано 142 458 поляков по происхождению, в 1959 г. – 118 422, в 1979-м – 99 733, в 1989 г. – 94 594 чел. При этом 30,5% поляков по происхождению по данным переписи 1989 г. указали на русский язык в качестве родного⁴⁰.

Поляки в спецсылке в Прикамье в 1929–1936 гг.

В электронной базе данных «Репрессированные жители Пермского края», составленной сотрудниками ПермГАНИ, содержатся сведения на 37 тыс. чел., репрессированных по политическим мотивам в годы советской власти. Электронная база данных охватывает период с 1918 по 1989 г. Из 37 тысяч репрессированных 1323 человека по национальности – поляки.

Таблица № 2.6

Динамика арестов поляков в Пермской области

Годы	Количество арестованных человек	Приговор		
		ВМН	Заклучение	Дело прекращено
1919–1930	8	1	3	4
1931–1936	40		25	12
1937	390	258	59	69
1938	678	62	103	493
1939–1940	24	3	16	5
1941–1945	170	5 ⁴¹	106	59
1946–1952	9 ⁴²		5	2

Анализируя эту динамику, можно увидеть несколько пиков: 1937–1938 гг. – массовые репрессии, 1941–1945 гг. – Великая Отечественная война. Эти пики говорят не только об ужесточении репрессий, но и о миграционных волнах (потоках) поляков. Увеличение числа репрессированных во второй половине 1930-х гг. свидетельствует и об увеличении численности польского населения в Пермском крае. Это, в первую очередь, раскулаченные и сосланные в наш край в начале 1930-х гг. поляки из Белоруссии и Украины. Увеличение числа репрессированных поляков в годы войны также свидетельствует о возможности появления новых жителей края. Это сотни семей бывших военных польской армии, получивших землю (*осаду*) на границе с СССР, и поляки, эвакуированные из прифронтовой полосы.

Первые аресты, зафиксированные в Прикамье в период с 1919 до начала 1930-х гг., – это аресты бывших солдат и офицеров Белой армии. Так, 10 июля 1919 г. Пермской ВЧК был арестован Иван (Ян) Войцехович Муравский, 22 лет, рядовой (по другим сведениям – взводный командир и разведчик) Белой армии. Дело содержит всего несколько страниц, из которых можно узнать, что Я. Муравский был мобилизован в Сибири в армию Колчака, где служил шофером. За героическую доставку снарядов на передовую под огнем Красной армии был представлен к награде Георгиевским крестом. Под г. Кунгуром сдался Красной армии. ВЧК был приговорен к расстрелу⁴³.

Массовая коллективизация, начавшаяся в 1930 г.⁴⁴, сопровождалась раскулачиванием и ссылкой «кулаков». В приграничных территориях УССР и БССР локальные депортации начались в 1929 г. Раскулачиванию и ссылке подвергались все зажиточные крестьяне, в т. ч. поляки по национальности. Спецсводка ОГПУ о состоянии кулацкой ссылки в Уральской области (в то время территория нынешнего Пермского края входила в состав Уральской области) в августе 1931 г. сообщала о том, что в области находится 120 тыс. семей спецпереселенцев, или 600 тыс. чел.⁴⁵ Сколько из них было польских семей, выяснить невозможно. Но, обращаясь к базе данных на репрессированных жителей Пермского края, можно узнать, что из 1323 арестованных поляков в советское время 739 человек были раскулачены и/или высланы. Раску-

лачивание и высылка происходили точно так же, как и у русских, украинцев, татар и других народов Советского Союза.

Семья Григория Ивановича Весельского была выселена в 1930 г. из деревни, находящейся недалеко от г. Новгород-Волынского Житомирской области. Из жителей села половина были поляки, половина – украинцы. Католическая семья Весельских ходила в костел в Новгород-Волынский. Григорий Иванович вспоминал: «Имущество сразу конфисковали. Подъехали подводы, погрузили... Проехали 12 километров до станции, зарегистрировали всех (там стол стоял) – вот ваше место в вагоне. В вагоне были сделаны нары двухъярусные. Сразу сказали: “Едете на Урал”»⁴⁶. Семья Владимира Игнатьевича Шацилло (отец Игнат Иосифович – белорус, мать Юлия Станиславовна – полька) была выселена в 1929 г. из Белоруссии, из деревни под г. Жлобин. У семьи было крепкое хозяйство, даже свой цех по переработке сельхозпродукции. В дороге на Урал в товарном вагоне умерли дедушка и бабушка. Из воспоминаний Владимира Игнатьевича: «Что такое переселенцы? Нас там считали «спецсилой», так местные и называли, это я помню. Во-первых, мы не имели паспортов, не могли никуда уехать. Там была комендатура, и все социальные вопросы решались через комендатуру, через коменданта. Я был ребенком, я в этом ничего не понимал, но знал: есть комендант, есть староста. Жили так: отдельный поселок, в поселке еще поселок, домики специально были сделаны, двухквартирные домики. ...Работали в лесу, двенадцатичасовой рабочий день. И почти никогда отец не находился дома, в Теплой Горе, а все время на каких-то лесоучастках. Потом приезжал только на субботу или воскресенье. А так они работали все, как батраки. Я очень слабо помню своего отца»⁴⁷.

Автобиографии, хранящиеся в архивно-следственных делах, очень кратки. Афанасенко Афанасий Ефремович, по анкетным данным – поляк, родился в д. Нешково (в 1930-е гг. – Горецкого района Белорусской ССР). Он так описал свою жизнь следователю НКВД (запись 1938 г.): «До 1916 г. занимался сельским хозяйством на родине. С 1916 по 1918 г. служил в царской армии рядовым в 168-й отдельной инженерной роте. В 1918 г. демобилизован по возрасту лет. С этого времени снова занимался сельским хозяйством, имел 2 лошади, 2 коровы, 5–6 штук овец, 2–3 свиньи, 16 десятин земли. В 1931 г. раскулачен и выслан на трудпоселок Сосновка Косинского района Коми-Пермяцкого округа, где жил до 1934 г. В 1934 г. нас перевели на строительство Камбумкомбината в г. Краснокамск, где работал до момента ареста»⁴⁸.

Голуб Иван Юльянович (из протокола допроса):

«– Я родился в хуторе Углы Заславского района БССР, где проживал и работал в сельском хозяйстве до 1930 г. В 1930 г. был выселен на Урал, в Гайнский район, поселок Чуртан.

– Ваша национальность и гражданство?

– По национальности я поляк, гражданин СССР.

– Что Вы можете сказать в подтверждение Вашей национальности?

– В подтверждение своей национальности могу сказать, что мой отец и мать по национальности поляки. Я и мои родители справляли религиозные обряды в костелах»⁴⁹.

На основании базы данных «Репрессированные жители Пермского края» можно составить примерный, пусть не полный, список спецпоселков в Пермской области, в которых жили раскулаченные поляки:

- 1) г. Краснокамск
- 2) пос. Добрянка
- 3) пос. Верхняя Челва, Добрянский р-н
- 4) д. Поповка, Верещагинский р-н
- 5) г. Чусовой
- 6) пос. Лямино, Чусовской р-н
- 7) пос. Теплая Гора, Чусовской р-н
- 8) пос. Пашия, Чусовской р-н

- 9) пос. Шайтан, Чусовской р-н
- 10) пос. Мыс, Чусовской р-н
- 11) пос. Углежжение, Чусовской р-н
- 12) пос. Первомайка, Кизеловский р-н
- 13) пос. Верхняя Губаха, Кизеловский р-н
- 14) пос. Половинка, Кизеловский р-н
- 15) пос. Ивака, Кизеловский р-н
- 16) пос. Шахты № 2, Кизеловский р-н
- 17) пос. шахты «Рудничная», Кизеловский р-н
- 18) пос. шахты им. Калинина, Кизеловский р-н
- 19) пос. Ленва, Ворошиловский р-н
- 20) пос. Сурмог, Ворошиловский р-н
- 21) пос. Усть-Долгая, Ворошиловский р-н
- 22) пос. Дедюхино, Ворошиловский р-н
- 23) г. Березники
- 24) с. Верх-Яйва, Березниковский р-н
- 25) пос. Красновишерск, Чердынский р-н
- 26) пос. Мель, Чердынский р-н
- 27) д. Слобода, Чердынский р-н
- 28) пос. Булатово, Чердынский р-н
- 29) пос. Котомыш, Чердынский р-н
- 30) пос. Данилов Луг, Чердынский р-н
- 31) пос. Мясная, Чердынский р-н
- 32) пос. Лесоруб, Чердынский р-н
- 33) пос. Лобырь, Чердынский р-н
- 34) пос. Березовка, Чердынский р-н
- 35) пос. Шанежный, Ныробский р-н
- 36) с. Коса
- 37) пос. Лочь-Сай, Косинский р-н
- 38) пос. Усть-Коколь, Косинский р-н
- 39) пос. Бадь-Пашня, Косинский р-н
- 40) пос. Солом, Косинский р-н
- 41) пос. Сергеевский, Косинский р-н
- 42) пос. Буждым, Косинский р-н
- 43) пос. Кордон, Косинский р-н
- 44) пос. Сосновка, Косинский р-н
- 45) пос. Одань, Косинский р-н
- 46) пос. Чуртан, Гайнский р-н
- 47) пос. Пономаревка, Гайнский р-н
- 48) пос. Пугвин Мыс, Гайнский р-н
- 49) пос. Шордын, Гайнский р-н
- 50) пос. Усть-Онолва, Кочевский р-н
- 51) пос. Станомыс, Кочевский р-н
- 52) пос. Янчер, Кочевский р-н
- 53) пос. Кудымкар.

Уральская область к приему семей высланных «кулаков» специальной подготовки не вела: «...никаких временных помещений (бараков) для размещения выселенных кулаков не устраивала, а по выгрузке с эшелона их сразу же отправляли дальше – по близости мест постоянного расселения»⁵⁰. Многие спецпоселенцы в своих воспоминаниях отмечали, что их выгру-

жали прямо под елки, среди леса. Сохранились воспоминания белорусских, русских и украинских спецссыльных, которые жили в тех же поселках, что и спецссыльные поляки.

Анна Константиновна Щелгачева родилась в Белоруссии, в д. Хомичи Калинковичского района, в 1930 г. была выселена вместе с родителями на Урал в пос. Шанежный Ныробского района. Анна Константиновна так описала прибытие ссыльных в поселок: «...нас [высадили] под открытое небо, под елку; потом уже начали строиться. Дед и бабка умерли, отец у меня умер с голоду в лесу, его привезли уже мертвого с работы, мы с мамой остались вдвоем... Нам тоже несладко было, потому что все нас игнорировали, местное население считало нас кулаками, переселенцами-пакостниками звали. Голод, холод, устроиться на работу некуда, никто нас не принимает, квартиры нет. Потом нашлась одна добрая женщина, она сейчас уже умерла, эта бабушка, она тоже была выслана – с Вижаихи... Она нас приютила у себя на квартире. ... Рядом с Шанежной поселок был, Гаревка. Там 200 семей вымерло»⁵¹.

Антипина Антонина Ивановна в 1930 г. с семьей была выселена по 3-й категории из д. Ваньково Красновишерского района:

«– Куда увезли?

– В Шанежную.

– Это село?

– Поселок. Его сами сделали наши родители. В тайгу их завезли, лес валили, прямо тут и бараки делали. Ничего прежде не было, одна тайга была.

– А почему Шанежная назвали?

– Речка Шанежная здесь течет. Внизу речка, на горе поселок... Сначала построили комендантскую, комендант там жил, потом вокруг разостраивались. Лес валят и разостраиваются все шире.

– А местное население как относилось к тому, что вы раскулачены, высланы?

– Сначала по-зверски относились, а потом познакомились, привыкли. Папа стал в деревню ходить, все его знали. Охотники, что едут охотиться на Печору зимой, все заедут, у нас переночуют, возвращаются обратно с пушниной – тоже у нас переночуют. Потом мягче относиться к нам стали.

– А зверски – это как?

– Сначала никуда не зайдешь, хлеба куска не попросишь. Пинками прогоняли. Считали, мы поганые люди, мол, под замки лазили, вот нас и выслали. Боялись нас сначала»⁵².

Вероятно, перед приездом спецссыльных среди местного населения была проведена агитационная кампания, в ходе которой прививалось отрицательное отношение к высланным людям. Но, как видно из воспоминаний, через некоторое время крестьяне понимали, что перед ними не воры, а трудолюбивые люди. В мае 1930 г. сотрудники ОГПУ отмечали дружественные отношения к спецссыльным: «Несколько случаев брака между молодежью ссылки и коренного населения, вообще более дружественные отношения молодежи обеих групп создают угрозу идейного обволакивания и разложения со стороны более культурной ссылки. Эта угроза коми-пермяцкой молодежи и вообще населению со стороны прибывших кулаков до сего времени не имела себе противопоставления в лице углубленной массовой работы местных советских организаций и ячеек»⁵³.

У Елизаветы Алексеевны Козыревой отец работал комендантом в спецпоселке Шанежная в Ныробском районе: «Когда я была маленькая, везли переселенцев, я это очень хорошо помню. Их и везли, они и пешком шли, раздетые, плохо одетые, с ними дети. А потом дети умирали у них... Когда их привозили, ничего не было, лес один был, и они начинали строить землянки, жили, помирали. Некоторые жители, из тех, что поблизости, конечно, им давали питание, но знаете, здесь очень жили бедно, одна картошка была: какое [пропитание] было, тем и делились. Какие у переселенцев были вещи, те местным отдавали. Отец однажды пришел

и сказал маме моей: ничего у этих людей не брать. “Если что есть у тебя, Наташа, – говорит он маме моей, – то так дай им поесть”. Потом они начинали строить бараки, в бараках жили. Что еще я запомнила: я, маленькая, ходила к ним в бараки, плясала, и они находили кусочек сахара мне дать. Еще они мне играли: “Чай и сахар, белый хлеб, чай и сахар, белый хлеб”. Я навсегда это запомнила. Больше не было музыки никакой, а они мне пели»⁵⁴.

Нина Иосифовна Михневич с семьей была выселена с белорусского хутора Жодино на Урал: «До Минска мы ехали на лошадях, а оттуда на поезде до Перми... от Перми до Чердыни пароходы ходили. Нас погрузили и привезли туда, а дальше уже на лошади. Нас из Чердыни увезли на поселок Лобырь, только поселка еще не было, лес был. Вот в лес привезли и свалили под елку. Мать заплакала: “Что же мне тут с детьми, погибать?” Начала упрашивать. И вроде нас опять на подводу посадили и по деревням возили... Купчик, Цидва... Возили-возили по дворам, никто нас не брал. Потом мать хозяйке начала подушки давать: “Вот я вам это дам, это дам” – и хозяйка нас взяла. Это в Цидве. Четверо детей, надо ведь им место найти. Одна хозяйка сжалась, взяла нас, тут мы и жили зиму. ...Начали приезжие лес корчевать, пилить, разрабатывать, стали строить бараки. Вот первый барак они выстроили, дядька Антон с моим отцом были строители хорошие... они выстроили барак и нас отсюда забрали. Еще там стали строить, все больше, больше, и еще людей привозили. Домики там построили, целый поселок – комендатуру, клуб, школу. И пошел поселок, расстроился, такой поселок там разрабатывали, лес раскорчевали. Лошадей завели, сеяли, пахали на лошадях. Расстроили поселок»⁵⁵.

Иван Матвеевич Будний был выслан с семьей с Кубани: «Везли, как говорят, в телячьих вагонах, все окна запечатаны, забиты, из еды ничего не давали, кормились только тем, что с собою было. По дороге умирали – дети, старики умирали. Приехали в Соликамск. Это было в конце февраля – начале марта. Морозы большущие стояли. Тут и выгрузили. Подъезжали на лошадях местные жители, видимо, они были заранее организованы, и на лошадях везли кого до Чердыни, кого куда-то еще. Нас в Покчу привезли. Мужчины шли большую часть пути пешком, а дети, бабушки, женщины на санях ехали. Привезли в Покчу, сгрузили здесь, почти что выбросили. Расселили по деревенским избам по 2–3 семьи, кто сколько смог принять. Здесь мы жили до весны. А весной отправили дальше. Отца со всей семьей перебросили в Бондюг. ...Потом решили организовать этот Лобырь. Туда и свезли. Лес громадный, большущий. Привозили людей и бросали под елки. Кто-то землянки рыл, дело было в середине лета. Это на берегу речушки Лобырь – она так и называлась. Организовывались там землянки, начали строить бараки. Мужчины были все заняты на лесозаготовках. Кормили, конечно, не ахти: 400 граммов хлеба, да и то, если выполнишь норму, – и все. Детям ничего не давали, только тем, кто работал.

– А как же тогда дети должны были жить?

– А так и жили, так и умирали. Умирали каждый день, по многу умирало. Сейчас никто не поверит, но готовили гробы каждый день. Лесопилка там была, и каждый день делали гробы, по 12–15 штук, с запасом на следующий день»⁵⁶.

Летом 1931 г. на заседании бюро Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) констатировалось, что многие спецпоселенцы до сих пор не имеют жилья: «...в Гайнском районе построено 119 домов из [необходимых] 1070, в Косинском – 40 из 824 и Кочевском – 27 из 594»⁵⁷. Такие условия жизни и труда, естественно, вызывали протест среди ссыльного населения. Самым распространенным выражением протеста были побег с места ссылки, которые приобретали массовый характер. Частыми были коллективные выступления и требования к администрации. Так, 23 июня 1931 г. в Чердынском районе 188 семей окружили здание сельсовета и требовали от уполномоченного ОГПУ отправить их на родину и вернуть все имущество. Конный отряд милиции разогнал собравшуюся толпу⁵⁸. Летом 1931 г. в Коми-Пермяцком округе было арестовано 79 спецпереселенцев, которые, по сведениям ОГПУ, готовили восстание. Из

числа арестованных 13 были поляками, проживающими в спецпоселках Бать-Пашня и Лочь-Сай Косинского района. Восстание готовилось под лозунгами: «Прекращение коллективизации сельского хозяйства; хозяйство каждого мужика переходит в полное его распоряжение; упраздняются хлебозаготовки, мясозаготовки; открывается вольная торговля; освобождение из спецссылки и возвращение на родину; восстановление всех прав для спецссылных».

Восстание планировалось на 23 сентября 1931 г. В 1933 г. поляки-спецпереселенцы И. И. Зеленко, П. Я. Островко, Б. И. Погонько, М. Ф. Портасенок, Н. И. Стряпко были приговорены коллегией ОГПУ к 5 годам лишения свободы. Ю. А. Виштель, Ю. А. Неверко, А. Т. Шестаков, не дождавшись приговора, умерли в тюрьме⁵⁹.

Однако в этот период многие поляки приезжали на Урал по собственной воле. Так, Иван (Ян) Станиславович Бархаров, родившийся в местечке Мшченев Блонского уезда Варшавской губернии, во время Первой мировой войны был мобилизован в царскую армию. В 1917 г. уволен из армии по болезни и остался на станции Орша Смоленской губернии работать грузчиком: «...таким образом, я на Родину больше не возвращался и остался на территории СССР». В 1926 г. Иван Станиславович приехал в г. Чусовой по вербовке в лесную промышленность, где обещали большие заработки⁶⁰. Ян Иосифович Ясинский родился в 1891 г. в Варшаве, поступив на службу в российскую армию, был отправлен в воинскую часть г. Владивосток. Во Владивостоке Ян Иосифович служил до 1918 г.: «Должен сказать, что в 1917 г., месяца через 3–4 после Февральской революции, в г. Владивостоке было организовано Польское консульство, где регистрировались все поляки, желающие перейти в польское гражданство. В числе других зарегистрировался и я и получил документ о том, что являюсь польским подданным. После демобилизации в феврале 1918 г. я остался работать при штабе Владивостокской крепости по вольному найму и работал там до июля 1918-го, т. е. до занятия города чехами. Имея возможность выехать в Польшу, как оформивший свое польподданство, я этой возможности не использовал, потому что: 1) я уже привык к работе в России.; 2) живя в Варшаве, до военной службы я бедствовал и боялся, что мне придется также вновь бедствовать; и 3) здесь я сошелся с одной женщиной, по национальности она полька». Документ о польском подданстве помог Яну Иосифовичу избежать мобилизации в Белую армию. В 1923 г. Ясинский решил поехать на Урал: «...я узнал, что на Урале легче получить работу. ...Из г. Читы я доехал до г. Перми и здесь, испытывая затруднения в материальных средствах, я вынужден был остановиться, чтобы получить работу. В течение двух дней я прожил на станции Пермь II, затем встретился с вербовщиком рабочей силы из Чусовского лесничества и записался в число завербованных им рабочих и уехал в Чусовую». В 1931 г. Ян Иосифович уже работал в Перми на Мотовилихинском пушечном заводе⁶¹.

Таблица № 2.7

Список лиц, уволенных с завода № 19 им. Сталина по сокращению штата

Ф.И.О.	Год и место рождения	Место работы и должность	Причины увольнения
Кошелева Н. Н.	1911, г. Пермь	Браковщица ГИК	Дочь поляка
Стетневич В. С.	1917, г. Молотово	Счетовод	Муж поляк
Можейко С. Ф.	1914, г. Ленинград	Мастер	Сын поляка
Павлюкевич Г. И.	1911, г. Двинск	Токарь	Поляк
Слабоспицкая В. Д.	1911, г. Одесса	Диспетчер	Дочь поляка
Собин И. И.	1889, г. Курск	Мастер	Жена полька, у которой все родственники проживают в Польше, и сам жил на границе с Польшей
Можейко А. Ф.	1917, г. Ленинград	Приемщик	Сын поляка

Войшилло	1904, г. Свердловск	Ст. лаборант	Полька
Тузовская М. П.	1914, г. Барнаул	Диспетчер по труду	Полька
Недзеньский И. Т.	1902, село Попружно, УССР	Слесарь	Поляк
Денисова П. И. (по отцу Лимоновская)	1906, д. Козловцы, Виленской губ., Польша	Фрезеровщица	Полька
Котовских Н. А.	1916, г. Пермь	Планировщик	Дед поляк
Контимович О. И.	1919, г. Двинск	Фрезеровщик	Поляк
Медуницкий Т. Т.	1912, Ковенская губ., Польша	Токарь	Поляк
Павлюкевич Ф. Л.	1892, г. Двинск	Слесарь	Полька
Вержбицкий В. Н.	1911, г. Пермь	Слесарь	Поляк
Безолуцкий П. А.	1912, г. Пермь	Монтажник	Сын поляка
Бразулквич З. К.	1921, г. Оханск	Учащаяся ФЗУ	Дочь поляка
Будкевич М. И.	1905, г. Каменец-Подольский	Уборщица	Дочь поляка

В 1934 г. при всех промышленных предприятиях была создана новая управленческая структура – Отдел найма и увольнения (ОНУ), в задачи которого, в том числе, входила проверка работающих на социальную лояльность. Сотрудники ОНУ направляли запросы в НКВД на тех сотрудников и рабочих, которые казались им «социально опасными». В Перми в 1936 г. даже разгорелся серьезный конфликт между директором оборонного авиамоторного завода им. Сталина И. И. Побережским и руководителем ОНУ завода К. А. Морзо (Морозовым). Морзо, придя на завод в ноябре 1935 г., к 1936 г. уволил сотни людей: «В результате проделанной работы было выявлено около 500 человек кулаков, белогвардейцев, попов, торговцев, харбинцев, бывших членов ВКП(б), троцкистов, правых и лиц немецкого, польского, латвийского происхождения... явно подозрительных»⁶². Директор завода, лишившись значительной части квалифицированных рабочих, был крайне возмущен, не раз вызывал к себе Морзо и «...ругал», говорил, что эти поиски «троцкистско-правых враждебных элементов ...плод больного воображения». В результате эта конфронтация «возбудила настороженность и недоверие» Морзо к Побережскому, а в скором времени Морзо «узнал», что Побережский – троцкист. В списке Морзо несколько десятков польских фамилий, в графе «причина увольнения» значится: «поляк», «дочь поляка», «муж поляк»⁶³.

«Немедленно арестовывать», или Поляки в годы массовых репрессий

Массовые репрессии 1937–1938 гг. коснулись миллионов людей, в том числе польской национальности. Основными характерными чертами репрессий тех лет стали: плановость арестов, т. е. на места приходили контрольные цифры на количество людей, которых нужно арестовать; упрощенное ведение следствия, которое допускало фабрикацию дел и получение признания от арестованного любыми путями; рассмотрение дел не судом, а тройкой НКВД. В результате миллионы ни в чем не повинных людей были репрессированы – расстреляны, заключены в исправительно-трудовые лагеря. Так, с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. только в Пермском крае было арестовано 7959 человек, из них 5060 – расстреляны⁶⁴.

Подготовка к массовому террору началась еще летом 1937 г. Согласно директиве НКВД № 266 от 3 июля 1937 г. списки «социально опасных» надо было составить к 8 июля 1937 г.⁶⁵ Из материалов допросов бывших следователей НКВД становится известным, что в начале лета 1937 г. начальником НКВД по Свердловской области Дмитриевым был создан штаб для выполнения массовых операций. «Оперативный штаб по указанию Дмитриева командировал на места в горотделы НКВД ответственных работников из аппарата управления НКВД по Свердловской области. Эти представители совместно с аппаратом горотделов НКВД на местах составляли списки лиц, подлежащих аресту, которые впоследствии направлялись в оперативный штаб для получения санкции на арест...

По указанию НКВД СССР по Свердловской области по этой операции надлежало аресту: по первой категории – 8000 человек и по второй категории – 2000 человек. Как я помню, это количество и было арестовано»⁶⁶.

Первая массовая операция НКВД по плановым арестам должна была начаться 5 августа 1937 г., на основании Оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов»⁶⁷. По Свердловской области предлагалось арестовать 10 000 человек. Несомненно, что под действие этого приказа попали и поляки, жившие в Пермском крае. Из базы данных «Репрессированные жители Пермского края» видно, что уже 6–7 августа были арестованы 10 человек польской национальности, в большей своей части трудпоселенцы.

11 августа 1937 г. появился Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации (ПОВ) в СССР»:

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

СОЮЗА ССР

№ 00485

11 августа 1937 г.

гор. Москва

Рассылаемое вместе с настоящим приказом закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР, а также материалы следствия по делу ПОВ вскрывают картину долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза.

Из этих материалов видно, что подрывная деятельность польской разведки проводилась и продолжает проводиться настолько открыто, что безнаказанность этой деятельности можно объяснить только плохой работой органов ГУГБ и беспечностью чекистов.

Даже сейчас работа по ликвидации на местах польских диверсионно-шпионских групп и организации ПОВ полностью не развернута. Темп и масштаб следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули даже от оперативного учета (из общей массы перебежчиков из Польши, насчитывающей примерно 15 000 чел., учтено по Союзу только 9000 чел. В Западной Сибири из находящихся на ее территории около 5000 перебежчиков учтено не более 1000 чел. Такое же положение с учетом политэмигрантов из Польши).

Недостаточно решительная ликвидация кадров польской разведки тем более опасна сейчас, когда разгромлен московский центр ПОВ и арестованы многие активнейшие его члены. Польская разведка, предвидя неизбежность дальнейшего своего провала, пытается привести, а в отдельных случаях уже приводит в действие свою диверсионную сеть в народном хозяйстве СССР и, в первую очередь, на его оборонных объектах.

В соответствии с этим основной задачей органов ГУГБ в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР.

ПРИКАЗЫВАЮ

1. С 20 августа 1937 г. начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций ПОВ и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, в совхозах и колхозах.

Вся операция должна быть закончена в 3-месячный срок, т. е. к 20 ноября 1937 г.

2. Аресту подлежат:

а) выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены ПОВ по прилагаемому списку;

б) все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии;

в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;

г) политэмигранты и политобмененные из Польши;

д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;

е) наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов.

3. Операцию по арестам провести в две очереди:

а) в первую очередь подлежат аресту перечисленные выше контингенты, работающие в органах НКВД, в Красной армии, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, в электросиловом хозяйстве всех промышленных предприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах;

б) во вторую очередь подлежат аресту все остальные, работающие в промышленных предприятиях не оборонного значения, в совхозах, колхозах и учреждениях.

4. Одновременно с развертыванием операции по арестам начать следственную работу.

Основной упор следствия сосредоточить на полном разоблачении организаторов и руководителей диверсионных групп с целью исчерпывающего выявления диверсионной сети.

*Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов —
НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ...*

5. Все арестованные по мере выявления их виновности в процессе следствия подлежат разбивке на две категории:

а) первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относятся все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки;

б) вторая категория, менее активные из них, подлежащие заключению в тюрьмы и лагеря сроком от 5 до 10 лет.

6. На отнесенных в процессе следствия к первой и второй категории каждые 10 дней составляются списки с кратким изложением следственных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, которые направляются на окончательное утверждение в НКВД СССР.

Отнесение к первой или второй категории на основании рассмотрения следственных материалов производится Народным Комиссаром Внутренних Дел республики, начальником УНКВД области или края совместно с соответствующим прокурором республики, области, края.

Списки направляются в НКВД СССР за подписью Народного Комиссара Внутренних Дел республики, начальников УНКВД и Прокурора соответствующих республик, края и области.

После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т. е. осужденные по первой категории — расстреливаются и по второй — отправляются в тюрьмы и лагеря, согласно нарядам НКВД СССР.

7. Прекратить освобождение из тюрем и лагерей оканчивающих срок заключения, осужденных по признакам польского шпионажа. О каждом из них представить материал для рассмотрения на Особое Совецание НКВД СССР.

8. О ходе операции телеграфно доносить каждые 5 дней, т. е. 1, 5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца.

*Народный комиссар внутренних дел Союза ССР генеральный комиссар
государственной безопасности (Ежов)⁶⁸*

В декабре 1937 г. Свердловский НКВД отчитывался о проведенной операции:

«Наркому внутренних дел СССР т. Ежову Нами закончена операция по антисоветским элементам, полякам, харбинцам, немцам, женам изменников родины, иных контингентов.

...По полякам репрессировано 2022 человека, из них на сегодня уже осуждены по 1-й категории 1237, по 2-й категории 178 человек. На остальных приговоры еще не получены из НКВД СССР.

Вскрыты уральские филиалы ПОВ, а также большое количество самостоятельных польских резидентур»⁶⁹.

Как велось следствие и как «делались» крупные шпионско-диверсионные организации, рассказывали в ходе следствия в 1939–1940 гг. бывшие сотрудники НКВД. Так, подсудимый Зырянов (оперативник НКВД в 1937 г.) показал на допросе: «Первое дело я начал вести на Багонику (полька). Это дело я получил от Аликина, ему я был подчинен. При разработке этого дела я получил много писем контрреволюционного содержания, в которых Багокина писала за границу о том, что в Советском Союзе плохо жить, и указывала о проходящих воинских эшелонах на ДВК. Багокина собственноручно написала показания на 3 листах. Я эти показания передал Былкину, который ее протокол увеличил до 20–22 страниц, причем он написал на нее показания как на участницу националистической контрреволюционной организации. Он отдал

мне обратно этот протокол, и она его отказалась подписать, поскольку он был явно подложным. Но после она сказала: “Эх, семь бед, один ответ” – и протокол подписала.

Я верил, что этот метод ведения следствия является правильным, т. к. мне внушали, что это делается от имени Секретаря ЦК и Наркома Н. И. Ежова».

Подсудимый Былкин:

«Я Багониному не допрашивал, а только корректировал ее протоколы. Я делал это потому, что имел установку вести следствие упрощенно».

Подсудимый Лизунов:

«На совещании Леоцкий и Былкин говорили: иностранная разведка глубоко законспирирована, и сотрудники не ошибутся, если будут писать – шпион, диверсант, террорист и ставить им любые вопросы, ибо к врагам любые методы хороши.

Я принимал активное участие в аресте иностранцев (поляков, немцев). На 60 человек были формуляры, а на остальных совершенно не было материала, но требовали 100–300 человек, и когда у нас не было людей, то привезли откуда-то списки и стали арестовывать по фамилиям. Почему мы это делали, объяснить не могу».

Подсудимый Радыгин:

«На Вержбицкого я написал показания с Овсейчиковым, в которых он дал показания о нелегальном переходе границы, но когда этот протокол взял Леоцкий, он стал переписывать его и написал, что он якобы террорист и намеревался во время выборов в Верховный Совет взорвать клуб. Леоцкий эту группу хотел предоставить Дмитриеву в подарок, как депутату Верховного Совета»⁷⁰.

Таким образом, было сформировано несколько крупных дел, в которых обвиняемыми стали несуществующие «польские контрреволюционные шпионско-террористические и диверсионно-повстанческие организации». Например, Коми-Пермяцкий Окротдел НКВД отчитывался в декабре 1937 г. в том, что им «вскрыта и ликвидирована польская шпионская и диверсионная организация», возглавляемая бывшим штабс-капитаном царской армии Клишевским и состоящая из трудссыльных Гайнского района. Были придуманы даже главные задачи этой организации: «...по заданию польских разведывательных органов контрреволюционная шпионская террористическая и диверсионно-повстанческая организация поляков должна была в момент объявления войны капиталистических государств Советскому Союзу рассосаться по промышленным районам СССР, где устроиться на работы заводов военного и оборонного значения, с целью шпионажа и совершения диверсионных актов. Организация также ставила своей целью проводить террористические акты над партийным, советским и колхозным активом». В результате было арестовано 24 поляка, жителей спецпоселка Чуртан, 17 из которых были расстреляны в феврале 1938 г.⁷¹

Принцип определения руководителя организации также можно узнать из протоколов допросов бывших следователей и оперработников НКВД: «При создании таких организаций за основу брали не состав преступления, а национальную принадлежность арестованных, подданство, бытовое знакомство, а иногда и родственные отношения арестованных. Наиболее грамотные арестованные назначались руководителями организаций, а остальные – рядовыми ее членами»⁷².

По тому же сценарию были арестованы 24 поляка из спецпоселка Пугвин Мыс Гайнского района Коми-Пермяцкого округа: якобы резидент польской разведки трудпоселенец Вацлав Ипполитович Малевич создал «контрреволюционную националистическую польскую повстанческую организацию, ставящую своей целью свержение существующего руководства ЦК ВКП(б) и Советского правительства путем террора и вооруженного восстания в момент объявления войны». 15 человек из этой «организации» также были расстреляны в феврале 1938 г.⁷³

В одном из первых дел, заведенных на поляков и обвиняющих их в создании «шпионско-диверсионной организации», попросту объединили верующих католиков. Верующие были потенциальными врагами или уж, во всяком случае, подозрительными людьми в атеистическом советском обществе. Вероятно, все эти люди вначале были взяты на учет в НКВД и на них собирався «компрокат». Руководителем организации «назначили» ксендза Франца Будриса. В обвинительном заключении следователи пермского ГО НКВД Лизунов и Былкин написали: «Будрис под флагом римско-католической общины в Перми создал националистическую, шпионско-диверсионную организацию. Задачей организации являлось: а) объединение польского населения и воспитание его в духе фашизма для борьбы против советской власти; б) шпионаж и диверсионно-разрушительная работа на военных заводах, направленная на ослабление оборонной мощи СССР»⁷⁴.

По этому делу только в Перми было арестовано 39 человек (Будрис был арестован в Уфе, т. к. в Перми к этому времени костел был уже закрыт), 36 человек по этому делу были расстреляны, 3 человека заключены на 10 лет в ИТЛ.

О фабриковании дела рассказывали в 1939 г. бывшие следователи НКВД: «... в августе 1937 г. была арестована группа поляков в 25–30 человек, в том числе были арестованы и обрусевшие поляки, польские перебежчики и даже белорусы. Следствие по этому делу вели непосредственно под руководством Былкина. В нем принимали участие работники ГО НКВД Королев, Петров, Овсейчик, Корпачев, Аликин, Васенев и другие.

Былкин тогда по следствию этого дела проводил 2–3 совещания и дал установку арестованных допрашивать поменьше, а написать заранее протоколы допросов и дать им подписать их. Тогда же арестованные уже выдерживались на «конвейере» по 4 суток.

Протоколы были написаны с таким содержанием и с такой контрреволюционной насыщенностью, что арестованные не только не проводили этой контрреволюционной деятельности, но никогда и во сне этого не видели. Я по данному делу вел допрос арестованных Столовича и Аухимика, и, несмотря на то что оба выдерживались на «конвейере», по делу они прошли не признавшимися.

Вся эта группа поляков или так называемая польская националистическая шпионско-диверсионная организация была осуждена по альбому в ноябре или декабре 1937 г.»⁷⁵.

Точно так же велось следствие в районах области. Так, Гаврилов, бывший оперуполномоченный Ворошиловского РО НКВД (1936–1942), отвечал на вопросы в 1955 г.:

«– Вы участвовали в массовых арестах Ворошиловским РО НКВД в 1937–1938 гг.?

– В 1937 г. Ворошиловским РО НКВД проводились массовые аресты граждан, в которых принимали участие не только сотрудники РО НКВД, но и работники милиции, и пожарной охраны, и военнослужащие строевых частей НКВД. Лично я в арестах также принимал участие, но очень редко, потому что оперативные работники в то время были заняты следственной работой.

– На основании каких материалов проводились массовые аресты граждан?

– Я знаю, что по указанию бывшего начальника Ворошиловского РО НКВД Шейкмана составлялись списки на немцев, латышей, эстонцев, поляков и других лиц нерусской национальности. Впоследствии по этим спискам выписывались ордера на арест, и эти лица арестовывались. В большинстве своем на арестованных не имелось никаких компрометирующих материалов.

– Скажите, каким образом велось следствие по делам арестованных Ворошиловским РО НКВД в 1937 г.?

– В следственной работе по делам арестованных принимал участие весь оперативный состав райотдела. По указаниям руководства райотдела Шейкмана, Федосеева, Пулова и Попцова следствие в 1937 г. велось незаконными методами всеми оперативными работниками райотдела, а также практикантами высшей школы НКВД. Следствие велось таким образом: из

числа арестованных следователь выбирал наиболее грамотных лиц, с учетом их социального происхождения, занимаемой должности, и искусственно вокруг этих лиц создавал контрреволюционные диверсионно-повстанческие организации, делая наиболее грамотных резидентами путем составления фиктивных протоколов допроса.

...После внутрикамерной обработки арестованные человек по 10 и больше вызывались для подписи этих заявлений. Большинство из них свою подпись под заявлениями ставили сразу, без всяких принуждений. Однако были арестованные, которые не хотели их подписывать. К таким арестованным применялись другие меры: их сажали в карцер, лишали сна. Отказавшихся от подписи пропускали по показаниям других арестованных, а в обвинительных заключениях писали: виновным себя не признал, но изобличается другими обвиняемыми. <...> Очень часто фиктивные протоколы допроса арестованные подписывали под проигрывание патефонных пластинок»⁷⁶.

Бывший начальник Кизеловского УНКВД Шахов на допросе в 1940 г. показал: «...при арестах.<...> я давал следователям установку: в зависимости от национальной принадлежности арестованного стараться вскрыть его связь с разведкой его национальной принадлежности. Если поляк, значит, связь с польской разведкой.

– Так все-таки получается, что шпионов «делали»?

– Да, должен признать, что почти все арестованные по инобазе именно так были «деланы» шпионами»⁷⁷.

Согласно приказу № 00485 «польская операция» должна была завершиться 20 ноября 1937 г., но аресты продолжались и в 1938 г. Бывший помощник начальника УНКВД по Свердловской области Боярский на допросе 25 апреля 1939 г. рассказал:

«Операция по аресту лиц инонациональностей, как-то: поляков и других, началась почти одновременно с кулацкой операцией, т. е. указания НКВД СССР по этим операциям получены были в момент хода кулацкой операции. К 15 декабря 1937 г., к концу срока действия директивы НКВД СССР, всего по Свердловской области по этой линии было арестовано около 3000 человек. Аресты в основном были проведены правильно...

Примерно в то же время были получены дополнительные указания НКВД СССР о продолжении этой операции.

Дмитриев, получив эти указания, нашел проведенные к этому времени аресты по количеству недостаточными... В свою очередь Дмитриев указал, что высланные кулаки, так называемые трудпоселенцы, являются основным контингентом, на котором надо сосредоточить внимание всего оперативного аппарата с целью выявления агентуры иностранных разведок и подвергать их аресту.

Несколько позднее Дмитриев указал другие пути выявления лиц инонациональностей – это через спецчасти на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях.

После этих указаний Дмитриева начались массовые операции среди этой категории лиц.

Аресты в подавляющем большинстве являлись необоснованными, т. е. лица арестовывались без всяких оснований и при отсутствии каких-либо компрометирующих материалов. Всего по этой операции было арестовано: кулаков-трудпоселенцев и лиц инонациональностей – 24 000 чел.

При ведении следствия по этим делам в Свердловске и на местах в горотделах НКВД широко применялись методы провокаций. Следователи с ведома руководящих оперативных работников уговаривали арестованных подписывать сфабрикованные ими протоколы, при этом заявляли арестованным, что эти показания нужны в интересах советской власти, что за преступления, изложенные в этих показаниях, их привлечь к ответственности никто не будет, а это нужно для того, чтобы предъявить счет иностранным государствам в их агрессивной деятельности против СССР. Более глубокой следственной работы, направленной на вскрытие действительных контрреволюционных формирований, не проводилось. Следователи огра-

ничивались только отбором от арестованных одних заявлений, в которых излагалось в общих фразах то, что они являются шпионами, диверсантами и проводили еще какую-либо контрреволюционную деятельность. Как правило, это заявление оформлялось протоколом, и на этом следствие заканчивалось.

Таким образом, из числа арестованных кулаков-трудпоселенцев и лиц инонациональностей искусственно создавались шпионские, диверсионные и другие контрреволюционные формирования»⁷⁸.

В этой ситуациигодились списки, составленные сотрудниками ОНУ, в т. ч. Пермского моторостроительного завода (руководитель ОНУ тов. Морзо). В 1938 г. на одном из заседаний он говорил: «Уволил их я правильно, т. к. в 1937 г. из числа 500 человек уволенных 175 человек было арестовано, и они оказались врагами народа»⁷⁹.

Как люди жили в атмосфере массовых арестов, можно узнать из воспоминаний Тамары Габриэловны Кокочинской⁸⁰:

«Наша семья состояла из пяти человек: папа, мама, брат, я и маленькая сестра, которая в возрасте шести месяцев умерла осенью 30-го года. В Пермь наша семья приехала из Москвы в конце 29-го года. В нашем квартале, да и на рядом расположенных улицах жили несколько польских семей. И в этот год если не многие, то кто-то из них был арестован. А с поляками мы даже боялись словом перекинуться. Такие культурные люди жили, поляки. Мы жили на Кирова, 26, а они – на Кирова, 24. И так потом я не знаю, куда их дели.

Город-то был всего 300 тысяч человек, это сейчас миллион, а тогда 300 тысяч. Это как деревня была – идешь по улице, тебя все знают, и ты всех знаешь. И, конечно, разговоры ходили.

– А какого плана?

– Что арестуют поляков. И, как назло, около нас жило много поляков, их всех арестовали. У меня у мужа отец – сапожник неграмотный, и то был арестован. Хотя тогда мы с мужем не жили, я еще в школе училась. Им безразлично было – дворник, юрист или министр.

– И был такой страх?

– Страх был. Еще бы: все же происходило только ночью: ходил «черный ворон», такая неприятная машина, высокая. И как видят эту машину, так все уже и ждут, около окон таятся, выглядывают, где, у какого дома остановится».

Арест отца Тамара Габриэловна описывает так:

«...спим, вдруг стучат. Но, мне кажется, папа, может быть, и знал, потому что он первый встал, открыл дверь. А мы были в другой комнате. Мама с папой в большой спали, а мы с Яськой – в маленькой. Я только помню, что отец долго не возвращается и из дома не уходит никто, значит, надо пойти проверить. Я вышла, потом Яцек за мной вышел, и мы уже не уходили. Весь обыск мы уже находились в большой комнате.

Они были в черных пальто. Что это энкаведэшники, по форме не видно было, поскольку они в черном пальто.

...Я думала, они уедут, я же не знала, что отца арестовали. А когда вышла, смотрю – оказывается, уже всю польскую литературу собрали, особенно которая на польском языке... Отец с последними словами ко мне обратился. Сказал: «Томуся, я ни в чем не виноват и никогда не думал, что меня могут арестовать при советской власти»»⁸¹.

Вторая мировая война в судьбах поляков

Дорогой Юзек, <...> осада наша, состоящая из 100 домиков, расположена среди девственных Уральских лесов⁸² ...

Начало Второй мировой войны ознаменовалось разделением Польши между Германией и СССР. На польской границе с СССР жили «осадники» – бывшие военные, получившие землю («осаду») на границе. Почти все эти люди принимали участие в советско-польской войне 1920 г., а потому расценивались сотрудниками НКВД как потенциальные враги. 29 декабря 1939 г. СНК СССР утвердил Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР. Согласно этому положению тысячи семей должны были быть переселены в Россию. Переселение началось 1 февраля 1940 г., и к 2 апреля 1940 г. было выселено 139 596 чел. В Молотовскую область было переселено 1737 семей⁸³. На 1 марта 1941 г. в спецпоселках НКВД в Молотовской области числилось 1903 семьи польских осадников, 9160 чел.⁸⁴ Бывшие осадники так описывали свою жизнь. Артур Арнольд-ович Абсторский: «Родился я в с. Домброво Краковской области в семье лесника. До 1906 г. проживал на иждивении отца, после учился. С 1911 по 1921 г. служил в армиях. Сначала в австрийской, в чине поручика, и в польской – капитан. В 1921 г. из польской армии был демобилизован, получил осаду в с. Заготур Больше-Котербургского района Тарнопольской области, где и проживал до 1939 г. Откуда был репрессирован органами НКВД и выслан на Урал»⁸⁵.

Бронислав Александрович Бервид: «В августе 1914 г. я был взят в австрийско-венгерскую армию и служил до ноября 1918 г. Освободившись из австрийско-венгерской армии, я перешел в польскую, где служил до 1933 г., начиная от поручика и кончая майором. С 1919 по 1920 г. я находился на фронте с СССР. Будучи ранен в левую руку, был направлен в лазарет в г. Проскуров. По выздоровлении в конце 1920 г. я продолжал служить, но был уже в тылу. Я проживал на осаде Сенкевичи в деревне Великие Заганцы Котербургского района Тарнопольской области. Вблизи д. Великие Заганцы я имел, как осадник, отдельный хутор, площадь которого составляла 17 га. Из построек я имел одну хату, из скотины было 2 коровы и 2 свиньи. Землю я засеивал всю полностью, 2 гектара земли я каждый год сдавал в аренду. В 1939 г. в октябре месяце по приходу Красной армии на территорию Польши я был арестован органами НКВД и находился в заключении в тюрьме в г. Кременчуг, откуда вместе с другими осадниками в 1940 г. был переотправлен на Урал, в Чердынский район»⁸⁶.

Выселение из Польши было описано многими бывшими осадниками. Генрих Адольфович Пашкевич назвал свои воспоминания «Выезд»:

«10 февраля поляков Западной Украины и Белоруссии как бы громом с неба ударило. К каждому польскому дому подъехала телега с парой красноармейцев. Великий страх объял поляков, ибо они не знали, с какой целью те приехали. После того как красноармейцы вошли в дом, раздалось: «Руки вверх, обертывайся к стене». Начался страшный плач, т. к. каждый думал, что уже расстанется с жизнью. Через некоторое время один из советских прочитал акт, или список, и сказал: «Собирайся, поедешь в Россию». При этих словах каждый окаменел, сердце перестало биться, а из глаз слезы, как горох, посыпались. Ничего больше не было слышно, только плач и слова советских: «Быстрей, быстрей, собирайся!». Описываю здесь свое впечатление и чувство боли по этому случаю. Жена больная, 3 недели после родов; плача схватила малютку, Крысю, и говорит: «Муж, я не выдержу. Куда они нас берут, что они хотят с нами делать?» Я ответил жене: «Не огорчайся, Бог так хочет, и Матерь Его Пресвятая возьмет нас под свою опеку». Малютка плачет, не знаю, понимала ли она что-нибудь или предчувствовала что-то, но никогда она так не плакала, как тогда. Мороз на улице больше 20, снег,

ветер воет, солнце за тучу зашло, как бы тоскуя по нас. «Быстрее, быстрее, собирайся!» – слова красноармейца. Тут уже не было шуток. Больная жена, целуя свою малютку, прижимая ее к груди, долго не могла решиться одеваться, но, наконец, видя, что ничего не поможет, т. к. гонят все сильней, плача завернула свое дорогое дитя в перинку, и мы начали собираться в дорогу. Взяли с собой вещи первой необходимости и на 3 дня продуктов и в 12 часов выехали из дома, сопровождаемые советским с винтовкой в руке. Мы думали, что только нас постигла такая судьба, однако, когда мы приехали в деревню Пищальнец, то тут уже ждал транспорт семей, таких же товарищей по несчастью. Ничего не было слышно, кроме слов: «Иисус, Мария, что нас постигло. Вернемся ли еще когда-нибудь в свою Отчизну!». В 2 часа дня мы тронулись в путь в Лановицы. Дорога была скверная, разбитая санями, выбоина на выбоине, сани опрокидываются, люди копошатся в снегу, дети замерзли, плачут и просят есть. У красноармейцев совсем жалости не было. Матери звали и просили, подъезжая к какой-нибудь деревне: «Товарищ, остановись. Дам ребенку покушать и зайду в хату погреться». Отвечают: «Нет времени». И так плачущие дети и страдающие за своих детей матери, измученные, приехали в Лановицы в 11 часов вечера. Здесь, мы думали, нам будет лучше. Между тем нас загнали в товарные вагоны, где проступал иней на стенах, холодно как на улице, топить нечем, воды и света не было. Каждый, замерзший и голодный, мысленно обратился к Богу и стал готовиться ко сну. Матери осматривали своих детей, спрашивая одна другую: «Ваш ребенок жив?» Самым тяжелым моментом для меня и моей жены был тот, когда, посмотрев на своего ребенка, мы не знали, спит она или умирает, так тяжело она дышала. Через несколько минут мы еще раз взглянули – а наша дорогая Крысенька уже испустила дух. Эх, не знаю, сумею ли описать свое и матери отчаяние. Как мужчина, я с болью в сердце стал успокаивать жену, говоря ей: «Не плачь, дорогая, Бог дал, Бог взял». Все присутствующие со слезами говорили нам: «Счастливое дитя, умерло на польской земле». Мать схватила свое дитя и, прижимая его к груди, повторила: «Крысюня, зачем ты меня покинула?» Так прошло время до утра. Утром открыли дверь и выпустили нас «гулять под штыком». Мы принесли воды, угля и дров, женщины начали прибираться, чтобы приготовить что-нибудь поесть и натопить, чтобы было тепло. В вагоне нас было 37 человек вместе с детьми. Вагоны – товарные, с маленькими оконцами по одной стороне. Клозета не было, завелась ужасная грязь и скверный запах, т. к. другого выхода не было. Женщинам, мужчинам и детям приходилось не стыдиться один другого. После двух дней простоя в Лановицах начались передвижки с одних путей на другие, а потом отправка в дальнейший путь. Из каждого вагона слышался плач и возгласы: «Родина, надолго ли тебя покидаем». Затем начали петь песни: «Сердечная мать», «По горам и по долам», «Звезда прекрасная», «Боже, который Польшу...», «Иисусе Христе» и «Путь Креста Господня». Эти песни гремели в вагонах в каждом транспорте, до самого прибытия на место»⁸⁷.

Евгений Иванович Барташевич в своих письмах так описал высылку: «10 февраля 1940 г. в пять с половиной утра пришел один командир и три солдата, сделали обыск, а нас всех посадили лицом к стене и не позволили двигаться, и сзади встали два солдата с ружьями. После обыска сестре позволили встать и в полчаса велели уложиться и захватить продовольствия на один месяц, а нам не позволили встать. Через полчаса всех нас выгнали на двор, дом заперли на ключ, и что мы успели взять, то взяли, а что осталось – то уж их. Осталось много одежды, одна лошадь, двое саней, четыре телеги, две коровы, пять свиней и много-много других вещей. По дороге мы заехали к леснику Деренчу и оттуда парами отправились на станцию Ястженбная. На станции нас охватил страх при виде сотен людей, влетающих в вагоны, в которых возили свиней и лошадей. В такой же вагон посадили и нас, 35 человек, 5 семей. До Молодечной мы ехали без пересадки, затем пересели в другой поезд и ехали 21 день поездом, потом нас выгрузили и засадили в тюремные стены, где мы сидели всю ночь. Потом 3 дня ехали на телегах, и наконец привезли нас на поселок Мель в Уральских горах. Горы очень красивые и высокие. На этом поселке мы пробыли 10 дней, затем нас повезли на работу на поселок Черная»⁸⁸.

В уральских спецпоселках поляки не забывали свою культуру и традиции. Калистрат Михайлович Напора вспоминал: «Я лично религиозные обряды исправляю ежедневно, вообще же мы, римско-католики из числа спецпереселенцев-поляков, исправляем их в религиозные праздники, например, в дни Пасхи первые два дня молятся вообще, а потом целый месяц май молятся Богородице. Исправление такого месячного моления проходило у нас и здесь в бараке Визяйского леспромхоза в мае месяце 1940 г., где мы молились целый месяц май, на молении присутствовало от 20 до 30 человек»⁸⁹.

Многие спецпоселенцы-осадники справляли Рождество Христово. Архивные документы рассказывают: «22 декабря 1940 г. на лесопункте Черх-Чатковка в бараке ночью польские осадники Келлер, Пшибельский в честь религиозного праздника Рождество организовали моление...»⁹⁰. В этом же году в спецпоселке Коростелевка Чусовского района также справляли Рождество.

Ксендз Домбровский в своем письме отмечал: «Католическая вера не только не ослабевает, но, может быть, и крепнет. Я имею сведения, что уже некоторые русские через посредство изгнанников приходят к познанию Господа Бога».

У многих имелись бумажные иконки с молитвами. Так, Стефан Стефанович Становский привез на Урал маленькую иконку Божьей Матери⁹¹.

Наблюдалась и иная картина: «...грустно то, что наши польские дети начинают в яслях и на площадке забывать польский язык. Уже был не один такой случай, что они дома говорят только по-русски, не хотят перекреститься и говорят, что все, что у них есть, – это не от Бога, а от С... Когда об этом подумаешь, то становится и жарко и холодно, и это уже через два месяца, а что же будет дальше?»⁹². С 9 по 24 мая 1940 г. облздравотдел проверил ряд спецпоселков в Молотовской области, куда разместили осадников. В отчете было отмечено: «Спецкадры 2-й категории (осадники) прибыли из Западной Украины и Западной Белоруссии в конце февраля и в начале марта текущего года. Размещены в поселках лесозаготовительных участков трестов «Коми-Пермлес», «Уралзападлес» и в некоторых районах индустриального значения.

Все пункты размещения спецпереселенцев представляют собой зоны крупнейших лесных массивов с преобладанием лесов хвойной породы и на значительном расстоянии от местных селений и районных центров. Территории, окружающие спецпоселки, как правило, заболочены, в отдельных точках местность резко пересеченная, гористая. <...> Во всех занимаемых бараках и домах-общежитиях редко наблюдаются индивидуальные кровати и, как правило, для отдыха и сна используются общие нары, рассчитанные на семью, в редких случаях спят и на полу. <...> Оборудование барачное примитивное: общие столы, количество которых недостаточно, отсутствие скамей, плевательниц. Редко встречаются умывальники и имеет место полное отсутствие кипятильников. Бачков для хранения кипяченой воды нет нигде, и факты пользования сырой водой имеют место во всех районах. <...> Бараки и дома в надлежащий вид не приведены, не утеплены, не отремонтированы и не побелены. Железные печки, постоянно отопляемые в течение дня, дымят, создавая копоть и чрезвычайно душную атмосферу в жилом помещении. Новый состав спецпереселенцев вскоре после прибытия на места назначения, при отсутствии теплой одежды и обуви, дал высокие цифры заболеваний простудного характера: грипп, пневмонии с единичными случаями смерти, вспышки брюшного тифа. Всего за весну 1940 г. умерло 85 спецпереселенцев».

Таблица № 2.8

Смертность по возрастам

От 0 до 1 года	9
1—2 года	24
2—3	5
3—10	3
10—20	2
20—50	17
Старше 50	25

Таблица № 2.9

Проверенные спецпоселки⁹³

Населенный пункт	Количество населения	В т. ч. детей
Трест «Коминермлес»		
пос. Визай, Кудымкарский р-н	208	19
пос. Велва, Кудымкарский р-н	208	40
д. Булычи, Юрлинский р-н	100	
пос. Усть-Пышня, Юрлинский р-н	120	

Населенный пункт	Количество населения	В т. ч. детей
пос. Кононов Бор, Юрлинский р-н	150	146
пос. Н. Барак, Юрлинский р-н	78	
пос. Сюрол, Юрлинский р-н	170	123
пос. Кирьянов, Юрлинский р-н	117	44
пос. Рассохи, Юрлинский р-н	170	197
пос. Чернушка, Юрлинский р-н	127	
пос. Луда, Юрлинский р-н	140	
пос. Рудаково, Юрлинский р-н	77	143
пос. Лесниково, Юрлинский р-н	29	
пос. Ромахи, Юрлинский р-н	79	
пос. Квартал № 14, Юрлинский р-н	112	
пос. Усть-Березовка, Юрлинский р-н	183	25
пос. Усть-Онолва, Кочевский р-н	28	115
пос. Янчер, Кочевский р-н	243	
пос. Сосновка, Косинский р-н	145	330
пос. Шудья, Косинский р-н	78	
пос. Буждым, Косинский р-н	165	
пос. Усть-Коколь, Косинский р-н	97	
пос. В. Пашня, Косинский р-н	154	
пос. Лоч-Сай, Косинский р-н	138	
пос. Солым, Косинский р-н	85	

Коми-Пермяцкий окружной комитет ВКП(б) описывал в 1940 г. поселки спецпереселенцев: «Лесозаготовительные предприятия, спецпоселки расположены в непроходимой заболоченной местности. В силу таких естественных условий завоз хлебопродуктов на эти участки в летних условиях невозможен. В результате такого положения рабочие этих предприятий летом 1940 г. и члены их семей ощутили систематические перебои в снабжении (2—3 дня находились без хлеба или делили 100—200 граммов). В результате чего продукты питания за 10—15 км носили на себе»⁹⁴.

Естественно, что такие условия жизни вызывали недовольство у спецпереселенцев. Все критические высказывания тщательно фиксировались сотрудниками НКВД, и часто на основании этих высказываний заводились следственные дела. Катализатором для возбуждения дела

в антисоветской пропаганде и агитации мог быть факт невыхода на работу или невыполнения норм валки леса. Например, летом 1941 года были арестованы 7 спецпереселенцев-поляков, проживавших в спецпоселке Песчанка Чердынского района. Самый ранний документ в этом деле датируется 7 февраля 1941 г.: это рапорт о невыходе на работу 11 человек и опоздании 34 человек. Невыход на работу и опоздание спецпереселенцы мотивировали объективными причинами – температура воздуха была минус 40 градусов. Комендант спецпоселка сделал свои замеры температуры и написал: «В момент выхода на работу в 7 часов – 39,5 градуса; в 8 часов – 38; в 9 часов – 36; в 10 часов – 34. Исходя из вышеперечисленных фактов, прихожу к следующему выводу: за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. передать материалы в народный суд для привлечения к ответственности»⁹⁵. Уже в августе 1941 г. следователи Молотовского УНКВД составили «Обвинительное заключение»: «...в Чердынском районе вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая группа, состоящая из бывших польских осадников...»⁹⁶. Фактически этих людей могли расстрелять, но 6 октября 1941 г. все они были выпущены на свободу: «Принимая во внимание, что Абсторский А. А., Добровольский Ф. М., Герах А. Н., Гжондковский И. К., Венгжин П. К., Пашкевич Г. А., Черницкий П. Л. являются гражданами польского государства и подпадают под амнистию, объявленную Указом Президиума Верховного Совета СССР, полагал бы <...> из-под [ареста] освободить, следственное дело № 707 по обвинению выше указанных лиц производством прекратить».

Кроме осадников в СССР были военнопленные – солдаты и офицеры Польской армии. Иосиф Теофилович Забагло описал свой плен: «С начала военных действий между Германией и Польшей в 1939 г. я был мобилизован в Польскую армию и через 17 дней уже попал в плен к Красной армии. Будучи военнопленным, был направлен в Запорожье на завод, откуда спустя год, осенью 1940 г., нас всем лагерем перебросили на север в г. Котлас на строительство железнодорожных путей. Там мы проработали до лета 1941 г., после чего вновь был переброшен в Ивановскую область, где стала формироваться польская воинская часть»⁹⁷. Евгений Марьянович Муравский вспоминал: «В 1939 г., будучи на службе в Польской армии в чине поручика интендантской службы, в сентябре этого же года мне пришлось участвовать в снабжении польской армии во время боевых действий с наступающими немецкими войсками. Во время отступления наша часть, в которой я служил, прибыла в г. Львов, где я был ранен. В связи с ранением меня направили в военный польский госпиталь. При немецко-фашистских войсках в г. Львове в госпитале я находился всего двое суток, а затем в начале октября 1939 г. в г. Львов вступили советские войска. В этот период я все оставался на излечении... до 15 марта 1940 г. После чего из госпиталя выписался и пешком направился в д. Муравске, где в то время проживал мой дядя – Муравский Станислав, с таким расчетом, чтобы перейти государственную границу на родину, в Польшу. В поле, не доходя 2 км до границы, я был задержан советскими пограничниками. Тут же привели меня на заставу, на заставе я находился три дня, а потом под конвоем отправили в г. Минск, и через неделю этапом я был отправлен в г. Архангельск, где находился в лагере военнопленных поляков до мая 1942 г. После чего весь лагерь был распущен, и я выехал в г. Молотов»⁹⁸.

Начавшаяся Великая Отечественная война побудила СССР искать союзников и собственные резервы. 30 июля 1941 г. были восстановлены дипломатические отношения с польским правительством, одновременно был подписан договор об освобождении из ГУЛАГа и спецпоселений польских граждан. 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии польских граждан. Также было решено создать польскую армию на территории СССР из освобождаемых польских граждан.

Через архивные документы очень хорошо прослеживается изменение статуса поляков-спецссыльных на Урале. Так, в заполненной 24 апреля 1941 г. анкете на лесоруба спец-

поселка Чурочная Песчанского лесопункта Ивана Войцеховича Синкевича в графе «гражданство» было написано: «вне подданства, осадник-спецпереселенец». Другой документ, датированный 21 ноября 1941 г., И. В. Синкевича уже называет «польским подданным»⁹⁹.

Польские граждане в Молотовской области, получив документы, стремились как можно быстрее уехать. Лишившись почти бесплатной рабочей силы, леспромхозы начали писать жалобы. В ответ партийные органы требовали проводить идеологическую работу и попытаться уговорить поляков остаться на Урале: «...поляки бросают работу и уезжают, причем предприятия треста «Комипермлес» и райкомы ВКП(б), столкнувшись с этими фактами, не организуют работы с уезжающими, пустили это дело на самотек, вместо того чтобы со всей прямотой разъяснить полякам, с какими трудностями они могут встретиться при неорганизованном выезде, доказать им необходимость и целесообразность остаться на месте или в пределах округа <...> в ряде мест [такие агитаторы] оказались бессильны и прекратили работу.

Основным содержанием работы агитколлективов должно быть: разъяснение вопросов международного положения, сводок Информбюро и положения на фронтах Отечественной войны; разъяснение примеров самоотверженности рабочих, колхозников, служащих в тылу, на фабриках, заводах, полях, в лесной промышленности; мобилизация масс поляков на стахановскую работу»¹⁰⁰. Многие поляки остались до конца войны на территории Молотовской области. В первые – самые тяжелые – военные годы польское посольство активно помогало продуктами и одеждой своим гражданам. В 1942 г. Михаил Янович Пильчарский писал из пос. Кирьяново Юрлинского района в польское посольство в г. Куйбышев: «Мы находимся на этом участке уже третий год. Здесь нас, поляков, 60 семей – 297 человек. <...> Довожу до вашего сведения, что сегодня мы получили из польского посольства 5000 рублей – это значительная помощь, за которую все мы приносим благодарность. Здешняя делегатура поделила эти деньги между наиболее нуждающимися»¹⁰¹.

Польское посольство на местах для распределения продуктов и одежды назначало доверенных лиц. Так, доверенным лицом польского посольства в Чусовском районе Молотовской области был Юзеф Урштейн¹⁰², в Красновишерском, Чердынском, Соликамском и Ворошиловском районах – Феликс Грифф¹⁰³, в Кунгурском районе – Виктор Прайс¹⁰⁴. В Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ) сохранилось удостоверение: «Польское посольство сим удостоверяет, что г. Грифф Феликс является доверенным лицом польского посольства по Красновишерскому, Чердынскому, Соликамскому и Ворошиловскому районам Молотовской области.

Народный комиссариат иностранных дел нотой № 216/42 от 15.10.1942 г. и № 271/42 от 25.12.1942 г. сообщил, что местные советские органы поставлены им в известность о назначении гр. Грифф Феликса доверенным лицом польского посольства.

Польское посольство имеет честь просить компетентные органы власти СССР оказывать г. Грифф Феликсу полную помощь и содействие в исполнении им своих служебных обязанностей.

Удостоверение это действительно по 31 декабря 1943 г. Куйбышев, дня 19 февраля 1943 г.».

Польское посольство на имя своих доверенных лиц присылало целые вагоны с продуктами и вещами и переводило деньги для распределения между нуждающимися польскими гражданами. Следующий документ свидетельствует о масштабах помощи:

«Телеграмма.

Правит млт Чусовой. Польдоверенный Урштейн Юзеф. Сегодня сборным вагоном 627308 до Чусовой отправили для вашего района продовольственную вещевую помощь и медикаменты. Груз и спецификацию выдаст направленный нами уполномоченный Скура Стани-

слав. Ожидайте доверенного Соликамского района Гриффа, которому поручили получить и сопровождать груз до Березников»¹⁰⁵.

После указа об амнистии польских граждан от 12 августа 1941 г. из исправительно-трудовых лагерей было освобождено много поляков. Шулем Леопольдович Фаллек, юрист из Кракова, осужденный в 1940 г. за нелегальный переход границы и освобожденный из Усольского ИТЛ в 1941 г., писал в польское посольство:

«...500 человек польских граждан, освобожденных из Усольлага, нуждаются в помощи». Через Фаллека между освободившимися поляками было распределено более 12 тыс. рублей¹⁰⁶.

На смену уехавшим из Прикамья осадникам прибыли поляки, мобилизованные в Красную армию и переведенные из боевых частей в рабочие батальоны. Жители Западной Украины и Белоруссии – недавние граждане Польшы, 1918–1919 годов рождения, еще до Великой Отечественной войны были призваны в Красную армию. Андрей Минович Печенчик, родившийся в с. Долговоля Ровенской области, записал свои воинские перемещения: «...в Красную армию меня призвали 22 апреля 1941 г. в Володимирецком райвоенкомате. После призыва меня определили в учебную роту моторизованной части № 1953 на ст. Лиски, г. Свобода Воронежской области. В упомянутой части я пробыл 2 месяца – до 1 июля 1941 г. – в качестве курсанта. С 1 июля 1941 г. я в течение примерно одного месяца обучался военному делу в Масловке, в составе 64-го стрелкового запасного полка. Из Масловки всю нашу часть направили в Воронеж. В Воронеже нас также обучали военному делу, но без оружия. Оружие у нас отобрали в Масловке. Наименования части, находившейся в Воронеже, я не знаю, в то время уже организовывался рабочий батальон. Наша часть состояла из двух батальонов, в нее входили исключительно украинцы и белорусы – жители областей, освобожденных Красной армией в 1939 г. В Воронеже мы также пробыли около месяца. Из Воронежа нашу часть направили в г. Муром, в строительный батальон № 815. В Муроме мы работали по специальности на оборонной промышленности до ноября 1941 г. Из Мурома нас направили в г. Молотов»¹⁰⁷. Бронислав Иванович Мазур из деревни Дернив-Майдан Струмиловского района Львовской области записал: «Я жил в хозяйстве отца до 1941 г., т. е. до момента призыва меня в Красную армию. В апреле 1941 г. меня призвали в Красную армию и направили в г. Новохоперск Воронежской области, где я и служил в качестве рядового до июня 1941 г., т. е. до начала войны. В связи с началом войны я вместе с другими бойцами был направлен в лагерь вблизи Воронежа, но через два с половиной месяца меня из армии демобилизовали и направили в строительную рабочую команду в г. Муром. Через полгода, т. е. уже в начале 1942 г., стройколонна была переведена в пос. Закамск Кировского района Молотовской области»¹⁰⁸. У Эдварда Валентиновича Имберовича сохранился в архиве дневник времени стройбатальона в Березниках. В этом дневнике Имберович описал свои впечатления о России и Урале:

«25.01.1942 г. Воскресенье, прекрасный зимний холодный день. 35 градусов мороза, нет ветра, есть «тепло», можно выдержать. ...Сам я замучился так, как никогда в жизни: попросту надо было нести сено и коня на своих плечах по поясу в снегу. Лошади еле живут, замученные работой сверх силы. Как выехали в 8 часов утра, так и¹⁰⁹ <...> приехали в 9 ночи, голодные, замерзшие и замученные. <...> Бог наказывает за то, что все церкви без крестов и оплугавлено святое место.

14.02.1942 г. Сегодня именины отца. Припоминаю, дома всегда оладушки, день торжественный. Сегодня я далеко от тебя, на зимней сибирской земле, но мыслями около тебя, отец.

19.02.1942 г. Уплывают дни, дни серые, тоскливые, полные горечи, грустью за домом, за вами, любимые. Когда это кончится, все эти муки, тоска за домом, за вами, за женой, сыном, матерью и отцом, за всеми. Война все продолжается, забирают миллионы людей на фронт, а в нашем положении ничего не изменяется. Работаем дальше, как и работали.

21.02.1942 г. Воскресенье сегодня. Здесь зима такая, как и у нас, падает снег, тепло, и при этом сердце пожирает тоска за вами – когда это все кончится! Когда я поеду домой и отдохну? Боже, сделай это поскорее!

01.03.1942 г. Боже, я дожил до марта, дай Боже дожить с этой минуты, когда смогу увидеть своих любимых. Мороз 35 градусов, днем солнце начинает пригревать, это будет весна. ... С питанием хуже, еще получаем 800 граммов хлеба, а остальное с каждым днем хуже, мясо я видел, может, в 2 месяца. ...Какой день сегодня грустный. Я нахожусь у Николая Александровича, пришел помыться, я грязный и завшивленный, не успел постирать себе белье – и опять вши. Завтра отсюда уходим на лесопилку, на холод и голод.

04.03.1942 г. После двух дней голодовки съел килограмм хлеба, наелся, а что будет дальше? 400 граммов хлеба стоит на базаре 700 рублей, цена фантастическая. Между нами, хлеба купить вовсе нельзя, в магазинах ничего нет, даже пуговиц купить нельзя, все по карточкам.

11.03.1942 г. Сегодня в обед я скушал весь остальной обед, который должен я иметь до 15-го на тот случай, что должны мы отсюда уйти на лесопилку... В настоящее время сам вижу, что живу собственной жизнью, живу с вами, как хорошо говорю, хорошо живу с вами, мое сердце, душа и мысли с вами, любимые. Не чувствую так этого одиночества, которое меня окутало в настоящее время. Снег, зима, которая не имеет конца.

16.03.1942 г. Эту ночь спали мы в батальоне в землянках. В землянке шум, смрад и спекуляция, ругань и драка.

17.03.1942 г. Неужели счастье ко мне вернулось, должны меня назначить чертежником в технической конторе. Работаю второй день. Очень хорошо работать, работа для меня соответствующая, только далеко ходить в батальон. Боже, хотя бы остаться на постоянно! Потерял я бумажник с брачным кольцом...

18.03.1942 г. Контора. Закончил чертежи и отдыхаю. Очень хочется кушать. Приятно тут работать, работа не тяжелая, но утомительная. Самое плохое – это то, что живу в землянке в 6 км от места работы.

21.03.1942 г. Первый день весны, солнце прекрасно светит. Есть мороз 25 градусов. Утром доходит до 25 градусов.

25.03.1942 г. Уже 26-е, а мороз как держался, так и держится. Работаю как копировальщик, очень мне хорошо. Самое худшее – это то, что живу в землянке, и очень я голоден.

02.04.1942 г. Уже апрель на дворе, а все те же мороз, снег и ветер. Сегодня большой четверг, в воскресенье Пасха.

06.04.1942 г. Второй день Пасхи, на улице еще глубокая зима. Мороза большого нет, но можно простудиться.

11.04.1942 г. Весна, солнце, снег начал таять. Чувствуется, что весна торопится, хочет нагнать потерянное время. Работаю в «Северуралтяжстрой», продолжаю жить в землянке – это моя трагедия. Кушаю 2 раза в день. Я так изголодался, что не знаю, что и делать, смеяться или же плакать.

18.04.1943 г. Пятнадцатого перевели меня в 683-й батальон к узбекам. Батальоны распускают, с 20 апреля становимся свободными гражданами, что дальше будет!

26.04.1943 г. Вновь снег падает, зима начинается заново. Я живу в батальоне узбеков, очень много товарищей уехало в Казахстан. Ожидаю большие перемены!

04.05.43 г. Война должна кончиться в этом году, потому что никто не выдержит. Страшная мука, тоска и грусть.

09.05.1943 г. На улице падает снег, очень бело, так, как у нас настоящей зимой.

24.05.1943 г. Я продолжаю болеть (воспаление почек), опухли руки и ноги, лицо все опухло. Чувствую себя очень плохо, должны меня положить в больницу, но я вынужден ожи-

дать своей очереди. Живу за счет Матильды Ляндау, которая меня подкармливает, иначе давно бы сдох.

06.06.1943 г. Сегодня приступил к работе, надоело мне это бездельничество, хотя я и использовал его на заработки, за эту неделю, благодаря Матильде Ляндау, я заработал 1500 рублей и имею, что курить. Спекулирую махоркой, хотя эта работа очень опасна, потому что угрожают 3 годами тюрьмы. Кутек Ксаверий уехал вчера в Фергану.

26.06.1943 г. Воскресенье. Тепло, солнце светит, а мне удивительно грустно, что я нахожусь далеко от тебя, Гелюшка, от Андрейко, брошенный между чужих людей, сижу возле парка и ожидаю 9 часов, чтобы пойти на концерт.

08.08.1943 г. Уже подходит зима, с каждым днем холоднее. 03.09.1943 г. Сегодня годовщина моей женитьбы с Гелюшкой, 2 года прошло, как мы женились. 2 года, а сколько перемен, смерти, мучений и голода.

05.10.1943 г. Сегодня воскресенье, а мы работаем. <...> хлеба не хватает, у нас вместо 500 граммов дают 300 граммов. За хлебом стоят по целым ночам. Нас кормят еще не совсем плохо, я питаюсь в ИТР-столовой, где питаются инженеры.

20.10.1943 г. Прошли мои именины. Была водка, застрелили зайца. Голод не могу переносить. Получил теплую одежду, могу спокойно ожидать зиму, работаю в тепле. Чтобы так до конца зимы и прожить, то знал бы, что увижу вас всех, что еще буду с вами. 27.10.1943 г. Зима уже началась, холодно, снег. Перспектив выезда из Березников нет. Буду зимовать. Пусть это будет последняя зима в этой неприманчивой земле сибирской. Дай Боже, чтоб эта мука моя и всех людей закончилась, и чтоб я мог поехать домой»¹¹⁰.

Поляки – граждане СССР также попадали в стройбатальоны в Молотовскую область. Так, Андрей Андреевич Святогор, поляк из г. Ленинграда, 6 апреля 1941 г. был призван в Красную армию. Святогор воевал в составе 2-го отдельного саперного батальона до октября 1941 г. на Ленинградском фронте, был ранен в ногу и поясницу. После госпиталя был зачислен в строительный батальон, расположенный в Молотовской области¹¹¹.

Работая в тылу, в стройбатальонах, многие поляки хотели попасть на фронт. Стройбатовец Адам Врубель написал несколько писем в г. Бузулук Чкаловской области, где шло формирование Польской армии: «В штаб Польской армии! Обращаюсь к господам с просьбой о принятии и рассмотрении моего заявления, в котором прошу принять меня в ряды Польской армии, сформированной на территории СССР. 7 июня 1937 г. проходил призывную комиссию в Белой Крак и был признан годным к действительной военной службе по категории А. По моей просьбе меня приняли в школу подхорунжих Военно-Морского флота в Торуне. Как доброволец принимал участие в борьбе за свободу Родины... 19 апреля 1941 г. меня призвали в Красную армию, где пробыл до 8 июля 1941 г., после чего обезоружили и привезли в Березники, Молотовской области, включили в стройбатальон, в котором работаю до настоящего момента... Подавал уже не одно заявление о принятии меня в Польскую армию, однако до сегодняшнего дня они остались без ответа. Кроме того, обращаюсь к панам с просьбой как можно быстрее принять меня в ряды Польской армии. Очень прошу не отказать в моей сердечной просьбе. Без сомнения, буду выполнять все свои обязанности с честью и гордостью, как подобает поляку. С биением сердца жду ответа... Березники, 27.01.1942 г.»¹¹²

Весной 1943 г. Василевская, Лямпе, Завадский создали Союз польских патриотов, в задачи которого входило формирование Войска Польского и помощь полякам в СССР. Уже в мае 1943 г. в Молотовскую область поступило распоряжение из Москвы:

«В исполнение Постановления ГКО № 3293 от 06.05.1943 г. и директивы Наркомата обороны окажите полное содействие в призыве бывших польских граждан для направления в польские части, формируемые на территории СССР. Призыв производить в первую очередь из строительных батальонов и Наркоматов, включая УНКВД. Работу закончить в максимально

сжатые сроки. 26.05.1943 г.»¹¹³ В июле 1943 г. в Молотовский обком ВКП(б) пришла телеграмма Ванды Василевской: «Убедительно прошу оказать помощь детям призванного в польскую дивизию имени Костюшко Черняка Петра Ивановича: Тадеушу, Брониславу, Елене, Казимиру, Болеславу, проживающим: округ Коми, Юрлинский район, участок Кирьянов, деревня Сгоров»¹¹⁴.

В г. Перми (тогда г. Молотов) тоже было создано отделение Союза польских патриотов. В архиве сохранилось письмо 1946 г., написанное руководством областного отделения Союза польских патриотов перед отправкой на Родину:

«Секретарю Молотовского обкома ВКП(б) т. Гусарову
Председателю Молотовского облисполкома т. Швецову

Имеем честь известить Вас, что польские граждане Молотовской области перед выездом на Родину сдали в сберегательные кассы области, в фонд восстановления разрушенных немецкими захватчиками районов СССР, облигации Госзаймов на сумму 482 026 рублей, в том числе 25 670 рублей спецвкладов.

От имени всех поляков просим Вас принять этот скромный подарок, как свидетельство нашей глубокой благодарности для народов Советского Союза и Правительства СССР за оказанное нам гостеприимство в тяжелых годах войны, а также братскую помощь, оказанную нашему народу в его борьбе за свободу и независимость.

Просим принять наше горячее заверение, что после возвращения на Родину будем стоять на страже дружбы польского и советского народов, которая является гарантией победы демократии и прогресса.

Председатель облправления Союза польских патриотов Мочерловер.

Зам. председателя областного правления Союза польских патриотов Яблонек.».

Вероятно, такое письмо было написано не только от тех минутных чувств, возникших при известии о возвращении на Родину, но и от искренней благодарности к простым людям, которые, несмотря на тяжелые условия жизни на Урале, помогали полякам выжить и отвоевать свою Родину у фашистов.

* * *

Середина XX в. оказалась не менее тяжелым испытанием для поляков, оказавшихся в Пермском крае, нежели ссылка после польских восстаний в XIX в. События этого времени вписали черные страницы в польскую историю региона. Именно в этот период в Прикамье численность польского населения была наибольшей за все периоды его истории. Вместе с поляками судьбы ссылки и спецпоселения разделили и многие другие народы, оказавшиеся с ними бок о бок в лесных поселках северного Прикамья: депортированные немцы и крымские татары, украинцы, белорусы, русские...

Вторая половина XX в. (1950–1980-е гг.) обошлась без столь великих потрясений. Поляки, оставшиеся жить в Пермском крае, или те, кто приезжал в регион по распределению или для обучения в пермских вузах, продолжали оставаться одним из многих народов, живущих в Прикамье. Наряду с другими они вносили свой вклад в развитие экономики, образования, науки и культуры Пермской области. Однако этот период истории поляков в Прикамье, когда, к тому же, они чаще всего не афишировали свою этническую принадлежность, почти не отражен в документальных материалах.

Примечания

¹ Митинг польских беженцев // Известия Пермского губернского исполнительного комитета. 1918. 17 февраля. С. 3–4.

² Сообщение газеты «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о работе революционного комитета военнопленных социал-демократов интернационалистов. Воззвание Центрального рабочего комитета Польской социалистической партии к трудящимся Польши с призывом поддержать борьбу русского пролетариата за победу социалистической революции // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумейко. М., 1957. С. 60.

³ Интернационалисты. Участие стран Центральной и Восточной Европы в борьбе за власть советов в России в 1917–1920 гг. / Отв. ред. А. Я. Манусевич. М., 1971. С. 137.

⁴ Воззвание Центрального рабочего комитета Польской социалистической партии к трудящимся Польши с призывом поддержать борьбу русского пролетариата за победу социалистической революции // Боевое содружество трудящихся... С. 48.

⁵ Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 74–75.

⁶ Там же. С. 61.

⁷ Там же. С. 3.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Из отчета федерации иностранной группы РКП(б) о работе за 1918 г. Сообщение газеты «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о работе революционного комитета военнопленных социал-демократов интернационалистов. Воззвание Центрального рабочего комитета Польской социалистической партии к трудящимся Польши с призывом поддержать борьбу русского пролетариата за победу социалистической революции // Боевое содружество трудящихся... С. 157–163.

¹² Статья газеты «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов» о революционном движении в рядах русской армии // Боевое содружество трудящихся... С. 28.

¹³ Нея Я. Об истории создания 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа; Пер. с пол. М.: Ладомир, 2002. С. 291–298.

¹⁴ Представитель польского военного комитета в Перми // Сибирские стрелки. 1919. 10 марта (№ 37). С. 2.

¹⁵ Там же. С. 2.

¹⁶ Вниманию поляков // Сибирские стрелки. 1919. 19 марта (№ 46). С. 2.

¹⁷ Польский бал // Сибирские стрелки. 1919. 25 февраля (№ 24). С. 4.

¹⁸ Призыв поляков // Сибирские стрелки. 1919. 29 марта (№ 56). С. 2.

¹⁹ О выезде беженцев поляков на родину // Сибирские стрелки. 1919. 31 мая (№ 109). С. 4.

²⁰ «Положение о отделах нацменьшинств и нацинспекциях агитпропотделов партийных комитетов» было утверждено постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) 26 сентября 1920 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17, оп. 60, д. 980, л. 82.

²¹ Пермский губернский комитет РКП(б) в составе 15 человек был избран 21 сентября на III губернской партийной конференции. Он подчинялся Уральскому обкому РКП(б). В 1920 г. в его структуре был создан агитационно-распределительный отдел, который в 1921 г. был переименован в агитационно-пропагандистский (агитпропотдел). Ликвидирован в ноябре 1923 г. См.: Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области. Пермь, 2001. С. 25.

²² РГАСПИ. Ф. 17, оп. 60, д. 980, л. 7.

²³ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 60, д. 980, л. 11.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 60, д. 980, л. 87.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 60, д. 3, л. 30.

²⁶ ПермГАНИ. Ф. 577, оп. 1, д. 169, л. 6.

²⁷ ПермГАНИ. Ф. 577, оп. 1, д. 169, л. 6.

²⁸ ПермГАНИ. Ф. 577, оп. 1, д. 169, л. 64–65.

²⁹ ПермГАНИ. Ф. 577, оп. 1, д. 169, л. 56.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 60, д. 980, л. 17.

³¹ ПермГАНИ. Ф. 577, оп. 1, д. 169, л. 66.

³² Подробнее см.: Справка об изменениях административно-территориального деления // Фонды Государственного архива Пермской области: Краткий справочник. Пермь, 1997. С. 245–247.

³³ Распределение населения (обоого пола) в Пермской губернии по национальности по данным разработки материалов переписи 1920 г. // Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 38–39.

³⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот(кинский) район, Уральская область, Башкирская АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

³⁵ Сарапульский округ Уральской области включал территории современного Пермского края и Республики Удмуртии; в частности к нему относилась территория современных Бардымского, Еловского, Куединского, Чернушинского Частинского и других районов. В материалах переписи невозможно выделить отдельно численность поляков в пермской части Сарапульского округа, поэтому мы приводим сведения по всему округу.

³⁶ Коми-Пермяцкий округ, по материалам переписи, не имел внутренней разбивки на городское и сельское население, и все жители округа отнесены в разряд сельских жителей, поэтому в таблице по городскому населению поляки, проживающие в округе, не указаны.

³⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот(кинский) район, Уральская область, Башкирская АССР. Отдел I. М., 1928. С. 150–151.

³⁸ Список населенных пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Свердловск, 1928; То же. Пермский округ.

³⁹ В Списках населенных пунктов отмечена этническая принадлежность основного населения сел и деревень и указана вторая по численности этническая группа. Учитывая преимущественно моноэтнический состав сельских поселений, эти данные позволяют показать относительно населенные пункты, в которых поляки по численности находились на первом и втором местах.

⁴⁰ Поляки // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 1994. С. 269.

⁴¹ В военные годы многие приговоры к высшей мере наказания (ВМН) заменялись 10–15 годами исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

⁴² Цифры арестов и приговоров могут не совпадать, т. к. в таблице не учтены такие виды наказания, как ссылка, принудительное лечение в психбольнице.

⁴³ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 12285.

⁴⁴ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. М., 2000. С. 126–130.

⁴⁵ Спецсводка № 3 СПО ОГПУ о состоянии кулацкой ссылки по Уральской области, не позднее 14 августа 1931 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 156–161.

⁴⁶ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Аудиозапись, записано в марте 2000 г. в г. Красновишерске.

⁴⁷ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Аудиозапись, записано в 1998 г. в г. Перми.

⁴⁸ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4611, л. 8. Из протокола допроса от 19 декабря 1938 г.

⁴⁹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 7599, л. 3. Из протокола допроса от 11 ноября 1938 г.

⁵⁰ Из доклада начальника оперативной группы ПП ОГПУ Пузицкого в ПП ОГПУ об итогах работы по выселению кулачества 2-й категории. 5 мая 1930 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 118.

⁵¹ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Аудиозапись, записано в 2000 г. в пос. Ныроб (ныне Чердынского района).

⁵² Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Аудиозапись, записано в 2000 г. в с. Вильгорт Чердынского района.

⁵³ ПермГАНИ. Ф. 200, оп. 1, д. 404, л. 79. Из Информационной сводки о ссылке в Коми-Пермяцком округе от 10 мая 1930 г.

⁵⁴ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Аудиозапись, записано в 2000 г. в пос. Ныроб.

⁵⁵ Там же. Записано в 2000 г. в с. Березовая Старица Чердынского района.

⁵⁶ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Аудиозапись, записано в 2000 г. в с. Вильгорт Чердынского района.

⁵⁷ ПермГАНИ. Ф. 200, оп. 1, д. 400, л. 23. Из протокола № 93 заседания бюро Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б), 27 июля 1931 г.

⁵⁸ Спецсводка № 3 СПО ОГПУ о состоянии кулацкой ссылки по Уральской области, не позднее 14 августа 1931 г. // История сталинского ГУЛАГа... С. 157–160.

⁵⁹ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 28475. Архивно-следственное дело Виштель Юлиана Антоновича. В 3 т.

⁶⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 3753, л. 12–15. Из протокола допроса от 19 мая 1938 г.

⁶¹ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 29093. Архивно-следственное дело Ясинского Яна Иосифовича.

⁶² ПермГАНИ. Ф. 231, оп. 1, д. 21, л. 155. Из протокола закрытого заседания бюро Сталинского РК ВКП(б) от 9 января 1938 г.

⁶³ ПермГАНИ. Ф. 231, оп. 1, д. 21, л. 33–53. Из «Списка лиц, уволенных с Пермского моторостроительного завода в 1936 г. по политическим мотивам». 1936 г. Сохранившийся в архиве список не полный, включает 306 чел., из них 45 чел. – за польское происхождение.

⁶⁴ «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. Пермь, 2006. С. 42–57.

⁶⁵ Директива НКВД № 266 от 03.07.1937 г. // Трагедия советской деревни: Документы и материалы. Т. 5. Кн. 1. М., 2004. С. 319.

⁶⁶ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 10114, л. 121–122. Протокол осмотра архивно-следственного дела № 975188 от 14.02.1956 г.

⁶⁷ Текст приказа.

⁶⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 257–277.

⁶⁹ Из Докладной записки УНКВД Свердловской области в НКВД СССР об окончании операции по антисоветским элементам, харбинцам, немцам и др., 11 декабря 1937 г. // История сталинского ГУЛАГа... С. 298–299.

⁷⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 17092, т. 3, л. 344–384. Из протокола судебного заседания, 21–23 августа 1939 г.

⁷¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 13317. Архивно-следственное дело Вольского Ф. Ф.

⁷² ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 13771, л. 27. Из справки по архивно-следственному делу № 796219 по обвинению бывших сотрудников Пермского НКВД.

⁷³ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 13467. Архивно-следственное дело Кочановского И. И.

⁷⁴ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 11903, т. 3, л. 128–129. Архивно-следственное дело Чехович.

⁷⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 11903, т. 3, л. 236. Из выписки из рапорта оперуполномоченного УНКВД Пермской области Васенева, 15.01.1939 г.

⁷⁶ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 10114, л. 106. Из протокола допроса от 26 мая 1955 г.

⁷⁷ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 13219, л. 166. Из протокола допроса Шахова Д. А. от 20 апреля 1940 г.

⁷⁸ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 12650, л. 66–67. Из протокола осмотра архивно-следственного дела № 975188 от 14 февраля 1955 г.

⁷⁹ ПермГАНИ. Ф. 231, оп. 1, д. 21, л. 155. Из протокола закрытого заседания бюро Сталинского РК ВКП(б) от 9 января 1938 г.

⁸⁰ Отец Т. Г. Кокочинской родился в г. Лодзи (Польша), а мать была белоруской.

⁸¹ Архив МЦИПР. Аудиоколлекция. Аудиозапись, записано в 2000 г. в г. Перми.

⁸² ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 5050, л. 2. Из письма Баторского Станислава Францевича в Польшу, 1941 г.

⁸³ Докладная записка начальника ОТП ГУЛАГ М. В. Конрадова наркому внутренних дел СССР Л. П. Берия о приеме и расселении спецпереселенцев-осадников из западных областей УССР и БССР по различным краям и областям СССР. Не ранее 2 апреля 1940 г. // История сталинского ГУЛАГа... С. 273.

⁸⁴ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург – Пермь, 2003. С. 356.

⁸⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4313, л. 14. Архивно-следственное дело Абсторского А. А.

⁸⁶ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 17971. Архивно-следственное дело Бервид Б. А.

⁸⁷ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4313, т. 2. Переписка, л. 92. Архивно-следственное дело Пашкевича Г. А.

- ⁸⁸ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 15466, л. 171. Архивно-следственное дело Барташевича Е. И.
- ⁸⁹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4311, л. 16(об.). Архивно-следственное дело Напора К. М.
- ⁹⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 5855, л. 3. Архивно-следственное дело Келлер В. А.
- ⁹¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4268.
- ⁹² ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 15466, л. 171.
- ⁹³ ПермГАНИ. Ф. 105, оп. 6, д. 116, л. 157–171. Материалы обследования населенных пунктов спецкадров 2-й категории по Молотовской области. 9 – 24 мая 1940 г.
- ⁹⁴ ПермГАНИ. Ф. 200, оп. 19, д. 120, л. 12. Из докладной записки... 1941 г.
- ⁹⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4313, л. 114–115. Архивно-следственное дело Бервид Б. А.
- ⁹⁶ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 4313, л. 104. Архивно-следственное дело Бервид Б. А.
- ⁹⁷ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 6203, л. 28.
- ⁹⁸ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 8574, л. 257 (об.).
- ⁹⁹ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 15466, л. 2.
- ¹⁰⁰ ПермГАНИ. Ф. 200, оп. 19, д. 244, л. 132–133. Из Постановления бюро Коми-Пермяцкого Окружкома ВКП(б). 1941 г.
- ¹⁰¹ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 23124, л. 18.
- ¹⁰² ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 12236, л. 14, 18.
- ¹⁰³ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 12236, л. 40.
- ¹⁰⁴ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 12237, л. 155.
- ¹⁰⁵ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 12236, л. 14.
- ¹⁰⁶ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 11231, л. 27–29.
- ¹⁰⁷ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 28549, л. 38 (об.).
- ¹⁰⁸ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 23927, л. 13 (об.).
- ¹⁰⁹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 9149.
- ¹¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 16324, л. 13.
- ¹¹¹ ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 12236. Приложение, л. 16. Из архивноследственного дела Врубеля А. И.
- ¹¹² ПермГАНИ. Ф. 61, оп. 29, д. 575, л. 41.
- ¹¹³ ПермГАНИ. Ф. 105, оп. 9, д. 488, л. 3–4.
- ¹¹⁴ ПермГАНИ. Ф. 105, оп. 12, д. 156, л. 43.

Глава III

Современные этнокультурные процессы

Кто они, пермские поляки XXI в.?

История поляков в Прикамье, как показано в предыдущих разделах нашей книги, насчитывает несколько столетий. Но и сегодня польское сообщество Пермского края реально встроено в современную этнокультурную ситуацию на территории и занимает определенное место в полиэтнической структуре региона.

Кто же они, современные пермские поляки? Большинство из них, причем именно те, кто считают себя поляками, владеют родным языком и соотносят себя с традициями польской этнической культуры, родились и выросли, как правило, за пределами Пермского края, в районах компактного проживания поляков в Западной Украине, Белоруссии, Литве, и поселились в Пермском крае в разные годы и по разным причинам. Их рассказы и размышления об истории своих семей наглядно иллюстрируют современное польское сообщество Прикамья: «Я родилась в [городе] Лиде, в Лидском районе Гродненской области Белоруссии. В Лиде поляков очень много. Мне кажется, как у нас в Барде татары, так и там поляки компактно проживают. А сюда меня муж привез, он русский. Мы не ссыльные поляки, мы сами приехали»¹.

«Я родилась в деревне Околица в 1929 г. Околица – это в Кличевском районе Могилевской области Белоруссии. В то время это была территория СССР. А в 1949 г., после войны, сюда приехали. После войны там было очень трудно. Родителей похоронила, замуж вышла – и приехали сюда из Белоруссии, из деревни»².

«Я в 1986 г. закончил Ленинградский университет и сюда приехал по распределению. Мои корни все польско-литовско-белорусские, с Западной Белоруссии»³.

«Мы жили недалеко от советской границы. Тогда это была Украина, Каменец-Подольская область, Антонинский район, село Волица Татарская. В 1936 г. нас выселили в Казахстан. Уже после войны я пошел учиться, на практику попал в город Чусовой, потом закончил Пермский университет и остался в Перми»⁴.

Второе поколение поляков, т. е. людей, родившихся уже в Прикамье, как, впрочем, и в других регионах России, вне территории компактного проживания соотечественников, как правило, значительно менее знакомо с основными компонентами этнической культуры и языка и хуже владеет ими, чем «первое» поколение, хотя иногда, даже в случае смешанных браков, еще сохраняет польскую идентичность. Важная роль в этом случае принадлежит семейным традициям, связям с польской родиной: «У меня отец поляк, бабушка и дед – поляки, мама – украинка. Они сюда, в Кунгур, по распределению попали. Меня на каникулы постоянно отправляли к бабушке на Украину. Бабушка в доме всегда говорила по-польски. Они меня и крестили. И крестный у меня из Польши. Я считаю себя больше поляком»⁵. Однако очень многие наши респонденты заявляли, что лишь отчасти соотносят себя с поляками: «Я прожил большую часть в России, считаю себя русским. Но мне страшно вообще-то говорить. Я люблю поляков, всё польское»⁶.

Значительную часть в Прикамье составляют те, кто имеют «польские корни», сохраняют «польское происхождение», однако в результате процессов аккультурации и ассимиляции или браков с представителями других этнических сообществ утратили признаки польской этничности и, как правило, осознают свою принадлежность к другому народу: «Бабушка у нас была полькой, дед – русский. Мама русской себя считала. И все считали себя русскими. Правда, мы

в детстве знали, что бабушка полька, что дед был немец. Но поляками себя никогда не ощущали»⁷; «В моей родословной есть польские корни. В домашнем архиве сохранилась фотография, сделанная около 1917 г. На ней изображена Марфа Исидоровна Пономарева, урожденная Логиновская... Я прихожусь Марфе Исидоровне правнучкой...»⁸; «У меня прадед – Антоний Карлович Гура, отец – Георгий Антонович. Мама – русская. Бабушка с маминой стороны православная. С отцовской стороны – поляки, католики. А отец, поскольку он родился в Воронеже, то его крестили в русской церкви. Но в 14 лет он был окрещен в католическом храме. Он сам. И кто вот он? Не католик, не православный – неизвестно кто. Ну, а я выросла в православной семье, считаю себя русской, но с польскими корнями»⁹. Однако в большинстве случаев потомки поляков сохраняют историческую память о своих польских корнях. Некоторые из них носят польские фамилии, осознают свою связь и сопричастность с польским народом. Этот факт значительно расширяет границы польского сообщества Прикамья, а значит, цифры официальной статистики количества поляков в регионе можно в несколько раз увеличить.

Для современного этнокультурного развития поляков в Пермском крае как никогда важным представляется вопрос этнической идентификации. Здесь существуют свои проблемы: иноэтническое окружение, дисперсное («рассеянное») расселение, длительное проживание в этнической среде значительно доминирующего, но родственного русского народа – все это приводит не только к высокой степени этнической адаптации, но и порождает сложности в проявлении этнического отличия от русских в результате активных процессов аккультурации и ассимиляции. Поляки в этом отношении сродни другим славянским народам Пермского края – белорусам и украинцам, также достаточно быстро вливающимся в этнокультурную среду русского народа.

Какое же место в структуре польского этноса занимают пермские поляки, столь разные по судьбе и характеру, по разным причинам оказавшиеся в Прикамье и по-разному идентифицирующие себя, по-разному сохраняющие черты польской этнической культуры?

Поляки Пермского края, как и многих регионов России, – этническое меньшинство, возникшее, в преобладающих случаях, в результате многолетних миграционных процессов, как добровольных, так и насильственных. С этой точки зрения анклавы поляков на территории России могут расцениваться как образования иммигрантского происхождения¹⁰. Однако именно исторический фактор, длительность проживания и постоянный миграционный приток на протяжении последних двух столетий значительно отличает польское сообщество Пермского края от более чем сотни сообществ других народов, за исключением традиционно проживающих в регионе, и сближает его с еврейским и немецким сообществами. В этнологии, как и других смежных научных дисциплинах, для обозначения феномена проживания народа вне его исторической родины чаще всего используется термин «диаспора». В то же время в науке нет единого подхода и единого определения этого явления, что обуславливает и различное прочтение употребляемого термина. Часто под диаспорой понимается лишь пребывание части народа вне исторической территории расселения этноса: «Диаспора (от греч. *diaspora* – рассеяние) – пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны ее происхождения»¹¹; «Диаспора – расселение части этноса или этносов за пределы исторически сформировавшихся собственных государственных образований и их проживание в иных регионах»¹². В современных исследованиях звучат и другие аспекты в определении диаспоры: «Диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной национальной общности»¹³. В то же время исследователи отмечают необходимость учета того, что «диаспора – это не часть одного народа, живущего среди другого, а такая этническая общность, которая имеет, сохраняет, поддерживает и развивает такие отличитель-

ные черты национальной самобытности, как язык, культура, сознание. Более того, диаспора обязательно имеет некоторые организационные формы своего функционирования, наделена внутренним импульсом, потребностью к самосохранению. Наличие некоего психологического стержня, будь то национальная идея, историческая память, религиозные убеждения и другое, что позволяет сохранить этническую общность, не дает возможности раствориться в иноэтнической среде, является субъективным фактором устойчивости диаспоры»¹⁴. Сегодня этнические диаспоры представляют сетевую транснациональную форму существования этнических сообществ в современном мире¹⁵.

Польская диаспора при этом обладает рядом черт, выделяющих ее среди других диаспоральных сообществ региона. Достаточно сложно провести четкие как территориальные, этнические, так и конфессиональные границы диаспоры. Дисперсное расселение по всей территории Пермского края с достаточной долей условности позволяет выделить территориальное ядро диаспоры – им является г. Пермь, где польское население преобладает по численности (35,2 % от числа всех поляков Прикамья) и имеет свои организационные структуры (Пермский центр польской культуры, католический храм). В то же время поляки на периферии, хотя и составляют 64,8 % диаспоры, почти не включены в консолидационные процессы, не представлены в организационных формах и не заметны в современной национально-культурной жизни региона.

Вышеприведенные примеры показывают размытость этнических границ, что обусловлено сложной и многоплановой структурой этнического самосознания, двойственной идентичностью, существенной аккультурацией и ассимиляцией.

Условность границ делает польскую диаспору предельно открытой, не только расположенной к диалогу с другими сообществами, но и готовой принимать в свою среду этнических соседей – русских, украинцев, белорусов.

Польская диаспора региона достаточно хорошо адаптирована к современной этнокультурной и социально-экономической ситуации в регионе. Однако этнический ресурс диаспоры не востребован для решения политических и социально-экономических проблем. Главным при образовании и функционировании Пермского центра польской культуры является деятельность, связанная прежде всего со сферами образования и культуры, а также взаимодействие Пермского центра с польскими центрами других регионов и польскими государственными и общественными организациями.

Для любой этнической общности, тем более находящейся в иноэтническом окружении, равно важны как восприятие ее окружающими, так и собственное позиционирование среди местного регионального сообщества. И внутренний, и внешний региональные тексты пермских поляков отчасти совпадают, так что это сообщество вполне можно считать сформировавшимся и достаточно устойчивым. Для формирования регионального самосознания и общественного признания диаспорой сделано очень многое. Важными шагами в этом направлении можно считать создание и деятельность Пермского центра польской культуры, стремление ее лидеров к презентации своей культуры среди жителей Перми и края, создание положительного имиджа польского сообщества в регионе.

«Польский» текст Прикамья имеет глубокий исторический контекст и связан, в первую очередь, с интерпретацией и осмыслением истории «польского присутствия» в регионе.

В современной топографии Перми несколько мест неразрывны в общественном сознании с понятием «польский». Это, прежде всего, католический храм, называемый в городе не иначе как костел – на польский манер. Сегодня в этом усматривается скорее исторический контекст, так как в настоящее время костел, с его многонациональным приходом, является не только польским, а просто католическим храмом, и сами поляки уже не составляют значительно доминирующую часть его прихожан. По праву «польским» может называться и участок Егошихинского кладбища с могилами католиков-поляков. Другая «польская» точка на

карте миллионного города – Пермский центр польской культуры и воскресная школа, располагающиеся во Дворце творчества юных. Легендарная библиотека ссыльных поляков составляет гордость краевой библиотеки им. А. М. Горького. Исторический центр города наполнен сохранившимися зданиями, построенными по проектам архитекторов-поляков А. Б. Турчевича, Р. И. Карвовского. Как видим, пермское пространство достаточно плотно наполнено «польским».

Тему «польского присутствия» в регионе активно разрабатывают пермские историки и краеведы. Благодаря их стараниям в крае сложился в целом положительный образ пермского поляка. Первой темой, к изучению которой обратились в советские годы, была польская ссылка XIX в. Это не удивительно: многие другие темы польской истории региона раскрыть в то время было бы невозможно. Эта тема и сегодня остается в поле внимания историков и краеведов. Образ ссыльных поляков, «мучеников польского дела», закрепился в общественном сознании, он по-прежнему является устойчивым и доминирующим.

Однако пермская ссылка – это лишь одна из тем «польского присутствия», одна из многих и многих страниц польской истории Пермского края. Устойчивое мнение и стереотипы ссыльных поляков приносят пермской диаспоре определенные дивиденды. Пермские поляки хорошо усвоили этот образ, хотя сегодня большую их часть все-таки составляют те, чья судьба связана с событиями истории уже XX в.

Не менее значимым фактом «польского присутствия» является тот вклад, который внесли представители польского народа в историю и культуру Пермского Прикамья. Использование этого наследия также позволяет сегодня пермской Полонии выстраивать целую серию культурных акций, связанных с вкладом поляков в историю и культуру региона, поддерживать свой имидж в пермском сообществе.

В обычной жизни встретить и выделить триста поляков из числа миллионного населения краевого центра почти невозможно. Однако в общественном мнении уже сложился благоприятный образ поляков, уважительное отношение к их истории и культуре и уже совместной с пермяками истории города и края. Это подчеркивает реальность их присутствия в пространстве и сообществе города.

Несколько отличаются образы польского присутствия в других центрах Пермского края, и, хотя более 60 % от численности польского населения живет в других городах и территориях Прикамья, они остаются слабо включенными в процессы общественной жизни Полонии, и польская тематика еще слабо звучит в культурной жизни Чердыни, Соликамска и на других периферийных территориях. Польская тема только начинает звучать в Кунгуре.

Поляки в России и Прикамье по переписи 2002 г.

Наиболее полные и объективные данные о количественном составе и расселении поляков в России и, в частности, в Пермском крае дают материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. Согласно этим материалам численность польского населения в стране составила 73 001 чел., в то время как в 1989 г. составляла 94 600 чел. Тем самым можно отметить общее демографическое снижение в России численности поляков – на 21 599 чел. (22,8 %). Такие показатели обусловлены общим демографическим снижением численности населения нашей страны, кроме того, определенную роль в снижении численности польского населения сыграли миграционные и ассимиляционные процессы. Большая часть поляков в Российской Федерации представлена городским населением – 56 050 чел. (76,8 %), в сельской местности проживают 16 951 чел. (23,2 %). На владение польским языком на территории РФ указали 94 038 человек¹⁶.

В Пермской области (ныне Пермский край) численность поляков за это же время (1989–2002) сократилась с 1183 до 742 чел., или на 37,3 %. Доля польского населения в общей численности жителей области также сократилась с 0,4 до 0,3 %.

Таблица № 3.1

Польское население Пермской области по данным переписей 1989 и 2002 гг.

По Всероссийской переписи населения 1989 г., чел.	По Всероссийской переписи населения 2002 г., чел.	Доля в общей численности жителей Пермской области (по указанным годам, в процентах)		Численность отмеченных в 2002 г. по отношению к 1989 г. (в процентах)
1 183	742	0,04	0,03	62,7

Таблица № 3.2

Распределение сельского и городского населения Пермской области по данным переписи 2002 г.

	Мужчины, чел.	Женщины, чел.	Лица обоего пола, чел. (%)
Городское население	272	324	596 (80,3)
Сельское население	82	64	146 (19,7)
Общая численность	354	388	742 (100)

Таблица № 3.3

Численность поляков в районах Пермской области по данным переписи 2002 г.

	Мужчины	Женщины	Оба пола
г. Пермь и подчиненные ему населенные пункты	111	150	261
г. Александровск и подчиненные ему населенные пункты	5	7	12
г. Березники и подчиненные ему населенные пункты	26	39	65
г. Гремячинск и подчиненные ему населенные пункты	7	4	11
г. Губаха и подчиненные ему населенные пункты	11	9	20
г. Добрянка и подчиненные ему населенные пункты	9	9	18
г. Кизел и подчиненные ему населенные пункты	9	6	15
г. Краснокамск и подчиненные ему населенные пункты	12	16	28
г. Кунгур	11	7	18
г. Лысьва и подчиненные ему населенные пункты	9	9	18
г. Соликамск	18	20	38
г. Чайковский и подчиненные ему населенные пункты	16	15	31
г. Чусовой и подчиненные ему населенные пункты	6	4	10

	Мужчины	Женщины	Оба пола
Бардымский район	—	—	—
Березовский район	—	—	—
Большесосновский район	2	1	3
Верещагинский район	2	4	6
Горнозаводский район	4	7	11
Еловский район	1	1	2
Ильинский район	2	2	4
Карагайский район	2	—	2
Кишертский район	1	2	3
Красновишерский район	4	10	14
Кудинский район	—	2	2
Кунгурский район	1	2	3
Нытвенский район	5	4	9
Октябрьский район	2	2	4
Ординский район	—	—	—
Осинский район	—	1	1
Оханский район	4	—	4
Очерский район	4	3	7
Пермский район	11	9	20
Сивинский район	—	—	—

Соликамский район	6	6	12
Суксунский район	2	—	2
Уинский район	2	—	2
Усольский район	2	1	3
Частинский район	—	—	—
Чердынский район	16	9	25
Чернушинский район	3	2	5
Коми-Пермяцкий автономный округ	24	24	48
Всего в Пермской области	350	387	737 (100%)
из них: городского населения	250	295	545 (73,4%)
сельского населения	100	92	192 (25,9%)
Временно находящиеся на территории Пермской области	4	1	5 (0,7%)
Всего	354	388	742

Значительное большинство поляков Прикамья представлено городскими жителями, они составляют более 80 %¹⁷, причем соотношение мужчин и женщин примерно равно. Среди польского населения территории края женщин – 388 чел. (53 %), мужчин – 354 чел. (47 %). В сельской местности незначительно преобладает мужское население, в городской же среде можно отметить некоторое преобладание женской части населения.

Таблица № 3.4

Численность поляков в Поволжье и на Урале по данным переписи 2002 г.¹⁸

Субъект РФ	Численность поляков, чел.
Приволжский федеральный округ	7 326
Республика Башкортостан	660
Республика Марий Эл	105
Республика Мордовия	101
Республика Татарстан	620
Удмуртская Республика	333
Чувашская Республика	135
Кировская область	315
Нижегородская область	615
Оренбургская область	803
Пензенская область	223
Пермская область	742
в т.ч. Коми-Пермяцкий АО	48
Самарская область	1 263
Саратовская область	1 039
Ульяновская область	372
Уральский федеральный округ	7 704
Курганская область	420
Свердловская область	2 147
Тюменская область	3 427
в т.ч. Ханты-Мансийский АО — Югра	1 884
Ямало-Ненецкий АО	742
Челябинская область	1 710

На территории Пермской области наибольшая численность жителей из состава всего польского населения Прикамья в те же годы зафиксирована в городах: Пермь – 261 чел. (35,2 % от числа всех поляков области), Березники – 65 чел. (8,8 %), Соликамск – 38 чел. (5,1 %), Чайковский – 31 чел. (4,2 %), Краснокамск – 28 чел. (3,8 %). В административных районах Пермской области наибольшая численность поляков указана в Чердынском – 25 чел. (3,4 %), Пермском – 20 чел. (2,7 %), Красновишерском – 14 (1,9 %) районах. Всего 48 поляков проживают в шести районах и городах Коми-Пермяцкого округа. В некоторых сельских районах, таких как Ординский, Сивинский, Березовский, Бардымский, проживание поляков не отмечено.

По численности польского населения Пермская область в 2002 г. занимала четвертое место среди субъектов Приволжского федерального округа, уступая по численности более южным Оренбургской, Самарской и Саратовской областям. Из общей численности поляков в Приволжском федеральном округе (7326 чел.) чуть более 10 % (742 чел.) проживало в Пермской области. В составе историко-этнографического Уральского региона Прикамье занимает одно из последних мест по числу поляков и значительно уступает таким территориям, как Тюменская, Свердловская, Челябинская, Оренбургская области, но опережает Курганскую область, Республики Башкортостан и Удмуртия.

Этноязыковые процессы

Важным показателем сохранения этничности, степени адаптации в иноэтническом окружении и межэтнической коммуникации является владение как родным языком, так и языками соседних народов. К сожалению, мы не располагаем точными статистическими сведениями о владении поляками родным языком в пределах Пермского края, однако с уверенностью можно говорить, что эти данные отражают общероссийскую тенденцию. В 1989 г. среди 94,6 тыс. поляков Российской Федерации только 30,5 % назвали польский язык родным¹⁹. Данные о владении родными языками по переписи 2002 г. в целом по России не опубликованы.

Среди поляков, проживающих в Пермском крае, свободное владение всеми компонентами родного языка (аудирование, говорение, чтение, письмо) демонстрирует, как правило, лишь «первое» поколение, выросшее в польской этнокультурной среде в Западной Белоруссии, Украине, Литве, Польше: «Я родилась в Лиде, в Белоруссии. В семье говорили по-польски. Когда я пришла в первый класс, то не умела говорить по-русски, говорила по-польски... И сейчас с польским проблем нет»²⁰. Однако отсутствие постоянной языковой практики в иноязычной и инокультурной среде даже у «первого» поколения часто приводит к трудностям в общении на родном языке: «Я по-польски начинала говорить, я и сейчас польский понимаю. Но мне говорить тяжело, потому что много лет не говорила на польском. А понимать я его понимаю»²¹. В то же время второе и третье поколение поляков, для которых Прикамье стало родиной, как правило, уже слабо владеют польским языком: «Я ведь плохо знаю польский язык, почти не знаю. Отец – тот хорошо знал польский. Мне запомнилось, как я начинала изучать родной язык и попыталась на нем разговаривать... Только начну говорить – отец в хохот. Я один раз заметила – хохочет, второй раз... Обиделась. Говорю: “Не буду учить!”. Так и не выучила. А дома в Перми по-польски не разговаривали»²²; «У меня проблемы с польским языком. Дома по-польски не разговаривали, особенно когда отца арестовали. Потом узнали, что отец реабилитирован, мама обрадовалась. Но к тому времени она уже перестала говорить по-польски. Она настолько была растеряна всей этой жизнью... Да ей и не с кем было говорить. Когда случалось немножко послабление в жизни, она иногда пела по-польски»²³; «Мама польский язык не знала. А вот бабушка иногда пела нам песни на польском языке, рассказывала сказки. Сказки рассказывала и на русском языке. Для нее русский язык тоже стал родным языком. Может быть, она и думала на русском языке...»²⁴.

Следует констатировать, что в настоящее время в Перми почти отсутствует языковая среда, способствующая сохранению языковой компетенции и полноценному общению на родном языке. Большинство наших информаторов отмечали, что предпочитают общаться и большей частью общаются на русском языке. В семейных коллективах, среди которых преобладают смешанные семьи, общение также, за редким исключением, происходит на русском языке. Единичны примеры, когда в смешанных, да и в чисто польских семьях дети естественным образом овладевают некоторыми навыками польского языка: «С детьми я стараюсь говорить по-польски. Маленький уже всё понимает, а старший хорошо владеет польским языком...»²⁵.

Быстрой языковой адаптации и отказу от родного языка в Прикамье способствуют также и изначальный билингвизм большей части мигрантов, владение ими основными компонентами русского языка, а также быстрое усвоение русского языка благодаря его родственности с польским.

Одним из традиционных мест общения на родном языке для поляков Прикамья были католическая община и храм. И сегодня там сохраняется большая вероятность услышать польскую речь. Традиционно католические священники пермского костела – поляки, прекрасно

владеющие родным языком. Однако, по экспертной оценке, среди общины храма, насчитывающей более сотни человек, свободно владеют польским около десятка прихожан («У нас в костеле есть такие, которые стараются говорить на польском, но их немного, человек семь-восемь»). Такая ситуация также значительно снижает возможность использования языка как в общении, так и в богослужении. Сегодня в храме богослужение в некоторые дни ведется на польском языке, кроме того, на польском, как и на языках других прихожан (немецком, словацком и др.), произносятся отдельные молитвы во время праздничных и будничных служб.

Несомненно, в Прикамье, с преобладающим русским населением, сферы применения польского языка всегда были ограничены семейным коллективом, религиозной и этнической общиной. В советское время сферы применения родного языка еще более сузились, «польский язык вызывал не только нездоровый интерес», но исчезла возможность общаться на родном языке в храме в связи с его закрытием.

Одной из традиционных сфер применения польского языка его носителями было чтение на родном языке. Литература на польском языке есть в домашних библиотеках. В краевой библиотеке сохранились книги из собраний ссыльных поляков. Обращение к литературе помогает как восстанавливать навыки владения родным языком, так и учить его вновь: «Когда я в университете учился, я пошел в «Горьковскую» библиотеку. Здесь много литературы бывших ссыльных поляков. Я там взял книги на польском. Сначала с трудом читал. Запас-то небольшой был – только в детстве разговаривали по-польски. Потом постепенно больше, больше. Прочитал одну часть книги, вторую – и так дальше, дальше пошло»²⁶. Многие поляки, как в прошлом, так и в настоящем, выписывают и приобретают журналы на польском языке. Сегодня распространение журналов и знакомство с литературой происходит не только в библиотеках, но также и в храме, местной Полонии. В 1990-е гг. произошел особый всплеск интереса к языку. Сегодня ситуация стабилизировалась, но, тем не менее, в последние годы в Прикамье актуально обучение польскому языку и изучение его. Связано это как с ростом этнического самосознания, так и с желанием позиционировать себя с польским сообществом со стороны тех, кто, имея польские корни, не владеет основными компонентами языка и этнической культуры. Потребность в польском вызвана и увеличивающимися культурными связями с Польшей. Курсы польского проводятся в рамках деятельности Пермского центра. Овладение основными навыками польского языка в случае необходимости, особенно среди молодого поколения, происходит достаточно быстро, в первую очередь по причине родственности славянских языков, а также благодаря возможности обучаться и получать языковую практику в Польше, – такая возможность предоставляется общественными и государственными организациями поляков в России и Польше.

Пермские поляки, выросшие большей частью в полиэтнической среде Западной Белоруссии, Украины, Литвы, демонстрируют высокую языковую компетентность. Они владеют не только родным и русским языком, но и языками соседних народов (литовцев, белорусов, украинцев) и способны использовать эти языки в различных ситуациях: «В детстве по-польски разговаривали дома. Дедушки, бабушки – все по-польски. Потом в Казахстане мы перешли на украинский язык. Потому что польский язык вызывал нездоровый интерес. Здесь, в Перми, стали говорить только по-русски...»²⁷; «В храме на службе польско-русско-украинская бабушка. Всеми тремя языками она владеет одинаково хорошо...»²⁸.

Однако сфера знания и использования польского языка в Пермском крае несколько шире, нежели в границах польского сообщества. Знание польского показывают и представители других народов, прежде всего выходцы из районов Литвы, Западной Украины, Западной Белоруссии (белорусы, украинцы, русские, литовцы). Кроме того, польским языком владеет определенная часть студентов филологических факультетов Пермского государственного университета и Пермского государственного педагогического университета, прошедших специа-

лизацию по славянским языкам. Этим можно объяснить тот факт, что по переписи 2002 г. на владение польским языком указало 1089 человек, в то время как численность поляков составила 742 человека²⁹. Возможно, что определенную часть из первого указанного выше числа составили потомки поляков, владеющие языком, однако идентифицирующие себя русскими, украинцами, белорусами.

Таким образом, в целом для польского сообщества в Прикамье более характерным является знание русского языка и коммуникация на этом языке, чем знание польского. Определяющими при характере функционирования родного языка в регионе были несколько факторов: дисперсность расселения и необходимость активных контактов с окружающим инокультурным сообществом; языковое родство, способствующее быстрому усвоению норм русского языка; отсутствие системы образования на родном языке.

Этноконфессиональные процессы

Как в прошлом, так и настоящем времени религиозный фактор, конфессиональная принадлежность остается важным для осознания своей этничности у поляков. Религиозная жизнь и наличие конфессиональной общины расценивалось как необходимое условие благоприятного места проживания. О важности этого говорят размышления наших информаторов: «Еще когда я сюда приехала, мама плакала: “Ах, Матка Боска, куда-то на Урал! Там даже храма нет”³⁰. В Прикамье советского периода, действительно, длительное время не было возможности открыто исповедовать католичество. Конфессиональные традиции сохранялись только в семьях, особенно представителями старшего поколения, и на уровне семейных традиций передавались молодому поколению. О существовании организованных католических общин поляков либо общин с большим числом польского населения в 1950 – 1980-е гг. нам неизвестно. Но зафиксированы рассказы о том, что «...в последние десятилетия [минувшего века], когда в Перми еще не был заново открыт католический храм, люди приходили на могилу отца Антония Шостаковского (Егошихинское кладбище), первого настоятеля пермского католического прихода. Да, ходили к его надгробию и там исповедовались...»³¹.

В самом конце XX в. конфессиональная жизнь народов Прикамья значительно активизировалась. Поляки не остались в стороне от процессов возрождения и организации религиозных общин. Становление католической общины г. Перми происходило в начале 1990-х гг. В 1993 г. местные власти разрешили использовать для проведения служб сохранившееся в городе здание католического храма, в этом же году официально была зарегистрирована католическая община³². Первое богослужение в католическом храме после длительного перерыва прошло 17 октября 1993 г.³³ Постановлением главы администрации г. Перми от 10 мая 1994 г. здание храма было передано римско-католической религиозной общине церкви Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии³⁴.

Хотя в осознании пермяков, как мы уже отмечали, католический храм города остается «польским костелом» и с храмом тесно сотрудничает прежде всего Пермский центр польской культуры, однако конфессиональная католическая община сегодня уже не имеет характерных в прошлом этнических границ. В отличие от ситуации XIX – начала XX в., когда в составе католической общины г. Перми заметно преобладали поляки, а, кроме того, были представлены немцы, венгры, итальянцы, в настоящее время этнический состав конфессиональной общины более сложен. Среди прихожан, по экспертным оценкам, есть поляки, белорусы, украинцы, немцы, литовцы, русские и др. Значительно число представителей тех народов, для которых католичество не является традиционным. При этом достаточно сложно определить соотношение различных этнических групп. По мнению первого настоятеля храма отца Анджея Гжибовского, на рубеже XX–XXI вв. из общего числа прихожан, а это примерно 300 человек, «по национальному составу наш приход на 30 процентов составляли поляки и на 30 процентов – немцы. Остальные – украинцы, литовцы, белорусы, русские»³⁵. Изменения в этническом составе конфессиональной общины наблюдались и на протяжении 1990-х – в начале 2000-х гг. Для этого периода характерна тенденция к уменьшению числа представителей тех народов, которые традиционно принадлежали к католикам, в том числе поляков, немцев, белорусов и др., и одновременному увеличению числа русских прихожан. Настоятель католического храма г. Перми отец Казимир Шалай в 2005 г. так оценивал соотношение представителей различных этнических сообществ, отмечая значительное преобладание русских прихожан: «Если по-польски, то мы должны учитывать только тех, кто ходит в храм каждое воскресенье. Таких немного. Но есть люди, которые, хоть и не могут регулярно посещать храм, но считают себя верующими. Недавно, например, приезжала женщина из Суксуна. Так что я считаю по-русски

– то есть учитываю тех, кто крестился и, пусть и нерегулярно, но посещает церковь. Всего их около двух тысяч человек. В основном русские, причем у них не обязательно есть польские, литовские или украинские корни»³⁶. Всего численность поляков в составе прихода в настоящее время насчитывает около трех десятков человек. Особенностью пермской католической общины является окормление прихода с возобновлением богослужения священниками-поляками (о. Анджей Гжибовский, о. Казимир Шалай, о. Петр Зимнах), что также поддерживает «польскую» традицию пермского храма. Большая часть богослужений сегодня проходит на русском языке, хотя в некоторые дни, как уже упоминалось, совершаются службы на польском и немецком.

Вторая католическая община Пермского края действует в г. Березники, ее возглавляет священник из Германии. Основной состав прихода составляют немцы и русские.

Другой, противоположной тенденцией в современной конфессиональной жизни поляков является распространение в их среде православия. Православными часто выступают представители второго и третьего поколения, значительно их число в случае смешанных браков поляков с русскими, украинцами, белорусами. (Впрочем, известны примеры и выбора католического вероисповедания детьми при смешанных русско-польских браках.)

Таким образом, современная конфессиональная ситуация характеризуется более сложным соотношением религиозных и этнических сообществ. Конфессиональная принадлежность не совпадает с этнической, и этнические границы конфессиональных сообществ весьма условны. Пермские поляки в большинстве своем хотя и сохраняют католичество, однако уже не образуют замкнутых, с четко очерченными этническими границами конфессиональных общин.

Особенности этнокультурного развития

Этническая культура любого народа – явление многогранное и многокомпонентное. В условиях отрыва от родины и дисперсного проживания далеко не все элементы этнической культуры транслируются в инокультурной среде. Пермские поляки, помимо своего языка, а также этнического и конфессионального самосознания, до настоящего времени сохранили некоторые элементы этнической культуры. Наибольшая устойчивость и сохранность особо характерна для некоторых элементов традиционной кухни и праздничной культуры.

При дисперсном характере расселения передача и сохранение этнических традиций могут быть воспроизводимы лишь в семейных коллективах и конфессиональном сообществе. Как никогда важными становятся исторический контекст, обращение к знаниям этнокультурных традиций старшего поколения. Кроме реально функционирующих и транслирующихся элементов этнической культуры, важное место в польском сообществе занимают воспоминания и рассказы о том, что было в районах традиционного и компактного проживания поляков, на «той», прежней родине. Особенно часто к такой исторической памяти апеллирует первое поколение мигрантов. Поэтому многие этнокультурные традиции становятся известны молодому поколению лишь исключительно на основе рассказов старших или исторических преданий. Однако и эти воспоминания служат важным элементом культурной традиции, механизмом передачи информации, которая все же сохраняется, пусть и в пассивном бытовании. Такое «пассивное» бытование элементов этнической культуры в целом характерно для миграционных сообществ, выходцев из среды компактного и традиционного расселения народа.

Важными символами этничности становятся вышедшие из бытования, привезенные «с родины», но бережно сохраняемые и передаваемые предметы культуры и быта. Так, в одной из польских семей г. Перми хранится традиционная вышитая женская рубашка, привезенная предками из-под Белостока. В другой семье сохранилась коллекция тканых узорных полотенец из г. Лида Гродненской области Белоруссии – на память о родине, об ушедших поколениях. Напоминанием о прошлом служат и богатые семейные архивы, включающие документы и фотографии предков.

В условиях, когда не удалось в полной мере сохранить комплексы и элементы этнической культуры и невозможно воспроизвести их, важное значение приобретает распространение вторичных форм традиционной национальной культуры. Сегодня польское сообщество реконструирует эти элементы, основываясь на современных представлениях о наиболее ярких и характерных чертах польской традиции (особенно в настоящее время – например, это приобретение и изготовление сценических костюмов, элементов праздничной культуры и т. д.).

Важным элементом национальной культуры для пермских поляков остаются традиционные **народные праздники**. Среди иноэтнического окружения поддержание праздничной традиции является существенным фактором консолидации местной диаспоры, положительной идентификации представителей польского населения. Многие элементы праздничной обрядности сохраняются прежде всего в семейной традиции. Особенно актуально это было в советские годы, когда запрещались любые ритуалы. Поддержание народных обычаев в то время было возможно только в семье. Значимость семейной традиции подчеркивают сами представители этноса: «Мы всегда – Пасха ли, Рождество, – всегда семьей собирались. Мама воспитана в советское время, она не верующая, но и не препятствовала»³⁷. Проведение традиционных польских праздников связано также с функционированием религиозной общины, а в последние годы – с деятельностью пермской Полонии.

Традиционные народные праздники поляков основаны на древних представлениях о мире и на более поздних религиозных христианских канонах и датах католического мессы. Они отражают особенности исторического развития народа, межэтнического взаи-

модействия. Одни пермские поляки, мигранты первого поколения, помнят, как отмечались праздники в течение XX столетия на территории Украины, Прибалтики, в Польше или Белоруссии, другие – как это происходило в Пермском крае. При проведении праздничных ритуалов на современном этапе поляки стараются соответствовать как религиозным канонам, так и локальным польским традициям их малой родины. Неизбежно и появление новых элементов, которые связаны с историческими изменениями, с условиями проживания в городской среде.

Проживая среди православного населения, некоторые поляки-католики исполняли ритуальные традиции по православному календарю. В этом случае менялись лишь даты, а обрядность оставалась прежней: «Пасха была православная, но у нее (мамы) всё по-польски было сделано. Так-то не с кем было общаться... И она в православную Пасху делала стол по-польски»³⁸. В случае межэтнического брака Пасха могла отмечаться как по православной, так и католической традиции: «В православную Пасху <...> к свекрови ходим, она стол накрывает, куличи свои печет традиционные»³⁹.

Пермские поляки называют следующие наиболее значимые для них праздники: *Вигилия* – Сочельник (24 декабря), Рождество (25 декабря), Новый год (1 января), Богоявление – Крещение (6 января), Масленица, Пасха, *Смигус-Дынкус* – «Мокрый понедельник», или *Обливайки*, Зеленые Святки, или день Сошествия Святого Духа, День Всех Святых (1 ноября), *Анджейки* – день святого Анджея (Андрея) (30 ноября), *Миколайки* – день святого Миколая (Николая) (6 декабря).

Рождество – *Boże Narodzenie* – один из главных в году календарных праздников у поляков. Как и другие католики, они отмечают его 25 декабря. Рождество пермские поляки обычно отмечают в семейном кругу. Вечер 24 декабря, накануне праздника, назывался Сочельник, или, по-польски, – *Вигилия* (*Vigilia*). В этот день семья собиралась за постным рождественским ужином. Под скатерть подкладывали солому, чтобы обеспечить урожайность и достаток в следующем году. На стол было принято подавать 12 постных блюд. Важным ритуалом рождественского застолья было преломление хлеба, которое совершалось либо в храме, либо во время семейной рождественской трапезы. Каждый сидящий за столом должен был поделиться хлебом с сотрапезниками, что символизировало единение и общность доли. Сегодня чаще всего преломляют «облатки», которые берут в костеле или получают от родственников из Польши. Преломление хлеба совершается и во время праздничной трапезы в костеле. На Рождество было принято развешивать снопы для счастья и благополучия в доме. Значительное место в празднике было отведено церковным службам, которые старались посещать всей семьей. Пермские поляки посещают в Рождество католический храм города. Храм к празднику украшен особо ветвями и деревцами ели. Всегда в храме устраивается вертеп, раскрывающий события евангельской истории рождения Христа.

На рождественские и новогодние праздники принято было ставить и украшать в доме елки. Некоторые устанавливали елку и во времена запретов: «Даже елки не разрешали ставить. Каким-то образом мама добывала елочки, наряжали самодельными игрушками, конфетками. А если мандаринка была – вообще счастье»⁴⁰. Для украшения дома и елки, по воспоминаниям Е. Г. Гура, в их семье использовали цельную яичную скорлупу, расписывали ее, изготавливали из нее разнообразные игрушки: «Отец был выдумщик всегда. Придумывал всякие вещи. Из яичных скорлуп: с одной стороны яйца проделывалась дырочка, с другой стороны дырочка, в эту дырочку выдували содержимое; потом пустую, но целую скорлупку оформляли. Например, можно сделать всевозможных клоунов... Отец рисовал им мордочки»⁴¹.

В польских селах Украины и Белоруссии с рождественскими и новогодними праздниками был связан обычай колядования: «А когда я была в деревне у родственников по отцовской линии, там ходили, колядовали. Я не ходила, только помню этих ряженных, которые под окном пели. Потом пускали их в дом, подавали что-то. У них был мешок. Им давали кусок мяса, хлеб.

То есть со стола то, что было»⁴². Традиция колядования не сохранилась у поляков Прикамья, хотя, когда разговор заходит о праздничной культуре, об этом обряде непременно вспоминает старшее поколение. Колядование является одним из обычаев, условная реконструкция которого совершается сегодня в Полонии: «Я помню, как пан Евгениуш одевался медведем, я была гвядзонош, то есть тем, кто несет звезду, я надевала колпак... А Лиза была козой, просила у ксендза Анджея копеечку...»⁴³.

Праздник Рождества имел точную дату проведения, пусть отличную от русского, православного Рождества, и выступал как один из наиболее значимых символов польского народного календаря в условиях оторванности от родины.

Вторым большим праздником народного календаря поляков Прикамья остается Пасха, Великая ночь – *Pascha, Wielkanoc*. Однако в иноэтнической среде, в условиях запрета на проявления религиозности достаточно сложно было определить изменяющуюся дату проведения этого праздника, поэтому его либо не проводили, либо приурочивали пасхальные торжества к православной Пасхе, либо отмечали за неделю до русской Пасхи: «У меня тетка, полька, в Ильинском жила, она Рождество всегда отмечала. Она всегда знала, в какой день Рождество. А Пасху она не могла отмечать, она не знала, в какой день в текущем году Пасха по-польски. И спросить некого – она одна полька на все село. Она учительницей работала, давно, еще до революции, в Россию приехала»⁴⁴.

За неделю до праздника Пасхи отмечается Пальмовое, или Вербное воскресенье, к которому принято готовить букеты из искусственных цветов и веточек вербы и освящать их в храме. В пасхальной обрядности важное место занимали посещение храма, освящение пасхальных блюд, праздничные застолья в кругу семьи. К празднику готовились заранее. Накануне красили яйца. «Собирается огромное количество яиц. Их не едят до Пасхи. А к Пасхе их красят. Красили традиционно в луковой шелухе. Но дети по-другому украшают: переводными картинками, или писанки делают фломастерами... Я люблю банально крашеные. Беру белые яйца, желтоватые и темно-коричневые. Крашу их, они получаются разных цветов. Симпатичные и экологически чистые.

<...> У нас есть специальная корзиночка. Ее выстилаем салфеткой какой-нибудь рукодельной. Кладем всего понемножку: яйца, хлеб, соль. Все это укладываем очень красиво, даже изысканно»⁴⁵; «Когда была Пасха, она [мама] делала настоящую Пасху. Овес сеяла заранее, потом всходы размещала в блюде большом, в вазе, потом туда – яички крашеные. Так красиво! И такие куличики делала – просто загляденье. Поэтому пасхальный стол был очень красивый, очень интересное оформление»⁴⁶.

В Польше традиция крашения яиц – древняя. Известны разные способы изготовления крашенок и писанок с использованием как натуральных, так и искусственных красителей⁴⁷. Традиция окрашивания яиц к Пасхе в красный цвет отваром луковой шелухи либо в разные цвета различными красителями сохраняется в польском сообществе. Писанки также можно встретить у пермских поляков, однако обычно – как подарок от польских родственников. Один из обязательных атрибутов праздника – это украшение пасхального стола. Крашеные яйца, как уже указано выше, складывают в корзиночку, украшают ее рукоделием, цветами, веточками зелени. Готовят также творожную пасху, пекут куличики и другие праздничные блюда. Пасхальные продукты освящают в храме. А затем дома семья собирается за пасхальным столом. Например, вот как о традициях празднования Пасхи в г. Перми рассказывала пани Ольга: «Мне уже восемьдесят. Я молитвы выучила семьдесят лет назад на польском. И я с тех лет эти молитвы не забываю. Сегодня утром, прежде чем в костел на Пасху идти, я встала, помолилась и уже спела молитву по-польски. Я всегда встаю рано, до костела я помолюсь. Яйца я еще вчера покрасила, сегодня освятила. Сейчас приду, сядем за столом, дети разговоятся»⁴⁸. В наши дни верующие

поляки на Пасху посещают храм, освящают пасхальные блюда, но, по традиции, празднуют этот день в кругу семьи.

Своеобразно отмечается следующий после Пасхального воскресенья день – *Смигус-Дындус* (*Обливайки, Мокрый понедельник*). В этот понедельник парни старались облить водой девушек. По-видимому, этот обычай восходит к наиболее древним народным традициям. Предположительно, акт обливания водой символизирует очищение и наделение плодотворностью: ведь, кроме женщин и девушек, в этот день водой поливали землю и домашний скот⁴⁹. Интерес к этой традиции не убывает, праздник остается популярным и в Польше, и не забывается среди поляков, проживающих в Пермском крае: «Любимое занятие этого праздника Смигус-Дындус, когда обливались. У нас называли – обливайки. Мы тоже обливались. У пана Евгениуша была заветная мечта облить кого-то. Так и не сбылось. Чем интересней, симпатичней была девушка... А которая спала, не выходила, ту обливали вообще в постели. Дети в лагере как-то устроили эти обливайки»⁵⁰.

Летом отмечаются Зеленые Святки, совпадающие с христианским праздником – Троицей, или Днем сошествия Святого Духа. В этот день костел и дома принято украшать зеленью – березами, травами; проводить крестные ходы, как и положено в религиозной традиции: «В Зеленые Святки мы ходили [на малой родине] в летний храм. Там все было в березках и в лентах красивых. По всем сторонам света были часовенки уставлены, и крестный ход со всеми хоругвями... В храме все это очень красиво»⁵¹.

Особо отмечается торжественными богослужениями День Всех Святых (1 ноября). Поляки в этот день поминают умерших, посещают кладбище. Важным для пермских поляков является и храмовый праздник пермского костела – Непорочного Зачатия Пресвятой девы Марии (8 декабря).

Как видно из приведенных примеров, целостного комплекса календарных праздников и обрядов, характерных для районов компактного проживания поляков, не сохранилось. В календаре избраны лишь наиболее значимые, важные и большие праздники, ставшие наиболее яркими этническими маркерами. Важное место в современной праздничной культуре отведено семейным и религиозным традициям. Схожие формы сохранения и традиции праздничной культуры характерны и для поляков других регионов России⁵². Единство в праздничной культуре поддерживается определенными универсалиями в календарных обычаях. Они связаны не только с религиозной частью, определенной канонами, но особенно интенсивно транслируются в настоящее время через систему научно-популярной литературы. В то же время наблюдается определенная мозаичность в традициях отдельных семейных коллективов. Причину такого явления следует искать как в трансляции этнокультурных традиций различных мест, откуда вышли пермские поляки, так и в разной степени сохранности праздничной культуры, усвоения русских различных традиций и т. д. Для праздничной культуры, как и для других сохраняющихся элементов этнической культуры, наиболее характерна близость к этнокультурным традициям восточных районов расселения поляков – Восточной Польши, Литвы, Западной Украины и Белоруссии. Во многих современных формах праздничной культуры мы наблюдаем реконструкцию обобщенных, универсальных форм, воспринимаемых этническими маркерами и символами польских традиций.

К наиболее устойчивым традиционным комплексам у поляков Прикамья относится **национальная кухня**. Современная кухня польского населения пермского Прикамья – обще-европейская, как и у остальных жителей края. Сохраняются лишь некоторые элементы национальной кухни, которые поддерживаются семейными и религиозными обычаями. Большая приверженность к традиционным блюдам наблюдается у поздних эмигрантов, тех, кто вырос на этнической территории и успел освоить национальные способы приготовления пищи.

Особенности традиционной польской кухни обусловлены природными богатствами территории проживания поляков, их хозяйственными занятиями, контактами с соседними народами. Основу питания составляли продукты земледелия, садоводства и животноводства. Во многих своих чертах польская кухня имеет сходство с блюдами соседних народов – украинцев, белорусов; также используются некоторые привнесенные элементы кулинарной традиции германских и прибалтийских народов. Общими являются как способы приготовления пищи, так и названия блюд.

Проживая в Пермском крае, зачастую в городских условиях, поляки не всегда имели возможность готовить разнообразные национальные блюда. Повседневно на столе были лишь наиболее простые, из доступных продуктов, а остальные появлялись в особых случаях, и порой хозяйки находили новые способы их приготовления.

Среди всех польских блюд можно выделить обрядовые кушанья, которые поляки продолжают готовить в праздничные дни даже вдали от родины. На Пасху пермские поляки обязательно красят яйца, используя для покраски различные средства, например традиционную луковую шелуху. Но пасхальные яйца оформляют также наклейками, раскрашивают фломастерами и акварельными красками. Крашеные яйца подаются на стол в вазочках или корзиночках, в оформлении которых используются цветы, травы, веточки вербы. Другим пасхальным обрядовым блюдом чаще всего наши респонденты называют куличи.

Традиция пасхального стола с куличами и крашеными яйцами характерна для большинства семей пермских поляков. В пасхальные дни в костеле можно увидеть приготовленные для освящения крашеные яйца, куличи. Освящается и другая пища для праздничного стола, среди которой домашние мясные колбасы, окорока, хлеб и соль.

Особо отличался обрядовый стол и перед Рождеством. Накануне праздника, 24 декабря, отмечался Сочельник, *Вигилия*. В этот день семья собиралась за столом, на который подавалось 12 постных блюд. К рождественскому ужину, например, готовили рассолок – суп с крупой и грибами, блюда из рыбы, кисели, кутю из пресных обжаренных кусочков теста с медом и маком. Мясо разрешалось есть только на следующий день Рождества, когда празднование продолжалось⁵³.

Другие блюда национальной кухни не имели четкой празднично-обрядовой приуроченности и могли готовиться не только в дни календарных праздников, но и по случаю семейных торжеств, приезда или прихода гостей. Поляки славятся различными супами. Польское население Пермского края, сохраняя традиции, предпочитает готовить борщи, капустники и другие первые блюда: «Когда мы собираемся вместе, то ребята говорят: “Не надо никаких блюд, дайте нам борщ, такой борщ только поляки умеют варить”»⁵⁴. «Капустник очень хороший, он весной очень хорошо идет. Из квашеной капусты. Я сейчас его сам варю тоже, потому что весной чего-то нового хочется. Для того чтобы приготовить нормальный суп, нужна кислая капуста. И мясо. Мама кости вываривала или мясо. Получался бульон. Капусту нужно на масле потушить в сковородке, так, чтобы сок был обязательно. Капусты должно быть достаточно много. Ее надо в бульон положить и варить. Затем порезать лук-репку, добавить туда же. Можно добавить хмели-сунели, приправу какую-нибудь и обязательно – красный жгучий перец, щепотку. Замечательная вещь!»⁵⁵.

Весной из первой зелени (крапивы, щавеля) варят зеленые щи, добавляя в них яйцо и сметану.

Большое разнообразие отмечено в приготовлении мясных блюд. Именно эти элементы традиционной польской кухни оказались наиболее устойчивыми. Среди мясных блюд – отбивные, рулеты, фаршированный желудок, говяжий рубец с овощами, колбасы. В начинку для колбасы шла гречневая каша или картошка, мясо или ливер, приправы, немного водки или коньяка. Затем колбаса подсушивалась, коптилась, перед подачей на стол ее поджаривали или

отваривали. Колбасы были разных видов – кровяная, мясная, ливерная, крупяная. *Сальцесон* готовили из свиной головы, начиняли им желудок или толстую кишку, а затем обваривали или поджаривали.

Сохраняют пермские поляки и традиционное блюдо, ставшее своеобразным символом польской кухни, – это бигос (бигус), капуста, тушенная с несколькими сортами мяса: «Это польское блюдо – бигос, всегда требует много мясных продуктов. Она [бабушка] часто еще добавляла туда свежей капусты. Не менее суток должно настаиваться. И большой кусок грудинки, с прослойками мяса. Капуста любит жир. Также у нас смальце делали. Так густо – ложка стояла. Бабушка клала еще обрезки от окорока, мясной набор»⁵⁶. И в Прикамье поляки продолжают готовить *смалец* – вытопленное нутряное сало, посоленное и сдобренное пряностями.

Из традиционных блюд польскими считаются также вареники с разнообразной начинкой: творожные, капустные, картофельные, творожно-картофельные, из слив и ягод, мясные, из свиных или говяжьих почек. Большое место в рационе отводится блюдам из картофеля.

Сохраняется праздничная выпечка: это пироги и булочки с капустой, рисом, ревенем, рыбой, сладкие рулеты. Из традиционных алкогольных напитков популярны сладкие ягодные настойки, а также водка, настоянная на клюкве, бруснике, калине, других ягодах.

Необходимо отметить, что национальная кухня поляков Прикамья не представляет единого, цельного комплекса, здесь не сформировались какие-либо характерные особенности региональной кухни. Она представлена лишь отдельными традициями этнической системы питания, отдельными польскими блюдами. Большая часть традиций национальной кухни носит семейный характер и сохраняется в отдельных семейных коллективах, при этом для них характерны элементы, связанные с «польской» родиной, территорией, откуда вышли их предки.

Национальные блюда пермских поляков в современное время остаются одной из важных составляющих их традиционной культуры, что способствует сохранению их своеобразия среди других народов Пермского края. Кроме этого, национальная польская кухня связывает поляков, проживающих вдали от Родины, с бытовыми обычаями их этнической территории.

Другие комплексы материальной и духовной культуры в меньшей степени сохраняют этнические традиции. Жилище и его внутренний интерьер имеют универсальный европейский характер, не отмечено бытование традиционного костюма, специфики бытовой утвари. В семейных праздниках и обрядах большую роль играют католические традиции: крещение и венчание совершается в храме, а затем уже торжество продолжается в семейном кругу. Сохраняются и бытуют некоторые тексты традиционного фольклора: предания, сказки, песни; некоторые тексты записывались нами в ходе полевой работы. Однако они не характеризуют региональную пермскую традицию, поскольку восприняты на старой родине и в большей части не транслируются следующим поколениям. Таким образом, поляки Прикамья, с одной стороны, продолжают сохранять некоторые элементы этнических традиций, становящиеся важным символом и маркером польской культуры, а с другой – активно усвоили универсальные черты современной культуры окружающего сообщества. Существенной проблемой польского сообщества является межпоколенная передача этнокультурных ценностей.

Пермский центр польской культуры

Польскому общественному движению в России более 100 лет. Уже в начале XX в. в Российской империи существовало свыше 20 общественных организаций. Наиболее популярной формой объединения были Дома польские, открывавшиеся повсюду: от Одессы и Харькова на Западе до Хабаровска и Харбина на Дальнем Востоке. Новый этап в общественном движении поляков России начался в 1990-е гг. В настоящее время в России действует около 70 польских общественных организаций.

История Пермского центра польской культуры ведет свое начало с июня 1994 г.⁵⁷ В Уставе Центра прописаны цели и задачи созданной организации: «Пермский центр польской культуры является добровольным общественным объединением, созданным для обеспечения необходимых условий сохранения польского этноса, исторически сложившегося на Пермской земле, где с XIX в. до начала XX в. находилась колония ссыльных поляков. Центр призван способствовать возрождению, сохранению и укреплению польских национальных, культурных традиций и обычаев, а также распространению информации об истории поляков в Пермской области [ныне – в Пермском крае]. Основными целями и задачами Центра являются:

- содействие возрождению польской диаспоры;
- удовлетворение гражданских, политических, социальных, экономических, культурных и духовных прав и свобод лиц польской национальности, а также их потомков, проживающих на территории [Пермского края];
- содействие в научной и поисковой работе по изучению истории польской диаспоры [в Пермском крае] и вкладу польских ссыльных в экономическое и культурное развитие края;
- пропаганда лучших культурных и научных достижений польского народа с целью укрепления дружественных связей между братскими славянскими народами, а также другими национальностями на территории Пермской области [Пермского края]»⁵⁸.

Работа Центра строится в нескольких направлениях, соотносимых как с потребностями непосредственно пермской Полонии и национальной политики Пермского края, так и в целом полонийного движения в Российской Федерации. Важнейшим направлением деятельности польских общественных организаций является просветительская работа. Еще в 1993 г. совместными усилиями Министерства по делам национальностей и Министерств образования России и Республики Польша совместно с Конгрессом поляков в России была проведена I Международная научно-практическая конференция на тему «Удовлетворение образовательных потребностей поляков в России». К 2001 г. в Москве были организованы курсы повышения квалификации для учителей польских школ. С 1993 г. при Пермском центре польской культуры, расположенном во Дворце творчества юных г. Перми, действует воскресная школа по изучению польского языка и Школа польской культуры. О необходимости открытия воскресной школы для изучения родного языка неоднократно говорили лидеры пермской Полонии: «...Естественное явление, когда родной язык изучают потомки его носителей, по воле судьбы оказавшиеся вне пределов своей исторической родины. Именно поэтому члены Центра польской культуры делают многое, чтобы у поляков, живущих в Прикамье, не пропал интерес к собственным корням и национальной культуре. Пермский центр польской культуры поддерживает деятельность Школы польской культуры, где дети с польскими корнями изучают родной язык, традиции, культуру и историю Польши. Кроме того, Пермский центр организует профильные лингвистические лагеря в Пермском крае»⁵⁹. После обучения в польской школе некоторые выпускники успешно сдают экзамены в высшие учебные учреждения Республики Польша. Благодаря стараниям членов организации была создана библиотека и медиатека, содержащая литературу на польском языке, а при поддержке польского правительства

и Общества помощи полякам за границей (Ассоциация «*Wspólnota Polska*» – *Wspólnota Polska*) ежегодно организуются поездки пермских поляков в летние лагеря, на языковые и иные специализированные курсы в Польшу. Для участия в различных образовательных проектах пермяки выезжают в Республику Польшу ежегодно, начиная с 1995 г.⁶⁰ Работа по изучению и пропаганде польского языка Пермского центра отмечена Министерством образования Республики Польши, а учитель польского языка Г. И. Капелюш награжден польской медалью «За заслуги в воспитании и образовании». Школа польской культуры награждена Почетной грамотой Министерства образования Пермского края.

Наряду с просветительской деятельностью пермская Полония совместно с пермским научным и краеведческим сообществом ведет большую исследовательскую работу по изучению и изданию материалов о судьбах поляков в России. Пермская Полония включает в свой состав огромный творческий потенциал – это ученые, учителя, врачи, музыканты, представители всех слоев творческой интеллигенции. Польская диаспора в Перми дала немало ярких личностей. О судьбах поляков рассказали книги «Пермские поляки», «Поляки Прикамья», основой которых послужил многолетний архивный поиск. В 2008 г. к 120-летию А. Б. Турчевича издан комплект открыток, посвященный архитектору: за время существования бюро Турчевича по его проектам в Перми и на Урале было построено значительное количество культовых и общественных зданий, оригинальных жилых особняков. Фотоизображения помогут по-новому увидеть сохранившиеся здания и узнать, как выглядели те, которые к настоящему времени исчезли с земли. Второй комплект открыток решено посвятить архитектору Р. Карвовскому, по проектам которого построены в Перми, например, католический храм, дом Дягилева на ул. Сибирской, театр оперы и балета. При поддержке Министерства образования Пермского края выпущен комплект открыток «Польский народный костюм». Все эти издания, подготовленные на основе научных и краеведческих исследований, не только раскрывают новые страницы истории народов Прикамья, но и служат созданию положительного образа пермских поляков, раскрывают их вклад в историю и культуру региона.

Презентация культуры Польши и пермских поляков в г. Перми в рамках культурных акций и фестивалей сегодня уже проходит не только на уровне Польского центра, но и на уровне краевого Министерства культуры. Одними из знаковых событий стали фестивали польского фильма, проводимые совместно с Министерством культуры. Первые фестивали были организованы в 1990-х гг. и собирали зрителей в кинотеатры «Молот» и «Россия». Пермская интеллигенция любит польский кинематограф. В 2008 г. желающие имели возможность посмотреть «Декалог» Кшиштофа Кеслевского, десять серий которого, хотя и не иллюстрируют напрямую десять библейских заповедей, но заставляют задуматься о многом. Зрителям было о чем поговорить и что обсудить, собравшись в Польской гостиной Центра. Особенно горячие споры вызвала лента «День психа» (режиссер Марек Котерский).

Среди постоянно действующих проектов – ежегодные Дни польской культуры в Перми, концерты польских исполнителей, молодежные национально-культурные и лингвистические лагеря, празднование традиционных и религиозных праздников и памятных дат, ежемесячные заседания в Польской гостиной.

Проект «Польская гостиная» существует в Перми более десяти лет. По определенным дням сюда для общения и обсуждения собираются пермские поляки и все, кому интересна тематика встреч. Так, прошли циклы встреч на темы: «Эта Польша», «Между Польшей и Россией», «Национальная идентичность и право на национальное самоопределение», «Национальный менталитет в иноязычном окружении», «Встреча религиозной и светской культур».

Не менее важным представляется забота о могилах поляков на Егошихинском некрополе, особенно на католическом, «польском», как его называют горожане, участке. Поляки принимали активное участие в общегородской акции «Общая память», связанной с благоустройством территории некрополя. Пермский центр ежегодно возлагает венки на Егошихинском

кладбище на могилы музыканта Л. Винярского, первого настоятеля католического храма А. Шостаковского, просветителей И. и О. Пиотровских, неперменный венок появляется у подножия общего памятника ссыльным полякам, умершим в Перми, а на более новом Северном кладбище цветы несут к могиле Г. Терпиловского.

В 2008 г. Полония отмечала несколько значимых дат: 100-летие со дня рождения Г. Терпиловского, 120 лет со дня основания архитектурного бюро А. Турчевича, торжества, связанные с именем А. Грина (Гриневского) в г. Чусовом Пермского края. Каждое мероприятие стало ярким событием в культурной жизни города и края. К юбилею Г. Терпиловского, например, был приурочен Международный фестиваль джаза, прошедший в Перми осенью 2008 г., при содействии пермского Министерства культуры и Московского центра польской культуры увидела свет книга В. Ф. Гладышева «Терпилиада», посвященная музыканту и композитору.

В 2008 г. важным событием стали мероприятия по случаю 90-летия независимости Республики Польши. В 2006 г. по приглашению правительства Польши в составе делегации Конгресса поляков России пермские поляки участвовали в праздновании Дней независимости в Варшаве.

Среди постоянных и обычных ежегодных праздников – юбилеи старшего поколения пермских поляков, которые также превращаются в незабываемые «польские встречи».

Пермяки также представляют свою культуру в Польше. Ансамбль «Fa-La», созданный в 1996 г., исполняет народную музыку и духовные песни и на протяжении многих лет является участником фестивалей в Польше. В 1999 г. ансамбль впервые выехал в Польшу и участвовал в концертах в храмах городов Ченстохов и Варшава. Состоялись поездки молодежного ансамбля в г. Курск, в католический храм, где служил отец Анджей Гжибовский, первый настоятель возвращенного верующим в 1990-е гг. пермского костела. В 2008 г. ансамбль участвовал в музыкальном фестивале в с. Поремба-над-Бугем, в 70 км от Варшавы. Ансамбль принимает участие в культурно-массовых акциях, проводимых Центром, сопровождает многие другие мероприятия Полонии.

Пермский центр польской культуры постоянно сотрудничает с католической общиной города, некоторые проекты они реализуют совместно. Пермская Полония, одна из старейших общественных организаций народов Прикамья, сегодня заняла свою нишу в национально-культурном общественном движении Пермского края. Со многими национальными центрами поляков связывает совместная деятельность и реализация общих культурных проектов. Пермские поляки – активные участники всех мероприятий, проводимых национально-культурными организациями региона. В пермском сообществе польский Центр активно сотрудничает с учреждениями образования и культуры, администрацией г. Перми и Пермского края. Среди постоянных партнеров можно назвать отдел национальных отношений департамента внутренней политики администрации губернатора Пермского края, администрацию г. Перми, Министерство образования Пермского края, Министерство культуры Пермского края, Дворец детского и юношеского творчества г. Перми, Славянскую библиотеку г. Перми, Пермскую краевую библиотеку им. М. Горького. Пермские поляки участвуют в работе координационного совета по национальным вопросам при администрации губернатора Пермского края, в работе общественного совета руководителей национально-культурных объединений Пермского края.

Пермский центр польской культуры сегодня выстроил свои отношения с польскими общественными организациями России и зарубежья. Регулярно, иногда дважды в год, проводятся рабочие совещания председателей полонийных организаций Российской Федерации. Их организатор – Всероссийская общественная организация «Конгресс поляков в России». На встречах рассматриваются актуальные вопросы текущей деятельности Конгресса, происходит обмен информацией о планируемых и реализуемых новых проектах. Среди партнеров – государственные учреждения и общественные организации Республики Польши, среди которых Ассоциация «Вспульнота Польска» (Республика Польша) и ее региональные отделения в

городах Краков и Познань, фонд «Семпер Полония», фонд «Помощь полякам на Востоке», общественная организация «Общие корни», Полонийный центр повышения квалификации педагогов Министерства просвещения Республики Польша в городе Люблин, а также Посольство Республики Польша в Российской Федерации в городе Москве и консульский отдел при посольстве.

Сегодня общественная организация пермских поляков в тесном сотрудничестве с полонийным движением России выработала основные приоритеты движения в будущее, рассмотренные на рабочем совещании председателей организаций ФПНКА «Конгресс поляков России», состоявшемся в 2008 г. в Санкт-Петербурге: «Признаем за одно из основных направлений нашей деятельности формирование позитивного образа Польши и поляков.

Мы стремимся к более полной реализации российско-польских договоренностей, направленных на поддержку польской системы образования в России.

Необычайно важно решить проблему с молодежью, активизировать деятельность молодежного движения при полонийной организации и стимулировать заинтересованность в получении образования в Польше.

Признаем своей почетной обязанностью заботиться о польских могилах и сохранять памятные места, связанные с историей поляков в России.

Подчеркиваем большое значение архивной и научной деятельности в области истории поляков и их взаимоотношений с русскими на территории России, наше постоянное участие во всероссийских конференциях»⁶¹.

Общественная организация поляков сегодня уверенно занимает свою нишу в полиэтническом пространстве Пермского края. И, хотя главные ее задачи связаны с возрождением польского духа и поддержанием польской диаспоры и культуры, с сохранением собственного самосознания, презентация польской культуры не отдаляет пермских поляков от других культур и других народов, а, скорее, включает их в активное участие в жизни многонационального пермского сообщества.

Оглядываясь в прошлое и думая о будущем

Наверное, прежде чем поставить точку в анализе современных этнокультурных процессов поляков Пермского края, следует ответить на вопросы: а что ждет пермских поляков? каковы перспективы польского сообщества Пермского края? Поставленные вопросы – одни из самых сложных. Польское сообщество Прикамья на протяжении всей своей истории всегда подпитывалось все новыми и новыми миграционными волнами. Даже во второй половине XX в., когда не наблюдалось массового миграционного притока в Прикамье, поляки ехали в Пермскую область из западных районов Белоруссии и Украины, из других районов СССР. Этот факт наглядно иллюстрируют рассказы наших информаторов, большинство из которых, считающих себя поляками, происходят из западных областей и бывших республик Советского Союза. Распад СССР, образование новых государств и новых границ в 1990-е гг. кардинальным образом изменили миграционные потоки. Сегодня восточное и южное направление миграции в Пермский край заметно преобладает над западным. Кроме того, за пределами российского государства в настоящее время оказалось большинство районов традиционного и компактного проживания поляков, в целом значительно уменьшилась численность польского населения на территории России в сравнении с территорией СССР. Конечно, нельзя исключать приезда поляков из других регионов России, однако такие миграции будут иметь единичный и случайный характер.

Объективны и протекающие этнические процессы, связанные с ассимиляцией и аккультурацией поляков в Прикамье. Дисперсное расселение преимущественно в городской среде, слабое сохранение языка и комплексов этнической культуры, большое число межэтнических браков, высокая степень адаптации к пермской этнокультурной среде способствовали быстрому растворению поляков в полиэтничном сообществе Прикамья. Новая перепись населения, скорее всего, покажет дальнейшее уменьшение численности польского населения Пермского края.

Сегодня, когда у поляков Прикамья размыты многие компоненты этнической культуры, когда традиции и язык, а часто и вероисповедание уже не выступают определяющими маркерами этничности, главным фактором идентификации с польским является сохранение этнического самосознания. В этих условиях перед польским сообществом Пермского края стоят задачи сохранить и актуализировать польскую этническую идентичность следующего, молодого поколения. Наиболее реальным путем в этом направлении может стать, по нашему мнению, сохранение двойственной и полиэтничной идентичности, то, о чем уже и сегодня задумываются пермские поляки: «Надо ли делать выбор и определять свою национальность, если, например, отец поляк, а мать – русская? Я бы посчитал себя и русским и поляком одновременно»⁶²; «Я счастлива, что у меня две родины, я знаю два языка, мне хорошо и здесь и там»⁶³.

В современных условиях как никогда возрастает объединяющая и организующая роль местной Полонии – Центра польской культуры. Актуальность и значимость приобретают проводимые здесь культурные мероприятия, связанные с обращением к историческому и этнокультурному наследию поляков Прикамья, постоянные контакты с поляками других регионов России и Польши.

Примечания

¹ Полевые материалы; г. Пермь.

² Полевые материалы; г. Пермь. С. 159.

³ Полевые материалы; г. Пермь.

- ⁴ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁵ Полевые материалы; г. Кунгур.
- ⁶ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁷ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁸ *Власова О.* Встреча двух культур // Поляки Прикамья. Пермь, 2004.
- ⁹ Полевые материалы; г. Пермь.
- ¹⁰ Народы России. М., 1994. С. 267.
- ¹¹ Большая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1978. С. 239.
- ¹² Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. СПб., 1999. С. 17–18.
- ¹³ *Тощенко Ж. Т.* Постсоветское пространство, суверенизация и интеграция // Этносоциологические очерки. М.: РТГУ, 1997. С. 80.
- ¹⁴ *Аносова Т. Ф.* Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестник Челябинск. ун-та. Сер. 7. Гос. и муницип. упр. Челябинск, 2005. № 1. С. 60–68.
- ¹⁵ *Мокин К. С.* Стратегия адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: Автореферат дис. д-ра социолог. наук. Саратов, 2007. С. 4.
- ¹⁶ Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс].[2004]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
- ¹⁷ По данным переписи 2002 г.
- ¹⁸ Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс].[2004]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
- ¹⁹ Народы России. М., 1994. С. 268.
- ²⁰ Полевые материалы; г. Пермь.
- ²¹ Полевые материалы; г. Пермь.
- ²² Полевые материалы; г. Пермь.
- ²³ Полевые материалы; г. Пермь.
- ²⁴ Полевые материалы; г. Пермь.
- ²⁵ Полевые материалы; г. Кунгур.
- ²⁶ Полевые материалы; г. Пермь.
- ²⁷ Полевые материалы; г. Пермь.
- ²⁸ Десять лет, которые потрясли... Из дневника монсеньора Анджея Гжибовского // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 33.
- ²⁹ *Щукина Р. И.* Об основных тенденциях этноязыковой ситуации в Пермской области на современном этапе и в аспекте сравнительного анализа // Национальные языки России: региональный аспект. Пермь, 2005. С. 83–87.
- ³⁰ Полевые материалы; г. Пермь.
- ³¹ *Гжибовский А.* Зерна добра // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 5.
- ³² *Туркина Т.* Возрождение храма // Свет Евангелия. 1999. 24 января (№ 4 (202)).
- ³³ *Гжибовский А.* Зерна добра // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 5.
- ³⁴ *Туркина Т.* Указ. соч.
- ³⁵ *Горюнов Д.* Отец Анджей Гжибовский: «Главное – не количество верующих, а их качество» // Пермский обозреватель. 2002. 18 марта (№ 8 (68)).

- ³⁶ *Медведева М.* День рождения костела [Электронный ресурс]. // Звезда.2005. 10 декабря. Режим доступа: <http://www.religare.ru/article23888.htm>.
- ³⁷ Полевые материалы; г. Кунгур.
- ³⁸ Полевые материалы; г. Пермь.
- ³⁹ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴⁰ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴¹ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴² Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴³ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴⁴ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴⁵ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴⁶ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴⁷ Польские праздники и обычаи [Электронный ресурс]. // Cracow24.[2007]. Режим доступа: <http://www.cracow24.ru/cracow-article-260.html>.
- ⁴⁸ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁴⁹ Польские праздники и обычаи [Электронный ресурс]. // Cracow24.[2007]. Режим доступа: <http://www.cracow24.ru/cracow-article-260.html>.
- ⁵⁰ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁵¹ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁵² *Майничева А. Ю.* Календарная обрядность поляков Сибири: празднование Рождества [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. 2001. № 3. Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/culture/mainicheva9.shtml>.
- ⁵³ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁵⁴ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁵⁵ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁵⁶ Полевые материалы; г. Пермь.
- ⁵⁷ Устав Пермского Центра польской культуры: [Принят на учредит. собр. в 1994 г.] // Межэтнический мир Прикамья: Опыт этнополит. деятельности адм. Пермской обл. 1996. Т. 2. С. 178–182; *Старцева М.* Польский культурный центр // Жизнь национальностей. 2001. № 4. С. 22; *Романовский А.* Как все начиналось // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 89–92; *Старцева М. В.* Национальная идентичность и право на национальное самоопределение // Созвездие культур: Материалы из опыта работы Дворца детского и юношеского творчества. Пермь, 2007. С. 120–123.
- ⁵⁸ Устав Пермского центра польской культуры: [Принят на учредит. собр. в 1994 г.] // Межэтнический мир Прикамья: Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской обл. Т. 2. Пермь, 1996. С. 178–182.
- ⁵⁹ Школа польской культуры. Пермь, 2006. С. 2.
- ⁶⁰ *Романовский А.* Указ. соч. С. 89–92.
- ⁶¹ АПЦПК. Предложения рабочего совещания председателей полонийных организаций ФПНКА «Конгресс поляков России». С.-Петербург, 2008.
- ⁶² *Капелюш Г.* И поляк, и русский // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 5.
- ⁶³ *Старцева Е.* Я счастлива, что у меня две родины // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 134.

Глава IV

«Польские» встречи

Завершающая глава нашей работы не похожа на все остальные. Да, конечно, в ней, как и в предыдущих главах, речь идет об истории поляков в России и Прикамье, о польских обычаях и традициях. Однако содержание очерков – не события планетарного или регионального масштаба, а судьбы отдельных конкретных личностей: наших респондентов, пермских поляков, с которыми мы встречались во время этнографических исследований.

Полевая работа этнографа всегда предполагает общение с представителями того или иного народа, беседы, расспросы, и всегда – личные впечатления. Только таким путем, через знакомство с отдельными людьми, можно понять образ всего народа, постичь его особенности, узнать традиции. Часто именно такие встречи заставляют понять нечто большее, уловить тонкую нить, связывающую людей в единый народ. Уже затем в статьях и книгах исследователей многие и многие рассказы будут объединены в общую картину. Однако в памяти этнографа, в записях его полевых тетрадей по-прежнему останутся конкретные люди, их судьбы. Даже великие события истории оценены, преломлены, осознаны просто людьми, очевидцами, участниками событий, и исследователи фиксируют в своих записях эти события именно так, как их сохранила человеческая память. Запечатлены в полевых записях рассказы о праздниках и обычаях, об ушедшем в далекое прошлое родительском доме, зафиксированы на страницах тетрадей сказки и потешки, напетые песни, сфотографированы и описаны бережно хранимые с прабабушкиных времен рукодельные узорные полотенца и скатерти. Именно эти рассказы, эти детали наглядно, конкретно и глубоко раскрывают то, что порой скрывается за скупыми строками научных выводов и обобщений. Не часто этнографам и историкам удается в полной мере написать о своих информаторах. Но у авторов данной монографии еще ярки впечатления о недавних встречах с поляками Прикамья. Этим «польским» встречам и посвящена глава.

Пуговица с дедова мундира

История отношений России и Польши насчитывает несколько веков. Известно, что связи между двумя государствами не были постоянными: периоды вражды не раз сменялись дружбой, а дружба вновь сменялась враждой. В этих сложных отношениях замешаны тысячи судеб отдельных людей.

Евгений Викторович Кременчугский живет в г. Кунгуре. Он поляк в третьем поколении, родился в 1976 г. Евгений Викторович и рассказал нам удивительную историю своей семьи, в которой отражена история многих польских семей, живших в прошлом столетии на территории нашего государства.

Дед Евгения Викторовича родился в деревне Василёвка Киевской губернии в конце XIX в. «Сейчас, конечно, документально не подтвердишь, – рассказывал дедушка о своих предках, – но они происходили из шляхты, из старой шляхты, из Великопольской. Когда первая Речь Посполитая была, к Вишневецкому приезжали на службу. Шляхтичи они были не очень богатые, но за службу получили землю. Так что владели своим хутором». В молодости дед учился в Киевском университете. В 1917-м, когда в России началась революция, он добровольцем вступил в армию Ю. Пилсудского, в ее составе прошел путь до г. Львова. Именно там в 1920 г. он встретил свою будущую супругу, тоже польку, из старинного рода Потоцких. Больше молодой Кременчугский не воевал, но фотографию Ю. Пилсудского с личной подписью хранил до конца жизни, как семейную ценность.

После свадьбы они с женой переехали в Драгобывщину (предместье Львова), где получили дом. Мирную жизнь молодой семьи нарушила начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война. «В 1939-м, в сентябре, когда началось так называемое “освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии”, в определенный момент деда предупредили... В феврале 1940 г. вывезли из родных мест. В семье был маленький ребенок, девочка, она умерла по дороге. Их вывезли в Молотовскую область», – таким запомнился Евгению Викторовичу рассказ бабушки. «Ехали на Урал очень долго, на многих станциях стояли, было холодно. Кормили замороженным хлебом... Где-то по дороге можно было выйти на станции, если деньги были, что-то купить. Но все это настолько было неорганизованно...». Из г. Молотова Кременчугских и еще несколько польских семей отправили в Добрянский район. До конечного пункта добирались пешком. «Шли долго, снег был глубокий, идти трудно. Может быть, замечали: на новой трассе от Перми до Березников есть отворот в сторону Камы, к излучине. Сейчас это место – часть водохранилища, а в те годы там тянулся низкий берег, а еще дальше – река Кама. Вот на этом куске земли они и работали: рубили лес, свозили его к Каме и плотами сплавляли», – это Евгений Викторович рассказывает уже по воспоминаниям деда. В первый год новые обитатели этих мест построили только землянки, первые дома-временки появились уже в 1941 г.

Примерно в это время в семье Кременчугских родился сын – Виктор, отец Евгения. Дети, которые рождались в поселке, уже записывались как советские граждане и обучались в советских школах. Обучение велось, разумеется, на русском языке, поэтому у большинства поляков дети параллельно получали образование дома. Родители с детства учили Виктора говорить по-польски, любить свою историческую родину. «Бабушка была, как говорят, настолько полька, что она даже дома разговаривала только по-польски».

Постепенно мирная жизнь налаживалась. В поселке строились дома, создавались новые семьи. «Потом поставили клуб. Это был не лагерь, это было поселение. Имелся свой клуб, пекарня своя, стояли отдельные домики. Я как-то побывал в тех местах – там даже фундаменты остались, кровати сохранились какие-то железные. Было видно, что кровати ручной работы, клепаны где-то в кузнице», – вспоминал уже сам Евгений Викторович.

В армию Андерса, которую начали комплектовать в 1941 г., дед не попал по состоянию здоровья. В 1941 г. его с женой отправили на поселение под Кизел, там они работали на лесоповале до конца войны. В репатриацию 1947 г. семья Кременчугских также не попала.

1950-е гг., по воспоминаниям, были самыми тяжелыми. Об этом времени дед говорил неохотно: «Там (под Кизелом) проложена узкоколейка, и ходил паровозик-«кукушка» с вагончиками. Был отдельный вагончик для администрации, вагончик-столовая, вагончик, где спали. Вырубим деляночку, лес нагружают на платформы, «кукушка» отвозит. Вагончик, где хранились все документы, потом специально сожгли. Потому что – как же быть? Мы – ценные работники. Если нас отпустить, то кто же работать станет? А так что, нет документов – нет человека. Мы знать не знаем, кто ты такой – поляк ли, русский. Мы знаем, что у тебя есть срок, что тебе присвоен такой-то номер. И все!».

Кременчугских и их товарищей по несчастью освободили в 1956 г., через три года после смерти Сталина и принятия постановления о реабилитации.

С Урала Кременчугские выехали на Западную Украину. Вернулись в тот же дом под Львовом, где жили 25 лет назад. Через несколько лет снова переехали – в Ореховский район той же области. Там сохранилось несколько польских деревень. До конца жизни дед Евгения проработал преподавателем в местном техникуме.

Своих польских дедушку и бабушку Евгений Викторович вспоминает с любовью и уважением. Он понимает, насколько нелегка была их жизнь. «Дед был такой человек, смирился с судьбой, не рассказывал ничего. После 1991 года мне уже бабушка рассказывала...». Дедушка умер в 1984 г., бабушка – в 1996-м. Но Евгений Викторович помнит их очень хорошо и особенно бережет подарок от деда. Однажды, когда он был еще маленьким, дедушка подарил ему пуговицу с изображением орла. Некогда, в те времена, когда дед воевал, она была на мундире. Вот ее-то он и привез с собой на Урал. Эта пуговица стала семейной реликвией. Евгений хранит ее до сих пор.

Бабушка запомнилась своим рукоделием. «Она хорошо вышивала. У нее дома все рукодельное. Раньше принято было, чтобы кровать была вся застелена рукодельными покрывалами, накидками...».

Виктор Кременчугский закончил техникум и вместе с молодой женой по распределению в 1977 г. снова был отправлен на Урал – в г. Кунгур Пермской области, на машиностроительный завод. Вместе с родителями в путь отправился и годовалый ребенок – Евгений. Так семья Кременчугских второй раз попала из Украины в Прикамье: «Я, получается, ссыльный на Урал в третьем поколении, только моя «ссылка» добровольная уже. Дед попал по нужде, родители – по распределению, а я уже – потому что женился здесь», – улыбается Евгений Викторович. Как и отец, Евгений Викторович научился говорить по-польски от своей бабушки. «Меня на каникулы постоянно отправляли к бабушке. Бабушка в доме всегда говорила по-польски». В ее доме Евгений научился читать и писать на родном языке, здесь же он был крещен католическим священником. Евгений Кременчугский не задумывается, отвечая, кто он по национальности. Конечно, поляк! «Для меня даже вопроса такого не стояло никогда», – говорит он.

В семье Кременчугских-старших в период их жизни в Кунгуре соблюдались польские праздники, готовились польские блюда. Все это Евгений запомнил с детства, перенял секреты и навыки больше всего от бабушки: «Обычно всегда готовили праздничные блюда. Пасху делали из творога, куличи пекли. Мы и сейчас по польским рецептам иногда готовим, берем их из польских книжек. Бигос сам готовлю, научил друг, повар. Три дня обычно готовлю: чем дольше готовится блюдо, тем лучше получается». «Мы всегда – Пасха ли, Рождество, – всегда собирались семьей. Мама была воспитана в советское время, она не верующая, но родителям не препятствовала. Дед всегда отмечал 15 августа – это день Марии. На День Всех святых на кладбище ходим, – это 1 ноября». На местном кладбище Евгений обнаружил могилы соотечественников – в конце XIX в. поляки жили и в Кунгуре. О кладбище в районе Кунгура он

прочитал когда-то в книге В. Кобаневского «Дроба сердца». И отыскал потом это кладбище: «Могилы красивые, старинные, но разваленные. Польских могил там много. Ямы остались: после революции там почему-то искали золото. Я позднее все кладбище облазил. Только две могилы остались – Дробышевской, она хорошо сохранилась, и Ибшени-Синкевича. Там можно было прочитать: «Матери двух изгнанников из дома...». 1 ноября, на Всех святых, приходим сюда – свечку поставить, помолиться».

У Евгения растут двое детей. Дети в их семье тоже говорят по-польски, помнят своих предков, традиции и культуру своего народа. Семья поддерживает связи с исторической родиной – ведь крестный Евгения сегодня живет в Польше. И пуговицу с дедова мундира Евгений хранит до сих пор.

Портрет деда

Рассказ о семье Яблошевских хочется начать с одного короткого, но немаловажного эпизода. Этот случай объединяет разные поколения семьи и раскрывает очевидную истину о том, что история любого человека неотделима от истории их предков. «Один из наших сыновей похож на деда. Его дочь, внучка наша, как-то приходит в гости, а у нас на стене большой портрет деда. Внучка показывает на портрет: “Это мой папа”. Я говорю: “Нет! Это же прадедушка твой”. – “Нет, это мой папа!”».

Когда вся жизнь проходит вдали от собственного народа, среди разных культур, вне общения на языке предков, тогда единственной основой для рождения и поддержания чувства причастности к истории, традициям своего народа, своей этнической родины для человека порою становится память о родителях.

Долгое время семья Льва Иосифовича Яблошевского пыталась найти любую информацию о судьбе отца, арестованного в 1938 г. Сначала ждали его возвращения домой, надеялись, но напрасно... «Мама не устраивала свою личную жизнь. Считала, что через десять лет он вернется, и все будет в порядке, снова они заживут хорошо. Но в то время она не знала, что по статье, по которой забрали отца, расстреливали сразу или через месяц – через два после того, как предъявлено обвинение. Отец уже давно был в могиле, и могила неизвестно где, а мама все ждала...».

Родители Льва Иосифовича – поляки по происхождению. Мать, Янина Антоновна Олехнович, родилась в Копыльском районе Минской области Белоруссии. Отец жил в местечке Кайново (сейчас оно тоже относится к территории Белоруссии). Молодым двадцатилетним юношей он переехал в Подмосковье. Там уже жили его родные, которые помогли обустроиться на новом месте и найти занятие.

Так началась история семьи Яблошевских в России: «Мой отец, Иосиф Андреевич Яблошевский, 1908 г. р., приехал в Россию в 1929 г. Его родной брат уже жил здесь, в Московской области. Переехав из Белоруссии, отец устроился на Мытищинский машиностроительный завод. Ему комнату дали в Клязьме. Есть такая станция Клязьма Ярославской железной дороги. Хорошее местечко. Там в 1930 г. родился мой брат, потом я – в 1934-м».

Благополучие длилось недолго. Не прошло и десяти лет после устройства на новом месте, как главу семейства забрали. «Его в 1938-м, в первый месяц, арестовали – и всё, и он исчез. Сказали: приговор – десять лет без права переписки». У детей остались лишь смутные представления об отце: старшему сыну было восемь лет, младшему – четыре. Как признается Лев Иосифович, «у меня остались только редкие проблески воспоминаний о нем...». Конец 1930-х – 1940-е гг. были тяжелыми для всего населения России. Большие трудности пришлось испытать Янине Антоновне и двум ее сыновьям, Льву и Валентину. Времена тягот и лишений оставили заметный след в жизни Льва Иосифовича. Но это и грустные, и приятные воспоминания о детстве: «Во время войны маму отправили на трудфронт. Женщины валили сосны и распиливали их. Посылали тех, у кого не было детей, на валку леса в Дмитровский район, а там неподалеку уже немцы были. Поезда, электрички не ходили. И мама возвращалась домой раз в неделю по рельсам. Приносила бидон кислых щей и буханку хлеба. Вот с тех пор у меня запах щей и черного хлеба – самый лучший запах! Потом мама уходила. Мы, дети, оставались вдвоем. Мне было семь лет, брату – одиннадцать. Вот мы хозяйничали».

Не только хозяйственные и материальные проблемы отягощали жизнь семьи: Янине Антоновне и детям приходилось оправдываться за не совершенные отцом преступления. Основные испытания выпали на долю матери: «Ее считали женой врага народа. Она нигде не могла устроиться на работу. Она не знала, что делать с двумя ребятами. Ее водили на допросы

ночью. Чем это заканчивалось, мы не знаем, она никогда не рассказывала. Приходили ночью два солдата... Она оставляла нам мешок сухарей. Так, со страхом, и прожила всю жизнь. Она свою чашу испила до конца».

Главным смыслом жизни в то трудное время для Янины Антоновны оставались дети. И одной из причин неприятностей, навалившихся на семью, она считала польское происхождение. Чтобы вырастить сыновей и уберечь их от бедствий, мать перестала говорить на родном языке, пыталась забыть все «польское»: «Она хорошо говорила на польском языке. Но как отца забрали, она забыла этот язык. Она письма все уничтожила, фотокарточки все уничтожила. Даже стала писать Анна, а не Янина. Полячка превратилась в русскую. Так же, как и я – я уже русским в паспорте был записан».

Тем не менее, но и происхождение, и арест отца сказались на детях, повлияли на важные вехи их жизни, предрешили в судьбе Льва Иосифовича будущую профессиональную деятельность: «Мама хотела меня отдать в Суворовское училище. Но я комиссии не прошел. Хотя и я писал во всех анкетах, что отец умер в тридцать восьмом году, все прекрасно понимали, что это значит. Для мандатной комиссии секретов не было. Потом поступал в артиллерийское училище. Не прошел – якобы из-за зрения. Может быть, и так. Потом поступал в институт лесотехнический. Как мне хотелось быть лесником! Опять не прошел: баллов не хватило. А на самом деле снова мандатная комиссия меня не пустила, я потом это понял. Не очень хотел идти в строительный, но что делать – стал строителем».

Возможно, отречение в советское время от всего «польского» и оторванность от польской культуры повлияли на этническую самоидентификацию Льва Иосифовича: «Я прожил большую часть в России, считаю себя русским». Тем не менее, в глубине души, а, может быть, в генетической памяти он сохраняет приверженность и симпатию к польскому народу: «Я люблю поляков, все польское... Фильмы польские – просто млел от них». Не может уйти бесследно и то, что впитывалось незаметно с детства, что было частью мировосприятия и без чего терялись бы связи между прошлым и будущим – это традиции. Они, как небольшая «частица души» польского народа, продолжают жить и в памяти, и в семейных обычаях. Мать, Янина Антоновна, по обыкновению готовила польские блюда – бигос, всевозможную выпечку. Также, по обычаю или по привычке, украшала дом в праздничные дни, ставила елку на Рождество, пела польские праздничные молитвы и песни, пусть даже и отмечала праздники не по католическому, а по православному календарю. Петь Янина Антоновна особенно любила: «Когда становилось немножко полегче, мама иногда пела. Она хорошо пела. И в концертах самодеятельности участвовала. И пела по-польски песни. Пела со сцены. У нее всегда артистично очень получалось. И всегда за столом поднимала рюмочку. Все-таки у нас, у поляков, есть своя гордость». Янина Антоновна, прожившая большую часть жизни в России, настолько хорошо владела польским языком, что это удивляло даже родственников из Польши. Родные сестры Янины Антоновны, Эмилия и Фелиция, оставались на территории Белоруссии, а брат Валенто закончил Варшавскую консерваторию – он уехал на родину еще в 1920 г. и остался там. В советское время контакты с Польшей были затруднены, связь с братом утеряна. Неожидаанные известия о его судьбе семья получила будучи в гостях у родственников в Белоруссии: «Мы нашли ее брата, поляка... Вот были три сестры: тетя Феля, тетя Эмилия и моя мама. Умерла тетя Феля, тетя Эмилия осталась. Мы поехали к ней в гости в Копыльский район Минской области. Познакомились со всеми ее детьми. Одновременно там же, в Белоруссии, находились два поляка – Гарольд и Ева. Мы разговорились и спросили: “Ева, вы поедете в Польшу? У нас там живет мой дядя, Олехнович”. – “Так они у нас на свадьбе играли, это известный музыкант!”».

После этого завязалась переписка. «Когда мы нашли наших родственников, Олехновичей, то первое письмо написала Мария, жена брата. В Москву написала, на польском языке. И

мама Янина ответила ей на польском. Богуслав так удивляется: как же вы одна там, где вообще нельзя было разговаривать по-польски, сохранили это умение?...».

Эти радостные события, долгожданные встречи с родственниками снова и снова возвращают Льва Иосифовича Яблошевского к корням, к истории своей семьи, сближают с польской культурой, не дают забыть истоки и здесь, в северном Пермском крае, куда его привела судьба еще в 1966 г. и где он прожил большую часть своей жизни.

...А долгие поиски сведений о судьбе отца все-таки принесли результаты. Семья Яблошевских по крупицам собирала их из разных источников и в конце концов получила точные данные: «Когда в 1958 г. прошла реабилитация, я уже был в Улан-Удэ, работал там. Мама мне прислала документы на отца. Там сказано, что состава преступлений нет, реабилитирован посмертно. А где он захоронен, где его могила, никто не знает. И всю жизнь я искал могилу своего отца. Куда только не обращался: и по месту работы, и по месту жительства, и на завод, и на Лубянку в КГБ. Отовсюду приходили стереотипные ответы: архивы затеряны, место захоронения неизвестно. После наших запросов нам наконец-то показали кое-какие документы из КГБ, прислали их сюда из Москвы. Нас вызвали в КГБ, это было еще во времена перестройки, дали прочитать дело, но ничего нельзя было записать... Узнали биографию отца, узнали, что у него было четыре брата. Братьев обвинили как участников заговоров против советской власти. Ни одного дяди в живых не осталось. А еще про отца в первом документе о реабилитации написали, якобы он умер от сердечного приступа в 1944 г. А из присланных позднее документов мы узнали: он был расстрелян 7 апреля 1938 г.».

В поисках отцовской могилы Льву Иосифовичу помог пермский «Мемориал». «Мы с его сотрудниками связались. И они установили, где покоится отец.

Это Бутово, место массовых расстрелов людей разных конфессий, разных национальностей. Беспощадно уничтожали: предварительно экскаватором прорывали траншеи, потом из пулеметов расстреливали. И мы поехали в Бутово. Мы исполнили долг перед своим отцом, нашли его могилу...».

Чтит память деда и самое молодое поколение Яблошевских – внуки и правнуки, которые с пониманием и уважением относятся к своей истории и польской культуре: «Сын считает себя поляком...». Так само время, казалось бы, мчащееся только вперед, постоянно напоминает нам о прошлом...

Польские письма

Источники, раскрывающие ход прошлых событий и судьбы людей, многообразны. Одним из интереснейших видов документов для истории являются письма. Эпистолярный жанр прежде был очень популярен. Это форма общения соединяет людей, находящихся в разных уголках мира, вдали друг от друга. В строчках писем люди делятся своими чувствами, настроениями и переживаниями, рассказывают о событиях своей жизни и последних новостях. Люди хранят письма как память о близких людях, о родине...

К сожалению, не в семейном архиве, а в деле по политическому процессу удалось обнаружить письма, написанные на польском языке и связанные с пермской землей. О владельцах писем (о тех, кто писал, и о тех, кто получал эти послания) известно немного. Письма были изъяты при аресте у Е. И. Барташевича.

Евгений Иванович Барташевич родился в 1923 г. в д. Рудавка Белостокского воеводства, был сыном лесника-осадника. Осенью 1939 г., когда советские войска установили свой контроль на восточных землях Польского государства², Евгений Барташевич учился в предпоследнем классе гимназии г. Августова, а его родители проживали в деревне. Приход советских войск, как пишет Евгений, был принят им холодно: «После того как Красная армия разгромила бывшую польскую армию, территория, на которой я проживал, была присоединена, вернее, воссоединена с Советским Союзом. Я оставался учиться в той же гимназии и в той же гимназической среде. Встретил Красную армию с испугом и враждебностью». В феврале 1940 г. вместе с родителями он был выслан в глубь Советского Союза. По архивным материалам, Евгений Барташевич проживал в пос. Чурочная Красновишерского района Молотовской области, работал лесорубом. За отказ работать в воскресенье он был осужден по статье 58–10 к семи годам лишения свободы. По-видимому, во время этого процесса и были изъяты из семейного архива «польские» письма.

Письма раскрывают короткий эпизод жизни семьи Барташевичей за период их пребывания на современной территории Пермского края, который охватывает почти год: с весны – лета 1940 г. по март 1941 г. От некоторых писем сохранились только отрывки, не все из них датированы, не известны точно все адресаты и отправители. По-видимому, письма предназначались как Евгению Барташевичу (в письмах – Генек), так и его родителям. Написаны они были родственниками, а одно из писем – ксендзом Х. Дембровским (Дембровски, по польскому написанию), оставшимся на родине.

Семья Барташевичей, судя по содержанию второго письма, на Урале была разделена. Ее члены проживали в разных населенных пунктах и общались друг с другом посредством переписки. Лишь изредка им удавалось увидеться. Кто-то из родственников оставался на бывшей польской территории. В их письмах обозначено место отправки – небольшой город Липск на северо-востоке Польши, по современному административному делению входящий в Августовский повят Подляского воеводства.

Письма сообщают о повседневной жизни людей, их надеждах и чаяниях. В них говорится о насущных хозяйственных проблемах, отражается экономическая ситуация в уральской деревне. Из содержания третьего письма узнаем о том, что среди поляков за довольно короткий срок пребывания их на Урале уже заметны ассимиляционные процессы: происходит утрата польского языка, религиозных и народных обычаев, причем как среди детей, так и взрослых. По этому поводу автор письма высказывает большое сожаление. Хотя в четвертом письме, наоборот, говорится о том, что благодаря полякам к вере в Бога приходят русские. Отношения с местными жителями и поселенцами у поляков складывались добрососедские, но в то же

время присутствует настороженность к некоторым лицам. Также об осторожности и опасениях поляков свидетельствуют недомолвки и многоточия в письмах.

Много внимания в письмах уделяется военным событиям того времени в Европе. После нападения Германии на Польшу Англия и Франция объявили Германии войну, от них поляки ждали помощи в освобождении своих земель. Поэтому любая информация о ходе войны ожидалась с нетерпением и принималась с большим интересом. Единственным источником новостей было радио, которое, как можно понять из писем, было доступно не каждому (вероятно, в поселениях поляков в Молотовской области. Подавляющее большинство поселков в то время не было радиофицировано) и очень ценилось. Во всех письмах чувствуется привязанность к родине, надежды на скорое возвращение домой и встречу с родными.

1

02.06.1940 г.

Дорогой отец и Генек,

получили от вас письмо от 26.05.40, за которое сердечно вас целуем. Радует, что вы здоровы и что пока не теряете духа. Держитесь, наши любимые, может, Бог даст, что скоро и для нас выглянет солнце. Минуту назад вернулась с радио и услышала немного новостей. Вот они: немцы затопили два английских судна, везущих продукты; большие битвы разыгрываются в Южной Франции; эвакуируют людей штатских немцев из приграничья Франции в глубину края; в воздушной битве немцы потеряли сорок самолетов и тринадцать потерялись без вести, англичане потеряли семь самолетов. Англичане сильно бомбардируют немецкие города на побережье. Англия понесла большие потери при высадке своего десанта во Франции, потому что немецкие самолеты бомбардировали высаживающиеся войска. К этим известиям нужно, однако, относиться с большой осторожностью, потому что подавались с подачи палачей Берлина. Никаких комментариев из Лондона или Парижа не было. Затем и Россия тоже передает о немцах как о своих союзниках. Достаточно осторожно о потерях английских или французских, хотя и не без удовольствия. Если бы могла слушать радио ежедневно и по три раза в день так, как передают, то разбиралась бы в ситуации гораздо лучше. А так – раз в две недели, и поэтому трудно сориентироваться в ситуации. Что касается радио, то, кроме прослушивания, у меня есть еще ребенок, который не позволяет вырваться из дому, обязанности по дому, поэтому иногда опаздываю, а иногда «радио не работает», а это происходит довольно часто...

2

02.06.1940 г.

Дорогой отец,

отправила тебе открытку с почты, как была 01.06 за деньгами, не знаю, получил ли ты. Так, опишу тебе дорогу. Она была неплохая, половину дороги болото и вода, а половина полями – сухо.

Дошла до дому хорошо, и ноги сильно не болят. Деньги раздала, и ведомость с подписью высылаю вашему коменданту. Заработала по рублю с сотки. Такой порядок установили женщины. Кто идет на почту, тот получает от ста рублей один рубль. А с письма – десять грошей. Думала, в деревнях что-нибудь куплю. Но на деньги ничего нет. На хлеб, табак, ткани можно что-нибудь купить – молока, яиц, а так ничего нет.

Страшная беднота, голод и нищета, даже не верится, что Россия, такая богатая, до этого могла дойти. Купила один литр молока и три яйца по пятьдесят копеек за штуку. Всю дорогу смотрела на ваши горы, и сердце мое болело. А как шла назад и на последней остановке отды-

хала, поплакала, глядя на ваши поселения. Увидимся ли мы еще. Отпуска вам не дают, нас к вам не везут, и так разделили людей в пожилом возрасте.

Так тяжело жить. Если бы вместе, можно было бы хотя бы поговорить, пусть даже поругаться. А так пиши хотя бы часто, пока можно. А может, и это запретят. Получили ли посылку, которую вам везла Ядя Бочковска? Было там: три рубашки, три блузки, три пары носков, двое кальсон, очки. Напиши, получили ли. Позаботься об этой малышке, она сирота, без матери, а отец болен. Она нам помогала дрова носить и рубить. Осторожен будь с Новицким и Печарским, осторожен в разговорах, и также с лесничими, потому что в поселок приходит много разных людей. Если можно, вышли перечень денег на всех...

...Жены, которые мало верят в своих мужей в этом отчаянье и горе, очень сильно тревожатся, должны для себя выяснить определенные вещи и с этой суровой действительностью смириться. А вообще много еще в наших людях есть зла. И, несмотря на множество тяжелых минут в жизни такой, как наша, мы не забываем еще и угнетать своих близких. Но пока хватит, наверно, уже надоела вам моя нотация.

Целую вас крепко и сердечно. А Малинка целует деда крепко-крепко. Она уже сможет это сделать. Очень выросла, уже не помещается в «конверте». Это достаточно крупный ребенок на свой возраст. Жаль, что не можете ее видеть. Скучаем по вас и ждем длинного письма от вас. Мама допишет сама. Целую крепко Люсю, Генка. Напиши немного больше и старательнее о себе и своей жизни.

Пока, Люся.

3

[Без указания числа]

Наш комендант был у вас. Не знаю, но произошли большие изменения с ним. Потому что никогда не разговаривал, а теперь не проходит мимо меня или Люси, чтобы не поговорить. Что случилось, не знаю. Может, это случай с деньгами. А может, что другое, – не знаю. У нас на начало этого случая и новости появляются молниеносно, одним словом, в эту же минуту. Ждем от вас ... письмо до 27-го должно быть.

Как у вас идет работа? Халинка писала, что у них собираются до настоящей и честной работы, вместе с коллегами, а коллег теперь имеют очень много, пусть поработают за нас, старых. Но хватит, будьте здоровы, не переживайте и не падайте духом. Зарабатывайте деньги на дорогу к нам. Кто выслал деньги, ты или Франусь? Вижу из письма, что Люся жалуется Франку, что носится с каждым грошем...

...С кооператором пришли его жена и дети, какое-никакое признание мужчин. Я допущена до этой чести. Когда другим помогаю, могу или совсем не дать слушать, или тоже отправить в контору, где есть усилитель (вероятно, имеется в виду громкоговоритель. – *Сост.*), а там, когда начинаются «Известия», перед носом закрывают дверь.

Как часто жалею, что не забрали мы своего детектора. Теперь могла бы с успехом слушать, потому что даже нашла в корзине совсем новую антенну. Но – не судьба, так случилось.

Что до этих радионовостей, то местные жители, которые нам симпатизируют, советуют не всему слишком верить. Они сами так же поступают. Очевидно, имеют для этого все основания. А некоторые, как эта украинка Кольчицка, говорит просто в глаза, что все равно вы тут долго не будете, вас вывезут в свой край обратно.

Дал бы это Бог, чтобы ее слова исполнились. Например, вчера мама одной из местных жительниц подарила семян салата с таким пожеланием: «Дай Бог, чтобы вам хорошо рос и чтобы вы не успели его съесть». Они, наверное, должны что-то знать. Только нам не хотят говорить.

Очень беспокоит, что наши польские дети, начиная с яслей и на [детских] площадках, теряют свои национальные черты. И это не один случай такой. Обращаются в разговоре только по-русски, не хотят дома креститься и говорят, что то, что имеют, то имеют, но не от Бога, а от С... Как об этом подумаю, так и вздрагиваю, и холодно мне делается. И это только два месяца прошло. А что будет дальше?

Мы пока здоровы, держимся кое-как и как-то справляемся со всем. Не теряем духа и не теряем надежды в лучшее завтра. Плохо только, что все чаще приходят от вас анонимки, что этот или тот муж изменяет своей жене и т. д., у нас происходит большая утрата обычаев и тому подобные истории. Это очень печально...

4

30.07.1940 г.

Сегодня получил письмо пана Яна. До сих пор воздерживался от отправления письма от 16.07. И только сегодня (30.07) выслал. Потому что не было никаких утешительных известий.

Сегодня у меня другое настроение. Несколько дней тому назад в словах первого министра Англии, обращенных к полякам всего мира, прозвучало, чтобы мы не сомневались ни на минуту, что Польша будет свободная и единая. Хотя на одних обещаниях далеко не уедешь. Но, однако, приятно слышать заверения от людей известных, что нас Бог и люди помнят. Местный народ полон надежды, что все изменится. Оглашают нам из надежных источников, что Войско Польское считает не десятки, а сотни, тысячи солдат и находится в Англии в Палеотыне (Палестине?), а может, и в другом месте. Нужно надеяться, что раньше или позже, действительно, выступит Америка. Когда читал Ваше письмо, то пришла мне мысль: если бы можно было прочесть его с амвона, чтобы рассказать, донести до людей, как Господь разными путями приводит к себе.

Несмотря на беды и заботы, вера и ревностное служение католиков не только не слабеют, но, можно сказать, усиливаются. «Просите – и получите, стучите – и вам откроют», – сам Господь сказал. Имею известия, что уже некоторые россияне с помощью сосланных поляков приходят к вере в Господа. «Настоящее миссионерство». Месса в 10.30 у нас по-русски будет за Вас. Дорогие прихожане, 11 августа никаких пожертвований прошу мне не присылать, потому что я буду чувствовать себя обязанным. Дела наладятся, как только я рассчитаюсь с налогами. Поручаю вас, дорогие мученики, милосердию Божию и опеке Девы Марии.

Ксендз Х. Дембровски.

5

Липск, 12.03.1941 г.

Дорогой отец!

В первых словах моего письма сообщаю, что письмо твое получили, за которое сердечно благодарны. Еще получили ваши продуктовые посылки, за них тоже большое спасибо. Еще благодарим за присланные удостоверения. Я подал просьбу в сельпо о внесении в списки Людвики и Ген... и приложил удостоверения.

Дорогой папа, прошу мне написать, насколько дорогие у вас продукты и товары. Это значит, есть ли: носки, чулки, сахар, мыло и т. д. У нас уже, можно сказать, пришла весна. Снег быстро растаял, становится все теплее и теплее. Но птицы не прилетели. Из последних известных мне новостей, хотя это и немного, несколько слов могу написать. Вот в последнее время немцы заняли Болгарию, чтобы зайти с тыла к грекам. Тем временем Англия перебросила около девяносто тысяч своего войска в Грецию. Ходят слухи, что английские самолеты бомбили Катовице и Краков. В последнее время, как пишет одна из американских газет, Англия

находится в достаточно критическом положении. Англия слишком много имеет жертв в своем «торговом пиджаке».

И, как пишет газета, в этой системе, которая существует теперь, Англия и Америка не будут иметь возможности высылать свои военные материалы. Потому что большое количество подводных лодок кружат по океану, топят суда с военными материалами. Будем надеяться, что Англия с Америкой с этой опасностью с успехом справятся.

А теперь хочется спросить: как у вас дела, живы ли, здоровы? Как там Генек? Здоров ли, чем занимается? Я, как прежде, работаю в сельпо. Получаю сто рублей в месяц, это не очень много. Однако, посчитав еще, что быстрее можно достать что-то такому «чиновнику», как я, то даже много. Но и при этом я получаю какой-никакой опыт работы. Может, когда в жизни это пригодится.

У нас все здоровы, с Божьей помощью. Как-то день за днем проходят. Часто только, когда солнце сильнее пригреет и природа становится веселее и приветливее, человеку на душе становится тяжело, когда вспомнишь о тех «уральских гражданах», которые за тысячи километров работой своей и слезами строят лучшее будущее для П... и, не утратив веры духа и любви когда-нибудь вернутся к своим никогда не забываемым отеческим сторонкам. И тогда начнется новая жизнь, и мы вместе с вами будем строить, воскрешать все старое и находить то новое, что нужно, важно, то, что наше, польское. А весь ненужный мусор выбросим далеко по-за наш край. Только я вас прошу от имени целого, так сказать, народа: не теряйте надежды в Бога и в силы наших близких, которые за наше, ваше и свое будущее проливают кровь.

А теперь заканчиваю. Бывайте здоровы. Жду быстрого ответа.

Целую вас крепко, ваши Барташевичи.

6

Липск, 18.03.1941 г.

Дорогая тетя!

Письмо от 3.03 получил, за которое большое спасибо. Меня очень удивляет, что Люся в таком критическом положении уехала от Вас. А где Генек? Почему Вы о нем ничего не пишете? Тетя, Вы спрашиваете, получили ли мы удостоверение на получение пайков. Получили. И очень Вам за них благодарны. Но пока их не используем. Бронек тоже получил удостоверение. Что касается писем, то не знаю, получает их Бронек или нет. Я вам, тетя, 10.03.41 г. выслал заказное письмо, прошу написать, получили Вы его или нет. Дорогая тетя, немного терпения, немного выдержки и надежды, и тогда увидите свою родную сторонку. Это как будто стоите под счастливой бочкой пороха, и, не дай Бог, искорка упадет на эту огромную бочку. Ну, и что с этого, если она с взрывчатым веществом? Вы вылетели бы далеко-далеко, аж в свою родную сторонку. И тогда уже мы подали бы друг другу руки и наговорились бы вдоволь первый раз за эти много-много дней.

Тетя, еще раз прошу написать что-нибудь о Генке, а то я очень о нем переживаю. Он если иногда и напишет мне, то о своей жизни, а тем более об условиях жизни ничего совсем не пишет. А почему это тетя ничего не напишет об отце? Как он там поживает и чего ему не хватает? Прошу написать, есть ли у отца какие-нибудь брюки для работы. Если нет, то я, может, в кооперативе что-нибудь купил бы и прислал. Тетя, прошу писать много-много и ничего так сильно не опасаться. А какой адрес у Люси? Я бы, может, как-нибудь ей написал. Но пока прощаемся, потому что наш бухгалтер Михал дает работу, и не такую простую. Здоровья Вам, тетя, терпения и надежды. Да исполнятся Ваши мечты. На этом заканчиваю и крепко целую. Ваш любимый Ясь «Яниуков». Барташевичи.

Военные дневники Николая Бунды

В людских судьбах порою отражена вся история страны. Разговорился с человеком – и внезапно все, о чем читал в учебниках и монографиях, что видел в документальных фильмах и изучал в архивах, предстает перед тобой в совершенно ином виде. А если рассказы сопровождаются еще документами, письмами, дневниками... Именно такой оказалась для авторов этой монографии встреча с Николаем Власовичем Бундой, ветераном Великой Отечественной войны, с 1943 г. служившим в Войске Польском.

У Николая Власовича своя история Второй мировой войны. Эту историю он не только пережил, но и запечатлел в ежедневных записях. На тетрадных страницах тесно переплелись личные переживания за страну, за судьбы близких и дорогих ему людей, за судьбу народа, родины. Личные, но неотделимые от судеб людей, находившихся рядом, прошедших через войну.

Обычные анкетные данные: Бунда Николай Власович, дата рождения – 9 мая 1914 г., место рождения – с. Ровенская Речица Речицкого района Гомельской области БССР. Служащий. Владеет языками: русским, украинским и польским свободно.

С сентября 1943 г. по сентябрь 1945 г. – правительственная командировка в Войско Польское. Занимает последовательно должности: командира роты, заместителя начальника штаба 5-го пехотного полка 2-й дивизии Войска Польского.

Начало войны Николай Бунда, постоянный корреспондент газеты «На страже», органа Центрального Совета Осоавиахима, встретил в Узбекистане. «В апреле 1941 г. я еще съездил в Москву, отчитался в редакции, получил соответствующие указания, отказался от командировки в Литву и вернулся в Ташкент – я был корреспондентом газеты по Узбекистану. В первый же день войны позвонил в редакцию в Москву с просьбой направить на фронт, но заведующий корреспондентским отделом ответил: мол, наша газета все время занималась подготовкой населения к войне и будет и впредь работать в этом направлении... Значит, нужно оставаться, ехать в Киргизию и делать материалы для газеты». Однако с началом войны связи с редакцией усложнились, а вскоре и сама редакция переехала в Тюмень. Тогда Николай Власович обратился к военному Республики с просьбой отправить его в армию.

С октября 1941 г. по март 1942 г. Н. В. Бунда находился в г. Фрунзе, был курсантом пехотного училища. Закончив учебу, только что получивший звание молодой лейтенант получил назначение в г. Акмолинск командиром взвода в 232-й запасной полк. В июне 1942 г. его взвод был направлен в действующую армию, а Николая Власовича командир полка оставил – воспитывать очередную смену. Пришлось отправиться из Акмолинска в Фергану, где формировался учебный полк, и готовить для фронта младших командиров.

Одно событие, одна дата изменили личную военную историю Н. В. Бунды.

«1 сентября 1943 г. меня вызвали к начальнику гарнизона. Генерал поинтересовался, знаю ли я польский язык, задал два простых вопроса по-польски. Через пять дней вызвали меня в штаб, велели сдавать роту и ехать в Москву в распоряжение Главного управления кадров. Но зачем – никто не объяснил. В Москву, в резервный полк офицеров ГУК, я прибыл 9 сентября и пробыл там до 14-го. В Москве нас подробно расспрашивали авторитетные комиссии, что-то записывали. И 14 сентября наш старший, капитан, собрал группу и повез поездом до станции Дивово. Высадились в сосняке. Кругом военные в конфедератках. Понял: значит, мы в Войске Польском...». Так Николай Власович Бунда стал служить в Войске Польском и с боями прошел до предместий Берлина. После окончания войны еще три года нес службу в Кракове.

Те далекие военные годы Николай Власович часто вспоминает, листая пожелтевшие страницы дневника, который он вел на протяжении всех военных лет и после войны, с 1941-го до

1948 г. Фиксировал в тетрадках хроники боев, рассказывал о бытовой стороне жизни солдат и офицеров, переписывал письма, полученные из дома, – и осталось на страницах все, чем была наполнена его фронтовая жизнь.

У дневника своя история. Личные записи офицера Бунды вместе с хозяином прошли от Узбекистана до Берлина, побывали в Варшаве и Кракове и, наконец, попали в Пермь, куда Н. В. Бунда переехал в 1960 г. Не раз возникали ситуации, когда дневники могли погибнуть, но, однако, сохранились. Николай Власович вспоминает: «Однажды я уж подумал, что навсегда потерял дневники. Это было на фронте. Но 2 сентября 1944 г. на передовую В. Ярузельский приносит записку: “Товарищ Бунда, явитесь в зенитную роту 240-го полка за своими трудами”. А получилось так.

Неподалеку от наших разведчиков в тылу ночью остановились артиллеристы. Сделали несколько залпов – и сразу убрались. Кто-то успел стащить мои вещи, лежащие в наволочке. По дороге ценное, конечно, забрали, а наволочку с тетрадями бросили. Ее и подобрал политрук. Ярузельский и Новаковский поехали, разыскали роту и, к моей радости, вернули дневники». Бывали ситуации, когда Николай Власович сам должен был отказаться от своих записей и оставить их: «На фронте запрещалось вести дневник, но я все равно вел. Перед выездом из Польши спросил у советского консула в Кракове, как быть с дневниками, можно ли их взять с собой. Он ответил: “Нет, нельзя. Нужно их сдать, а потом в Москве решат, как поступить”. Я все же отважился, решил увезти и взял с собой. Позднее дневники были переплетены, и теперь я с удовольствием вспоминаю свою боевую молодость».

Представляем несколько фрагментов дневниковых записей Николая Власовича Бунды, выбранных из пяти толстых переплетенных томов. В них далекая история представляется такой близкой, что ты, сопереживая герою, невольно становишься соучастником событий.

3 января 1941 г.

Откровенно говоря, я не любитель мемуаров: ведь гораздо интересней жить, нежели вспоминать пережитое, но все же следует вести дневник. Может быть, через некоторые годы все эти мысли мне многое подскажут. Мы редко оглядываемся на пройденный в жизни коротенький путь, лишь изредка задумываемся над тем, что давно прошло. Но бывают все же дни, когда невольно задерживается шаг и набегают на лицо легкое облако задумчивости. И вот хорошо будет заглянуть в дневник, подвести некоторые итоги... Но довольно лирики! Итак, день рождения моего дневника – 3 января. Три дня, как встречен Новый 1941 год. Знаменательная дата. Каждый раз в Новый год острее чувствуешь, что взрослеешь, что открывается новая страница в личной жизни, мысли летят в будущее: «Что принесет мне Новый 1941 год, как развернется дальнейшая жизнь?»

23 июня 1941 г., понедельник

Вчерашний день войдет в историю. Потомки будут с волнением вспоминать о нем. Свершилось то, что естественно и чего следовало давно ожидать. Неслыханное в истории вероломство! Кровавая фашистская клика Германии бросила свои войска на нашу Родину.

Вчера в 4 часа утра немецкие войска перешли наши границы и бомбили наши советские города.

Днем по радио выступал Вячеслав Михайлович Молотов. Как и тогда, в момент наступления на Польшу. Да! Действительно: наше дело правое, и мы победим!

Нет и не может быть сомнений!

Теперь только и разговоров об этом. В трамвае, на улице, в парках – везде и всюду народ толкует об одном: о войне. Советскому народу дороги судьбы, интересы Родины.

Ночью возле моего окна собралась группа школьников: слушали последние известия из Москвы, указы правительства.

Утром послал в Москву телеграмму: “Любой ценой устройте посылку меня в действующую армию зпт выведу без минуты промедления”. Завтра должны обязательно ответить. Что только ответят? Завтра получу ответ. Какой?

Впрочем, только ли моя такая телеграмма! По-моему, весь советский народ посылает такие телеграммы.

Других никто не пошлет!

Время очень напряженное. У нас в Ташкенте жизнь идет своим чередом. Все, как и было. По-старому.

Ничто не нарушает нормального течения жизни.

Как будет вести себя Англия? Это очень существенно. Ее позиция, видимо, определится в ближайшие 2–3 дня.

12 октября 1944 г.

Прага, предместье Варшавы

Итак, зачинаю свою двенадцатую тетрадь дневника. Первую начинал в Ташкенте, в Узбекистане, а вот эту в сердце Польши, в Праге. Как далеко занесла меня судьба за эти четыре года! Кто бы мог думать?

Первую тетрадь начинал тоже в темную ночь, сразу после Новогогода. И не думал, не допускал, что буду в Польше, буду сидеть в Праге. Только что приехал с Вислы. Предполагалась операция, но произошли заминки. Из-за них пришлось отложить: не стоит рисковать даром жизнью людей, ведь она каждому дается всего один раз, и уж если суждено ее израсходовать, то только тогда, когда создастся в этом необходимость, с умом!

Вчера рядом с НП (наблюдательным пунктом. – Ред.) упал подбитый самолет. Разбились наши летчики. Оба молодые и, видимо, хорошие ребята. Один сибиряк, из Омска, другой – казах. Вот где их встретила смерть – на далекой Висле. А ведь им еще жить и долго жить. Но снаряд вражеской зенитки оборвал их жизнь. И мы, товарищи по оружию, скорбим по их смерти. Вечная им память! У меня остался пистолет одного из летчиков, лейтенанта Ильасова.

Летчики отомстили за смерть друзей, не одну бомбу сбросили над вражеским расположением, не один фриц дрожал в смертельном страхе. А они боятся, ой, как боятся бомбардировщиков! Вчера вечером был на участке, где началось наступление. Красная армия пошла вперед. Немца надо сбросить в Вислу. В полуразбитой школе – НП... Отсюда осуществляется управление боем, отсюда десятки глаз артиллеристов, пехотных командиров, минометчиков, преданных и поддерживающих, внимательно следят за полем боя. Телефонисты сообщают туда – на НП, на ОП (огневые позиции. – Ред.), командирам. И там принимаются решения, отдаются приказы, все приводится в движение, запускаются сложнейшие механизмы войск.

Вот по траншее движутся вперед пехотинцы, за ними пошли санитары. Вперед, вперед!.. Немцы выбиты из траншей, но сопротивляются. Каждый метр приходится брать с боем, потом и кровью. Пленный немецкий офицер с разбитой головой говорит, что последний приказ был – ликвидировать прорыв. Пускай попробуют! Мало каши ели! Отошла коту масленица! Не те времена! Не похожи на старые, как пряник на мельницу.

7 ноября 1944 г.

Вавер, предместье Варшавы

Знаменательная дата! Весь далекий теперь Советский Союз сегодня празднует революционный праздник. И в каких хороших условиях. Ведь теперь на нашей улице праздник. Мысленно я в далекой Москве, в далеком Ташкенте. В родных, таких близких сердцу местах!

А я теперь в Вавере, недалеко от Варшавы. Неделью, как отошли от переднего края на отдых. Впрочем, передний край совсем недалеко. Пулеметные очереди оттуда хорошо

слышны. Это не дает забывать, что ты на войне. А то мы устроились совсем по-мирному. Чистые, хорошо обставленные квартиры, кровати. Теплые, теплые печи. Все это после того, что пережито там, на Висле.

Пережито многое. Немало моих старых разведчиков давно в госпитале. Особенно жаль капрала Фридмана. Человек был рожден специально для военной деятельности, такой аккуратный, исполнительный. Но судьбе захотелось решить иначе. Погиб замечательный парень. Помню и ту темную, дождливую ночь, когда переправлялся через Вислу на вражеский берег. Ветреная погода тогда увеличила волну, и нас снесло. На небольшом островке окопались и группами постепенно продвигались вперед. От немцев были в 25–30 метрах. Отчетливо слышали, как они забивали колья в землю, ругались. Сильные эмоции! За час можно пережить значительно больше, чем где-нибудь за месяц.

Висла! Висла! Сколько из-за тебя горести, сколько глаз наблюдателей впиваются сейчас в твои берега, стараясь уловить малейшее движение и затем лаконической, военной записью занести в журнал наблюдения: «В 10.00 между мостами Кербедезя и Северным ж.-д. (квадрат 8902) немцы окапывают пуику и заложили спираль Бруно». И так далее. Все это пойдет в штабдив, затем в штабарм, войдет в разведбюллетени, будет суммироваться, анализироваться. А затем командиры примут решения.

Помню и ту ночь, когда спускали возле моста Кербедезя лодку и отправляли на ней семь разведчиков за «языком». Внимательно, не спуская глаз, следили за безмолвной рекой, ждали возвращения своих товарищей с вражеского берега. И не дождались. Только через четыре дня пришел оттуда один Писпарь. Такова воля войны! Ничего не попишешь. Бывает по-разному. Все это пережитое. А теперь мы на отдыхе. Приводим себя в порядок. На Вислу ушло новое пополнение.

Вечерами усиленно танцую. Одна замечательная варшавянка Эрна (во многом похожа на ленинградскую Лялю) танцует исключительно. И у меня с ней разительные успехи. Говорит, что вот-де когда-нибудь будете рассказывать, что варшавянки научили «танчить». Возможно!.. Варшавянки, впрочем, не только танцам могут научить, они могут также научить любить красиво, с форсом. Эти восточные парижанки!

На Праге бываю редко. Погода стоит хорошая. Ясные, солнечные дни. Изредка проходят дожди, но не надолго. Одним словом, все идет своим чередом. Таково мое Седьмое ноября в этом году. Каково-то будет в следующем? Кто может сказать?

24 ноября 1944 г.

Вечером снова были у Эрны Модельской. Немного потанцевали – «Целую твою ладонь, мадам» и пару фокстротов. Эрна и Бася рассказывали о довоенной жизни в Польше, о балах в Люблине, об огненной мазурке и краковяке. Говорят, очень фигурный, национальный танец. Все возможно!

С Дроздовым (вчера снова был у него) вели переговоры о переводе в заградбригаду. Возможно, что-нибудь и выйдет. Ведь «блат выше Совнаркома». Такая есть пословица. Дроздов – замечательный парень. Хорошо, что Саша Савченко (теперь бедняга крепко ранен) в свое время устроил его в штаб армии.

В медсанбате меня решили положить на операцию. Шут его знает, может, так и нужно. Им виднее, на то они и медики.

Маршал Жуков, теперешний наш командующий 1-м Белорусским фронтом, видимо, решил наступать. Идет большое сосредоточение артиллерии и «катюш». Начнется наступление. А когда наступление, на душе как-то иначе становится. Сапог эжмет – наплевать! Холодно – черт с ним! Полевая кухня запаздывает – леший с ней! В такие дни хочется всех расцеловать. Так думаю, что в эти дни в Москве, наверное, граждане совсем не ссорятся в трамваях, а вежливо обращаются друг с другом.

За последние дни поднажал на письма. Написал: Тамаре – в Москву, Ире – в Томск, Рае – в Константиновку, Осипченковой – в Холм, Копяевой – в Редьчино, Коноровой – в Фергану, хозяйке – в Нагорное, Броне – в Ташкент, Людмиле – в Ташкент, председателю сельсовета – в Федорки. А вдруг найду еще своего отца. Через полмесяца начну получать ответы. То-то будет радость – из «далеких земель» получить письмо.

*С каждой нашей победой,
С боем взятой у врагов,
Письма дальше, дальше едут
От родимых очагов.*

Начал много курить. Иной раз куришь одну за другой. Этому уж научился на войне. Днем видел, как мальчишки играли в войну. Заняли окопы и начали «акцию по уничтожению живой силы». И им еще охота играть в это паскудное дело. Им кажется, что война – это интересно. Чудаки! Сколько слез, печали, горя и тоски из-за нее. И кто ее только придумал?! Адрес Раи: Константиновка, ул. Первомайская, 95. Рае Ф.

28 ноября – 1 декабря 1944 г.

Пролежал пять дней – и хватит. Болезнь проходит, а долежать можно и дома...

Майора Тарана тоже выписывают.

Вот где увидел, что значит война. Рядом на койке два дня мучился раненый, а потом умер. Продержали его на койке еще два часа и затем отнесли в последний путь – в морг.

Вечером на носилках из операционной принесли одного лейтенанта-сапера. От него пахло наркотом. Молодому парню ампутировали ногу. В полусознательном состоянии он бредил:

«...Сейчас я танцевать гопака не буду, о, а как я хорошо танцевал!.. Я не боялся, я не трусливый. Ходил где угодно, и вот наскочил на мину, и кончен бой... Я ничего не вижу, наверное, ослепну...». Вот он молодой, видимо, жизнерадостный парень (не переставал шутить!) – и покалечен на всю жизнь войной. Паршивое дело!

Оперировала его молодая врач Сеньковская. Майор Таран рассказал, что и его она тоже оперировала. А до этого он писал ей нежные письма. Интересный сюжет для рассказа.

12 декабря 1944 г., понедельник

*На позицию девушка провожала бойца.
Темной ночью простились на ступеньках крыльца.
И пока за туманами видеть мог паренек,
На окошке у девушки все горел огонек.
Парня весело встретила фронтовая семья,
Всюду были товарищи – боевые друзья.
Но знакомую девушку позабыть он не мог.
– Где же ты, моя девушка и родной огонек!
И подруга далекая парню весточку шлет,
Что любовь ее нежная никогда не умрет.
Все, что было задумано, в свой исполнится срок.
Не погаснет без времени золотой огонек.
И становится радостно на душе у бойца
От такого хорошего от ее письмеца.
И врага ненавистного крепко бьет паренек*

За советскую Родину, за родной огонек.

Провожая... и пел ей эту песенку. Вот ее и переписал.

15 декабря 1944 г.

Как-то вечером Дроздов прислал машину, и мы «всей братией» поехали к нему. Там было много офицеров. Выпили и танцевали. Дроздов очень хороший парень, выдержанный, ведет себя корректно. А танцует польку замечательно!..

Эрна говорит, что они, польки, привыкли к вниманию, привыкли, чтобы им мужчины всегда говорили комплименты, короче – флиртовали.

Скоро Boze narodzenie (Рождество. – Ред.) – большой здесь праздник. Думаем компанией отпраздновать wigilijnuwieczur (Вигилию, вечер накануне Рождества. – Ред.). Сейчас уже идут приготовления. Надо полагать, что отпразднуем еще здесь, на Вавере, у Модельской на Галицкого, 19. Хотелось бы, чтобы было так.

На занятия еще не хожу. Имею освобождение. Писем ни от кого нет. Писал, писал, а ответов нет. Видимо, ответят к Новому году. Все сразу.

19 декабря 1944 г.

Из госпиталя от своего старого бойца Шварца получил письмо. Он пишет: «Сегодня я считаю для себя радостным днем, ведь от своего командира я получил письмо. Действительно, возможно, с моей стороны большая ошибка, что я к Вам лично ничего не написал. Очень извиняюсь. Всегда и везде буду Вас помнить, как хорошего командира, несмотря на то, что мы должны были тяжелые задачи выполнять...». Приятно и для меня было получить от него письмо. Ведь не знают они, что, если я и ругаю их, а иногда и «гоняю», то все это потому, что хочу сделать из них хороших, настоящих солдат, способных, если попадут в сложную обстановку, выйти из нее победителем. Мне очень бы хотелось, я считал бы самым лучшим для себя событием, если бы удалось выполнить задание и сохранить людей. Ведь им так же, как и мне, хочется жить, хочется увидеть нашу окончательную победу и пожить еще в мирное время.

25 декабря 1944 г., понедельник

Вавер, предместье Варшавы

Три дня уже, как празднуем. Начали с субботы. Вечером у Эрны была елка, на которой были «наша братия», и еще пригласили начальника штаба. Стол хорошо сервирован. Зажгли на елке свечи. Вечер прошел замечательно. Профессор Опалкова на пианино сыграла несколько хороших русских и польских вещей. Особенно хорошо – Шопена.

Елка – хорошая традиция. Здесь она в особенном почете.

Вчера вечером елка у солдат. Собрались тоже все вместе, съели скромный солдатский ужин, зажгли елку, попели песен. Это роднит людей, делает их более близкими.

После елки ужин у Пясецких, а утром сегодня завтрак у Бжезицких. Надо отдать должное: народ чем богат, тем и угощает нас, военных. Патриотизм большой, любовь к армии – тоже.

Вечером пошел смотреть, где и как забавляются наши солдаты, – в один дом, где они собираются на танцы. Дымная(накуренная) комната, еле-еле горит лампа без стекла, по углам стоят пары. Наши солдаты и зенитчицы. Баянист не приехал, но нашли какого-то скрипача, и тот после долгих упрасиваний «благоволит» сыграть один танец. Танцуют сразу все, повернуться буквально негде. Все похоже на колхозные «вечерницы». Вот куда нужно было заглянуть нашим «освятовым», приложить немного силенки, энергии и все это приве-

сти в человеческий, культурный вид. А то они отсиживают, «занимаются мировыми проблемами», а «мелочами» не интересуются. Молодые же люди не могут сидеть без действия и устраиваются, как «понятия их же подсказывают».

С Эрной постепенно назревает конфликт. Дело в том, что она привыкла, чтобы все ей повиновались, чтобы ей никто не прекословил. А я тоже не хочу уступать. И потом – она хочет сидеть сразу на двух стульях, улыбаться одному, заигрывать с другим, интриговать третьего. К черту такое дело! Ниц не выйдет. Нужно отойти. Затем ведь, кажется, есть истина, что если хочешь женщину приблизить к себе, то убегай от нее. Кажется, так?

Вчера один молодой врач, Юра, гадал мне и предсказал, что предстоит небольшая подружка, а перед этим большое веселье и ссора. Чепуха все это! Хиромантия!

Больше писать не буду до тех пор, пока не получу ответа.

27 декабря 1944 г., среда

Праздники продолжаются. Народ гостеприимный. Солдаты вторично получили подарки. Попался и мне: пачка гильз и табак. В гильзе письмо: «Stalowa Wola. Dnia 7.XII.44. Kohany żołnierzu Polski, który walczy na froncie za naszą, ojczyznę, życię ci wielkiego zwycięstwa nad wrogiem i życię ci szczeniowego powrotu do domu rodzinnego. Z kreslam ci te pare slow. Dowidzenia. Basinski Bolesław, kl II gimnazium» [Дорогой польский солдат, который воюет на фронте за нашу Отчизну, желаю тебе большой победы над врагом и счастливого возвращения в родительский дом. Вот эти несколько строк для тебя. Басинский Болеслав, 2 кл. гимназии].

Большое спасибо ему за подарок, и не так за подарок, как за память и за хорошее пожелание. Мне это напоминает маленькую девочку из Фрунзе, которая на посту мне подарила табак. Патриотизм – большое дело! Он помогает воинам переносить лишения боевой жизни, помогает легче переносить одиночество.

31 декабря 1944 г., воскресенье

Как бы там ни было, но заканчивается и этот 1944 год. Суждено мне было пережить и его. Вот как будет с 1945 годом? Проживу ли его? Хочется верить в лучшее.

Этот Новый год встречаю в Польше, совсем близко от Варшавы. У Пясецких собрались на встречу Нового года, выпили за старый и за Новый. Праздновал два раза, сначала по-русски, т. е. когда здесь еще было 10 часов, а затем по-местному, т. е. когда в Москве уже было 2 часа 1945 года. Что-то сейчас происходит в Москве? Как там празднуют?

Такна Вавере встретил Новый 1945 год.

12 января 1945 г.

Бжезины Новы (возле Праги)

В ночь с 10-го на 11-е – знаменательная ночь. Наши разведчики на острове поймали двух «языков». Причем сами понесли мизерные потери. Все мы переживали незабываемые минуты. Разведчики бесшумно по льду приближались к траншеям противника – и затем после трехминутного огневого налета (только одних мин положили на остров 1800 штук!) ворвались в траншею. Операция продолжалась 21 минуту.

Наш бенефис. До нас здесь четыре месяца не могли взять языка, а мы с первого раза взяли. Повезло. На завтра днем возле штаба полка нас всех выстроили, и министр обороны, начальник рудз Войска Польского генерал Роля-Жимерский поздравил с успешной операцией, поблагодарил всех. Всех, в том числе и меня, представили к награждению.

Наши акции повышаются! Хорошо иметь боевую удачу. Одиннадцатого вечером в большом зале в деревне Плудре разведчикам был дан большой ужин. Собрались все участвовавшие в операции, прибыло начальство. Одним словом, разведчики сейчас пошли в гору...

Сегодня ночью наши снова напали на остров и захватили в плен 11 немцев. Часть из них только что ушла из моей землянки. На столе еще осталась газета «Front und Heimat». Отобрали у одного солдата. Да, начало у нас здесь хорошее. Но, говорят, сегодня ночью сменяемся. Куда уходим? Ничего не известно. Попаду ли еще на Вавер? А хотелось бы крепко. Да и не хочется уходить отсюда. Так уже обосновались крепко. Землянка у меня отличная. А теперь снова – что ждет впереди? Такова она, наша солдатская жизнь!

17 января 1945 г.

Яблонная, 16 час. 20 мин.

Никуда далеко не пошли. Вышли только в Яблонную. Вчера переждали здесь наше наступление. Красная армия – сосед справа – пошла вперед. К вечеру немцев сбросили за Вислу. А вечером я уже был в немецких траншеях. Интересно. Только-только здесь был враг, сопротивлялся, а вот сейчас уже мы. В одной землянке, видимо, офицерской, на столе неубранные письма, газеты, одеколон, трубка, коробка с табаком – посылка из Нюрнберга. Ребята нашли валенки, одеяла, фотоаппарат.

Сегодня утром Кулеша ходил в соседнюю дивизию, она уже за Вислой. Мы будем наступать на Варшаву. Итак – в наступление!.. В наступление!.. Сидим, как на иголках. Все ждем приказа выступить. У всех какое-то особенное настроение. Кому из нас суждено дойти до Варшавы, а кому нет? Каждому хочется заглянуть чуть вперед, но, увы, – это тайна.

...Далеко слышны оружейные залпы... На правом фланге идет бой. Освобождается земля, стоная в немецком ярме.

Философ лежит на кровати и говорит, что сегодня будем ночевать в немецких окопах. Все может быть. Мирная жизнь окончилась, начинаются настоящие бои. К Эрне с письмами послали гонца. Вечером привезет ответ. Хотелось еще побывать там разок, но не удалось. Все чаще и чаще ведут пленных. Вот они, «арийские» вояки!..

20 января 1945 г.

Варшава

А за эти дни так много событий произошло. Шестнадцатого перед вечером вышли из Яблонной и переправились по льду через Вислу. Немец ушел дальше. Это был незабываемый момент. Вечерело. Ясный, морозный вечер. И по льду нескончаемым потоком идут пехотинцы, движутся артиллеристы со своими пушками, едут обозники на «фурманках». У всех радостное, приподнятое настроение. Ведь сегодня – праздник, день, которого многие ждали. Только вчера на этой дамбе сидел немец, и не было здесь ходу. А вот сегодня пошли, наши пошли. Прямо на льду немецкое проволочное заграждение. Сукин сын укрепился.

Ночью остановились в какой-то деревушке, ночевали в немецкой землянке. Все готовились к бою, но немец стремительно уходил на Запад. Перед утром 17-го двинулись дальше, на Варшаву.

С разведчиками догнал авангардный 4-й полк. Все ближе и ближе Варшава. Вот часам к 10 утра подошли к Повонзкам – предместью Варшавы. На всякой случай 4-й полк развернул в боевой порядок головной батальон.

Без боя вошли в Варшаву. На окраине нас радушно встречали отдельные жители, угощали горячим кофе. Шесть-то лет они жили под немецким оккупантом. Шесть лет ждали нас, ждали освобождения Варшавы. И оно пришло!..

Догнал нас гонец из Вавера, тот, которого посылал я с письмом к Эрне. Интересное дело. Оказывается, меня там уже похоронили. Приехал туда Новаковский и рассказал, что меня убили и похоронили. В связи с этим получил интересные письма от Эрны и Пясецких. Они пишут, что были очень огорчены моей смертью и несказанно обрадовались, когда приехал мой гонец и оказалось – «буйда с Бундой». Пишут, что мне суждено долго жить. Так как суще-

ствует поверье, что, если кого заживо объявляют похороненным, тот будет долго жить. Хорошо! Нет худа без добра!

Итак, 17 января 1945 г. мы вступили в Варшаву. С разведчиками вылез к центру города. Жалкий вид! Одни развалины, одни груды камня. Уцелели только незначительные здания. В одном доме оказался какой-то склад, ребята его обнаружили и набрали трофеи. На улице встретили только двух гражданских, и то они пробрались из Праги, чтобы посмотреть на красавицу Варшаву, вернее, на то, что некогда было красивейшим городом в Европе. Есть ли мера мести, чтобы отплатить немцам, этим варварам, извергам, так надругавшимся над гордой польского народа, над городом-страдальцем – Варшавой?! Вот так же нужно разрушить их проклятый Берлин, логово зверя!

Эти дни стояли в Варшаве. Был парад. Напротив Дворца Глупного на импровизированной трибуне – президент Берут, премьер-министр Осубка-Моравский, маршал Советского Союза Жуков, главнокомандующий Войском Польским Роля-Жимерский и вокруг – огромная толпа народа. Проходят войска. Прошли вместе с ними мы, наш полк. На первом параде в освобожденной Варшаве. Народ нас приветствовал с великим энтузиазмом, с несмолкаемыми «Нех эсие!» в честь великой Красной армии, Правительства польского, в честь Маршала Сталина.

За это время был в Вавере. Радостно приветствовали меня там, из «мертвых вставшего». Через Вислу переезжают по понтонному мосту, его уже навели наши саперы. Знакомые места. Вот бывший командный пункт 3-го батальона, оттуда не раз мы выходили к мосту Кербедзя. Раньше здесь нельзя было так свободно ходить без риска для жизни. А вот сейчас война ушла далеко на Запад. Поговаривали о том, что переходим и мы в наступление, но потом решили оставить нас в Варшавском гарнизоне. Итак, пока остаемся в Варшаве. Надолго ли? Неизвестно.

21 апреля 1945 г., воскресенье

«Начинаю вот эту 13-ю тетрадь своего дневника в германской деревне Вандлиц, что в 22 км севернее Берлина.

Скоро будет и Берлин! Сколько времени мы стремились сюда, стремились к нашей окончательной победе. И она близка, совсем рядом.

Враг будет сопротивляться. Берлин даром не дается, но все же это жалкие потуги. Грозный рев наших пушек уже слышен здесь. Говорят, что Красная армия и союзники уже дерутся в предместьях Берлина.

Перед вечером двинулись дальше. По шоссе полно войск. Польские, русские... Все движется в одну сторону – на Берлин! Нах Берлин! Мессеры обстреляли дорогой. Но все обошлось благополучно. Ночью приехали в деревушку над озером Леници. Устроились в домике среди леса.

25 апреля 1945 г.

Герсендорф

Двинулись дальше. На Берлин пока не вышли, завернули северо-западнее. Проехали городок Ораниенбург и остановились в деревне Герсендорф.

Почему не идем на Берлин? Там сейчас жестокие уличные бои. Но ненадолго это. Вот вот он падет, несмотря на то, что сам Гитлер принял командование обороной Берлина.

В Герсендорфе вторые сутки. Здесь много русских пленных, особенно девушек. А еще завел меня один разведчик в лагерь, где находились свеженные в Германию девушки, мужчины из Польши, России. Это недалеко от нашей деревни. Зашел в бараки. Девушек было много. Из Чернигова, из Минеральных Вод, из Харькова. Когда я предложил им написать домой письма, то они охотно согласились. Вот одна из них пишет: «Милая мамочка! Дорогие забывае-

мые друзья! Я жива, здорова. Красная армия освободила нас! Счастье близко. Жду встречи с вами. Целую. Нина Литвиненко». Это письмо в г. Пятигорск. Сама Нина – милая девушка, хорошо поет и аккомпанирует на гитаре. А вот второе письмо, в г. Харьков, на Холодную Гору, Кладбищенская улица, Антиповой Елене Семеновне: «Милая мамочка! Я нахожусь еще на старом месте вместе с Верой. Вчера к нам пришли, и теперь мы освобождены. В скором времени едем домой. Твоя дочь Тамара».

Все они хорошие, милые, веселые девушки. Нас принимают, как дорогих гостей. Расспрашивают о своей, не виданной три года Родине. Мы их расспрашиваем о днях, проведенных в Германии. Все они красивые девушки (немцы знали, кого забирать!).

Вечером у командира 3-й роты собрались на вечер, позвали из лагерей девушек, в том числе Тамару, потанцевали с ними и выпили за скорейшее наше и их возвращение на Родину.

Девушки благодарны нам за свое освобождение.

Сегодня днем на велосипеде поехали в лагерь, но он оказался пустым: все уже уехали. Через месяц, может быть, и большие, все они вернутся домой. Вот обрадуются дома!

Из Москвы теперь каждый день получаю письма. От Тамары, от ее мамы, а сегодня даже от Белецкого. Он пишет, что на «отлично» закончил академию и теперь едет куда-то командиром полка. Советует и мне тоже добиваться поездки в Академию. Но разве это от меня зависит? Я бы рад, с дорогой душой.

Тамара совсем пишет, как своя, родная: «Я не стану говорить о том, что и я, и мама будем очень рады твоему приезду, ты сам прекрасно это знаешь...» и дальше: «О моем бывшем муже. Я знаю, что этот вопрос был задан не из простого любопытства, и еще по форме его я почувствовала, что ты ощущал некоторую неловкость, задавая его. Неловкость здесь явно лишняя, наша дружба дает тебе право ставить подобные вопросы, а откровенность в наших отношениях всегда будет гарантировать честный и прямой ответ на них».

А еще раньше в своем письме она писала: «Уже очень поздно. В доме все тихо-тихо, только на улице слышатся чьи-то торопливые гулкие шаги, и причудливые тени пробегают по комнате, когда сквозь шторы проникает свет проезжающей мимо машины. Наверное, у вас там уже весна и солнце, которое ты так ждал, а скоро наступит конец войны и тот день, когда ты сможешь поехать в Москву. Обязательно наступит, и очень скоро. Как радостно будет мне сидеть и заниматься в такой же тихий вечер, когда ты будешь спать, усталый с дороги, в соседней комнате, будешь спать спокойно и знать, что тебя ничто и никто не разбудит».

8 мая 1945 г.

Счастливым день переживает теперь каждый из нас. Официально объявлен конец войне. Сколько каждый ждал этого счастливого дня! И сколько не дождались его... За эти майские дни у нас случилось много событий. Очень жалко, что столько не записывал этих дней.

Первомайские дни встречал в лесу. Даже не удалось поприбавить: все время сидели в боевой готовности. А дальше – все марши и марши. До самой синей Эльбы. 4 мая встретились на Эльбе с союзниками – американскими войсками. Также значительное событие.

Затем жили над Эльбой, в замечательной немецкой деревушке Шенфельд (в переводе на русский – хорошая, красивая). Жили в домике, в лесу, возле железной дороги. Там держали оборону. И 7 мая внезапно приказ: немедленно выступить. Радостно было на душе: ведь идти-то домой. На Восток! Раньше все время стремились на Запад, а теперь вот наконец-то дождались того дня, когда идем обратно.

Выходит, счастье не покинуло меня до самого последнего дня. Дожил до этого счастливого дня – дня окончания войны. Окончание войны! Только подумать!..

Германия капут! Гитлер капут! Берлин капут! И мы с победой возвращаемся. Домой возвращаемся. Снова к мирной, созидательной жизни. О ней мы так долго мечтали, за нее бились и наконец-то добились. Кончились ратные дела.

Форсированными маршами идем пока к Берлину, а затем, говорят, – в Варшаву. Хорошо это. Прекрасно.

В скором времени Варшава снова будет встречать своих героев, свою Варшавскую, теперь уже Краснознаменную 2-ю дивизию им. Домбровского. Нас ведь теперь наградили. Из старых офицеров нас осталось считанные единицы. А так все новые.

Сейчас вот на велосипедах мы вырвались вперед батальона. Сижусь в какой-то немецкой деревушке на крыльце крайнего домика и пишу. Рядом по шоссе идут нескончаемым потоком машины, люди. Все на войну. А на Запад тоже идут колонны французов, бельгийцев, китайцев. Они тоже возвращаются домой. Давно ведь не были дома.

Вот проходит с песнями батальон, идут домой. Сейчас должны подойти и наши.

9 мая 1945 г.

Остановились на отдых в лесу. Тепло. Постелили под развесистым дубом. Погоржельский принес патефон. Заиграла музыка.

Говорили, что вот скоро придем в город.

Станем гарнизоном – и будет скучно по вольной, полной переживаний фронтовой жизни. И сейчас мало верится, что закончилась война, что не надо рыть ячейки, маскироваться от немецких солдат. Не верится, становится как-то дико от того, что тихо, нет выстрелов, нет того приподнятого настроения, какое появлялось перед наступлением. По шоссе ведут колонну пленных фрицев. Наши шутят: «Вот они, чистокровные арийцы, завоеватели мира». Тишина! Не верится, что закончилась война, закончилась великая битва народов. А мы идем нах хаузен, домой идем с победой!

В Берлине, видимо, нам не суждено побывать. Изменили маршрут, и теперь обходим Берлин с северной стороны. Чертовски жалко, что так получается. От Эрны получил письмо. Пишет, что в Люблине была в кино, видела на экране меня и разведчиков, снятых во время торжеств в Яблонной. Возможно. Все возможно! Надо собираться в дорогу. Через пару часов движемся дальше на Восток. Куда-то к польской границе...

** * **

Что тут можно добавить? Конечно, то, что Н. В. Бунда имеет правительственные награды: советские – два ордена и пять медалей; польские – четыре ордена и шесть медалей. Награды получил на фронте, за безупречную службу в Советской Армии и Войске Польском.

В 1960 г. Николай Власович переехал в Пермь. 9 мая 2009 г. отметил свой 95-летний юбилей. Он удивительный рассказчик, беседовать с ним можно бесконечно. Так же интересны и его дневниковые записи. Надеюсь, что дневники Н. В. Бунды в скором времени будут опубликованы и станут одним из источников материалов по истории далекой, но постоянно напоминающей о себе Второй мировой войны.

Дом на Коммунистической

Россия и Польша объединены между собой не только общностью истории и более чем тремя веками межгосударственных отношений. Страны связаны и переплетением конкретных человеческих судеб. Поляки, жившие, а тем более родившиеся в России, существовали между двумя культурами, и в их сознании эти две культуры постепенно превратились в одно целое. Именно этим характерна и семья Гура, жившая в г. Перми. В их деревянном доме на улице Коммунистической переплелись судьбы польских и русских родов, польская и русская культура.

Прадед нашей собеседницы Елены Георгиевны Гура – Феликс Снегоцкий. О нем пани Елена почти ничего не знала, кроме того, что он родился в Кракове в 1842 г. Прадед происходил из древнего и близкого к королевскому рода Снегоцких. Его молодые годы пришлось на времена национально-освободительного движения в Польше, восстаний 1863–1864 гг., и русских, признаться, он откровенно не любил. Елена Георгиевна помнит рассказы бабушки: «Снегоцкий когда-то, еще отец или дед бабки моей, участвовал в польском восстании. Потом восстание подавили, а прадеда [за участие в восстании] в Сибирь сослали. И поэтому он не любил русских. Потом он бежал из Сибири». Долгое время Елена Георгиевна не могла понять позицию своего прадеда, причин его неприязненности к народу, среди которого она выросла: «А я всё у мамы спрашивала: “Мам, а почему он возмущался? Его же русские крестьяне прятали под печками в избах, не выдавали стражникам, помогли ему добраться до Польши. Почему он их ненавидел?” – “Царь – это не народ. А народ тут не причем”, – отвечала мать. Видимо, для гордого пана лишение свободы было самой большой обидой».

Но так уж сложилось, что дочь Снегоцкого, Зофья, полюбила преподавателя русской словесности Антония Карловича Гуру. Поляк по национальности, из Зелена Гуры, он преподавал русский язык: ведь в те времена Польша была частью России. Естественно, в семье Снегоцких тут же возник конфликт: глава семьи не захотел этого брака. И тогда влюбленные решились уехать.

Так будущие бабушка и дедушка Елены Георгиевны Антоний и Зофья переехали в Воронеж, здесь поженились. В Воронеже у них родился сын Ежи – Георгий. Его окрестили в Воронеже в православной церкви, потому что в городе не было католического храма. В 1910-е гг. семья А. К. Гура оказалась в Пермском крае. Антоний Гура работал директором гимназии в Губахе. Перед Первой мировой войной семья переехала в г. Пермь. Сын Георгий в 14 лет крестился в Перми вторично, уже в католической церкви.

В годы Первой мировой войны дед пропал без вести. И бабушка Зофья снова вышла замуж, на этот раз за русского: «Дед, который пропал во время Первой мировой войны, он, оказывается, был в плену. Об этом я узнала, уже будучи совсем взрослой, – вспоминает Елена. – И потом сумел написать бабушке Зофье письмо. В ответном послании она призналась, что вышла замуж за другого, но готова приехать к нему. А он ответил: не надо. Раз уж вышла замуж, то живи».

Георгий Гура рос уже в Перми. В это время поляков в Прикамье, как и вообще в России, было много. «У нас польское общество здесь было. Поляков было очень много, и поляки были образованные люди. И на железной дороге работали всё поляки. Бабка моя работала там секретарем-машинисткой».

В 18 лет Георгий Гура женился на русской девушке Глафире Бакиной. «Они с детства были знакомы», – с теплотой рассказывает про своих родителей Елена Георгиевна. Сама Елена родилась в 1928 г.

Про русского деда пани Елена также вспоминает с теплотой: «Дед работал у купца Ижболдина. Был такой купец в Перми. На углу улиц Куйбышева и Коммунистической (Петропавловской) и сейчас дом стоит – такой длинный. Было три таких дома, сейчас только два осталось. Они... конфеты варили, леденцы делали. Дед всегда был чересчур правильный. Вот придут дети его сестры, полные карманы этих конфет наберут и ходят, грызут. А дед, если и возьмет горсточку конфет для своих детей, то непременно запишет, сколько он взял. Даже милиция однажды призналась: “Если бы все такие были, как Бакин Федор Тимофеевич, то не нужна была бы наша работа”».

От русской бабушки Прасковьи Михайловны Бакиной (Воронцовой) передались семье Гура традиции русской культуры и православной веры.

В этой семье польская и русская культура и традиции переплелись настолько, что различить их дети порой уже не могли. «Бабушка с маминой стороны православная. С отцовской – поляки, католики. А отец дважды крестился – в русской церкви, а потом в католической. И кто он? Не католик, не русский, неизвестно кто». Себя Елена Георгиевна относит уже однозначно к православной культуре: «Я же выросла в православной семье». Русские бабушка с дедушкой, по ее воспоминаниям, каждую субботу и воскресенье ходили в церковь.

Жила семья пани Елены в доме на ул. Коммунистической, в районе современной остановки Борчанинова. «Раньше там липы были большие... они прямо в окна нам смотрели во дворе. Три липы такие здоровые. А еще у нас зимой во дворе горка была. И там делали катушку. Поднимались на катушку, садились на сани-кованки. Открывали свои ворота, открывали ворота в доме напротив. На улице вставали дежурные, потому что по улице машины ходили. В те годы редко, но ходили. Как на санки сядем, с катушки катимся через улицу до речки Пермьки через двор. Вот так и катались. Дежурный посмотрел – машин нет, и мы на санках туда. И по улице Шадринской так же катались».

Традиционные праздники в семье старались соблюдать, отмечали по-православному. «Когда проводились Сочельники, новогодние праздники, мы завешивали окна... А раньше, как нам русская бабушка рассказывала, так они на Масленицу на лошадях, на тройках гоняли. На лошадях катались – будь здоров... По тракту по Казанскому гнали (теперь это шоссе Космонавтов), сколько могли. Кто вперед. Еще друг друга перегоняли. На Масленицу блины пекли».

«На Пасху бабушка пекла куличи. Тесто поставит – тишина нужна, нам не разрешалось даже дверью хлопнуть. Нас вообще не пускали ни на улицу, ни с улицы. Если хлопнешь, тряхнешь, тесто для куличей сразу осядет. И пока выпекается кулич, чтобы не было никаких стуков, шумов. Вышли во двор – всё, домой не заходите, пока куличи не будут готовы. Сама посудина для выпечки не очень большая. В нее вставлялась такая картонная трубочка, и наливалось теста немного, вот столечко. И тесто подымалось, подымалось, подымалось... Потом, когда куличи испеклись, бабушка их доставала из печки и клала на кровать, на подушки. А вот у меня ни один кулич не получился. Я только кексы делала».

Последнее, о чем рассказывает наша собеседница, – это польские балы в Перми в годы Второй мировой войны. «У нас здесь в сорок втором году были поляки пленные. Они объединились в Союз польских патриотов. Ходили тут свободно, только без разрешения никуда не могли выехать. Они же сюда во время войны, как сдавшиеся в плен, прибыли. Вот они балы и устраивали». На встречи с ними приходили те, кто жил и работал в Перми еще в 1920-е гг.: «Они просто вспоминали, как жили». На одном из таких балов тетя Елены Георгиевны по отцу, Люцина, познакомилась с польским паном и вышла за него замуж. После войны, в 1946-м, уехала с мужем в Польшу.

Давно уже нет того деревянного дома на Коммунистической, ныне снова Петропавловской, улице, да и о речке Пермьке помнят разве что старожилы. Но в семейной памяти, в рассказах стариков живет еще старый город, в котором переплетались судьбы разных народов.

«Мы везде дома»

Воспоминания о детстве, школьных годах и студенчестве всегда приятны, в какую бы эпоху, в каких бы местах они ни проходили. Эпоха – это твоё время, его не выбирают, как не выбирают родину. Она – одна, и трепетную память о ней мы проносим через всю жизнь, куда бы ни определили нас судьбы-дороги взрослой жизни. О своём детстве и юношестве, прошедших в небольшом белорусском городке, в одном из компактных мест проживания поляков за пределами Польши, вспоминает Мария Кишинец.

Белоруссия. Шестидесятые годы прошлого века. Сегодня я понимаю, что это была совсем другая история. Районный городок Лида. 70 процентов населения – поляки. Храмы закрыты не все, и особо никто никого не притесняет. В семьях говорили на родном, польском языке. Традиций не забывали, соблюдали старательно. А уж Рождество, Пасха, Троица, День всех Святых – это отмечалось обязательно. Но, конечно, была и ложка дегтя. Жила, помнится, неподалеку бабка, которую в народе прозвали за вредность Гитлером. Она подсматривала, подслушивала и, вероятнее всего, доносила куда следует. Хотя – то была Беларусь, и времена уже были не те. Однако...

Ксендза Лидского храма периодически забирали в органы. Что там с ним было, не знаю, но люди рассказывали, что настоятеля даже били. Сам он, конечно же, молчал. Но после таких отсутствий выглядел, мягко говоря, не очень. И прихожане его лечили, подкармливали. Что было в доме лучшее: мед, удачное варенье, окорок – несли ксендзу. Мой дядя, приезжая из Польши, всегда привозил для него лекарства, витамины. Ждали полуночи, потом шли к ксендзу домой с «передачей». Возвращались уже под утро с новыми рецептами, чтобы потом еще через кого-то передать для него и прихожан какие-то лекарства, мази. Помню, как ксендз гостил у нас дома в один из приездов дяди. Нас, детей, положили спать. А я увидела – и с восторгом: «У нас ксендз!» А мама: «Нет, ты ошиблась, обозналась, забудь...». И это: «...молчи, никому не рассказывай, забудь» – звучало довольно часто.

Взрослые собирались, о чем-то очень эмоционально разговаривали, совещались. Кому-то надо было помочь починить крышу, забор, почистить колодец, отнести яблок, картошки или иногда, когда резали поросенка, мяса, заготовить дров побольше и тоже завезти их каким-то Рутковским, Барташевичам, Сегеням. Эти фамилии всплывают из моего детства. Были и другие, но уже не помню их. Существовала еще одна напасть – налоговый инспектор, который приходил, как говорил народ, «считать свиней», а еще он проверял, не занимается ли кто «предпринимательской деятельностью», скажем, не шьет ли на заказ, чем и занималась моя мама, а это запрещалось. Разрешалось, по-моему, держать только одного поросенка. У нас же было, как правило, два-три. Мужик-инспектор любил выпить и, когда ему требовалось опохмелиться, обходил округу, «проверял». Бывал он и у нас. Мама вздыхала, прятала машинку, отец доставал самогон, а мы, дети, с интересом наблюдали периодически повторяющуюся картинку. Мужчины выпивали и шли в сарайчик считать. Возвращались к столу, спорили. Опять шли считать в сарай. И так, пока всё не сходилось. Инспектор был мужик не плохой, а должность неважная. Его и выгнать не могли – никто не шел на его место. Но это опять же была Беларусь, где все указы-приказы выполнялись формально.

Как положено, в польских семьях воскресным утром вся семья шла в храм. Потом, по заведенной традиции, – на рынок, где встречались все со всеми: родня, друзья, знакомые. Лидский рынок славился не только в Белоруссии: даже пермяки мне рассказывали, что в те годы во время экскурсий в Ригу или Вильнюс целые туристические автобусы заезжали на рынок в Лиду. Польским родственникам в те годы уже разрешалось навещать родню в Лиде. И, отвечая взаимностью за помощь в трудные для Польши времена (лидчане тогда посылали продуктовые

посылки: мед, сало, домашние колбасы, сыр...), теперь, в свою очередь, из Польши привозили красивые вещи, а излишки продавали на рынке, и все самое лучшее для обновления гардероба можно было купить там. Каждая уважающая себя полька хоть одну блузку, но имела с рынка. По тем временам, это 1970 – 1980-е гг., там продавалось практически все. А еще был вариант – поехать в Литву, в Вильнюс. Хотя нас там не очень-то ждали. Но, владея польским языком, можно было узнать: что, когда, где. Взрослые ездили на торжественные службы в католический храм «Остра Брама». И нас, детей, брали с собой. Впечатления с детства яркие. Паломники иногда даже на коленях шли к храму. По дороге многое покупалось для дома: хорошие продукты, конфеты, необыкновенные торты. Обязательно гуляли по городу, по музеям, посещали замок Гедимиаса. А по дороге заезжали в Каунас, летом – в Тракай.

В студенческие годы Вильнюс стал для нас «окном в мир». Мы посещали там концерты органной музыки, в выставочном зале – выставки гобеленов, янтаря, картин. Этот город притягивает меня до сих пор. Последний раз я заезжала туда двадцать лет тому назад. В теплый мартовский день, купив цветы и любимый литовский торт, я уехала в родной город с подарком маме на 8 марта. Тогда еще были времена, когда нам удавалось в году раза по два бывать дома. Самолетом Пермь – Минск я повезла в родную Лиду шестимесячную дочь. В Минске нас встретили машиной, и под Лидой, в Василишках, мы дочку окрестили. Моего отца уже не было в живых, а для бабушки и прабабушки это была большая радость. Мама еще успела порадоваться, когда в конце 1993 года пермским полякам вернули храм. К Рождеству мама из Лиды или дядя из Гдыни высылали в Пермь традиционные «облатки» и посылки с домашней колбасой, сыром и медом от деда. На крестины дочери в Лиде собрались почти все родственники из Польши. Шел 1986 год. Мои польские родственники мечтали приехать ко мне в Пермь, и в их устах это звучало так, как бы я сегодня собиралась отправиться на Северный Полюс. Спрашивали, видела ли я медведя. На что я честно отвечала: мол, сама – нет, но людей, которые видели недалеко от Перми этого зверя, знаю. А вот лоси иногда ходят по улицам. И верили, к моему изумлению! А вот в то, что Пермь – миллионный город, очень большой, как Гдыня, им верилось с трудом. Хотели увидеть наш город, но, к сожалению, не судьба.

Наш отец умер очень рано, в 45 лет. Он с 1927 г. Был у него брат-близнец, которого убили в годы войны (моя бабушка опознала сына только по вышитой сорочке). У папы было тяжелое военное и послевоенное детство и отрочество. Его отец, наш дед, уехал на заработки, кажется, в Аргентину или Бразилию. Наш отец был в семье старший, надо было помогать матери поднимать младших. Он умел делать всё. Построил практически сам два дома, был хорошим печником. Работал бригадиром строителей (строил Гродненский тонкосуконный комбинат). Как я теперь понимаю, он был хорошим мужем и отцом. Это он, жалея маму, поднимался рано утром, затапливал печь, нагревал воду, а потом вставала мама готовить завтрак. Отец заплетал мне косы, помогал делать уроки, покупал по полкило конфет «Ласточка» в целлофане, лучших на тот момент, и наблюдал за их уничтожением (мне успешно помогала сестра). Жизнь отца – это тот случай, когда говорят: «Нужен и Богу, и людям». Успел порадоваться, что подрастают его дочери, и старшей уже можно подарить тоненькое золотое колечко, и что дочери очень похожи на него. А, умирая, просил нас помогать маме и бабушке. Мужчины у нас в роду умирали рано, и все заботы ложились на женские плечи. Мы потом сами перекрывали крышу, красили дом и оконные рамы, не говоря уже про огород и пару соток картошки. После деда и отца осталась память – старый большой сад, двенадцать соток, который еще до войны посадил дед, и сад молодой, шесть соток, его сажал отец. Отец смеялся, что в саду растет все, кроме персиков и абрикосов. Были еще экзотические желтые сливы, и даже земляника лесная на меже в старом саду, и лещина (орехи собирали осенью и весной из-под куста), несколько сортов черешни. Все наши друзья «паслись» у нас в саду. Во время сбора урожая угощались все соседи и все, кто проходил мимо. Много яблок закладывалось на зиму на хранение: антоновка, черногузы. Мочили яблоки в больших широких кадках с овсяной соломой. У бабушкиного брата, мы его

называли дедом, была пасека. И еще он гнал, по всеобщему мнению, отличный самогон. Первак обязательно привозил сестре, нашей бабушке, как лекарство от всего. Делились тем, что имели, охотно. Если, скажем, сосед приходил, говорил, что заболел ребенок, то непременно давали мед, яблоки, молоко. Бабушка держала корову всю жизнь, до восьмидесяти пяти лет (умерла в восемьдесят восемь). Она пользовалась особым уважением. В соседях и в семье говорили, что ее мудрости хватило, чтобы сохранить в те лихие предвоенные и военные годы всю семью. После войны ее сыновья, мамины братья, уехали в Польшу. Один стал главным инженером крупного металлургического комбината. Другой вышел в отставку в звании генерала. Дочери, моя мама с сестрой, остались в Лиде. Десять лет только переписывались, потом братья получили разрешение приезжать раз в год в Лиду. Помню, как первый раз бабушка с мамой поехали в Гдыню посмотреть, как живет старший сын и брат. А потом на машине поехали к младшему на так называемые «немецкие территории». Поездкой в Польшу бабушка осталась довольна и рассказывала всем, как хорошо живут ее сыновья. Бабушка не получала пенсию, хотя, как она рассказывала, когда-то работала в «гвоздельне», было такое производство по изготовлению гвоздей. И даже так хорошо работала, что была награждена... граммофоном с красной трубой. По тем временам это была большая редкость. Дед был хорошим сапожником. У семьи был большой дом, имелись все необходимые хозяйственные пристройки. Держали лошадь, двух коров, поросят, кур. Как правило, женщины в польских семьях не работали, разве что где-то служили, в какой-нибудь конторе секретарем или машинисткой (поляки между собой называли эту службу так: «служит пером»). Я не могу сказать, что хорошо знаю свою родословную. Нам, детям, далеко не все рассказывали. Уже тридцать шесть лет, как нет отца. И хоронили его 9 мая, в большой и особенно важный для Белоруссии праздник. Шестнадцать лет нет с нами мамы...

Знаю, что в годы войны в бабушкином доме размещалось еврейское гетто. После войны пол, стены, потолок – все пришлось менять. К тому же пропал не только домашний скarb, но книги, молитвенники и – при переправе через Неман – документы. Войну переживали у дальних родственников, то у одних, то у других, по деревням.

После войны оказалось: около бабушкиного дома зияют огромные воронки от авиационных бомб. Пришлось закапывать, равнять, что смогли, и вновь высаживать сад. А оставшиеся ямы так и называли по имени бабушки, на белорусский лад: «Круцы». Потом мы там катались на санках и лыжах.

Семья вела большое хозяйство. У каждого были свои обязанности по дому. Зимними вечерами женщины рукодельничали: шили, вязали, вышивали. Умели и любили готовить, печь, варили отличное варенье. Праздничный стол по тем временам был просто роскошным. Подружки ко мне напрашивались в гости на Пасху, Рождество – посмотреть, как поляки празднуют, послушать польскую речь и песни. Традиции соблюдались в точности, как у дедов и прадедов. Бабушка за этим следила строго.

Была еще одна проблема. В праздники Рождества и Пасхи учителей из городских школ заставляли дежурить в храме, «вылавливать» своих учеников. А потом на школьной линейке выставляли «нарушителей» перед строем и позорили: мол, слушаете своих «отсталых» родителей и ходите в храм. Нужно было обладать изрядной долей сноровки, чтобы как-нибудь не попасться, если дежурили уж очень «правильные» учителя.

В детстве, лет в пять – семь, у меня был привезенный дядей из Польши краковский народный костюм. Потрясающей красоты! Особенно жилет и венки. В этом костюме я ходила в храм и в гости. Но быть белой вороной, на которую все оглядывались, мне быстро надоело. Костюм передали по наследству младшей сестре, потом двоюродным сестрам.

Польский букварь, справочник «Лекарственные растения», воротнички и манжеты, красивую одежду мы имели благодаря польским родственникам. Только молитвенник дядя долго не мог привезти: отбирали на таможне. Пока тетя не умудрилась спрятать его в испачканные

пеленки сына, моего двоюродного брата, над чем вся родня очень долго потешалась. Быт, домашний уклад жизни – все было раз и навсегда размеренно. На каждый день была своя работа. А в воскресенье – обязательный отдых. «Не пожар, – говорила бабушка, – подождет работа». Готовили праздничный обед, выпечку. Подавалась какая-то наливка, настойка. Водку чистую практически не пили, разве что как лекарство – с перцем, или растирали ей спину, ноги. Женщины пили очень маленькими серебряными рюмочками, мужчины – небольшими стопками. Обязательно пели, довольно неплохо.

Если кто-то резал поросенка, то собиралась вся родня. Готовили «юшку (похлебку из крови и хлеба), жарили свежее мясо и сало. Это происходило поздней осенью, ближе к зиме, тогда подавали дедов первак, градусов на пятьдесят-шестьдесят. Мужчины хвалили, женщины морщились. Но бабушка говорила, что при такой жирной еде граммов тридцать не повредят.

Был и свой аттракцион. Отец брал кружку и прямо из грудной клетки кабана черпал и пил кровь, около полулитра. До этого тушу кабана смолили соломой, мыли. В конце разделяли, солили сало, делали колбасы, часть сушили на длинных палках над печкой, часть мяса и колбас коптили, часть отваривали и заливали жиром. Из мяса делали домашнюю тушенку. Топили смалец со специями. Такой мини-комбинат на дому. У родни мне эта процедура даже нравилась, но как-то я вдруг поняла, что и очередной поросенок Васька, которого я почти год кормила, не избежит этой участи, и высказала все, что думаю по этому поводу. Отец меня понял, но заметил: дедушек у свиней не бывает. И в дальнейшем меня просто отсылали куда-нибудь на это время. Но однажды я вернулась домой не ко времени... Проплакала пару часов за шкафом, а потом с месяц не ела мяса.

Детство запомнилось еще тем, что бабушкина корова каждый год «приводила теленочка». Роды принимал отец. А утром нам уже его показывали. И (если это была телочка) бабушка всегда старалась ее продать в хорошие руки, чтобы росла на молоко, а не на мясо.

В школу я пошла, практически не зная русского. Росла ребенком домашним. Улица была строго дозирована. Подружки из польских семей приходили ко мне, потому что у нас был большой сад и двор. Отец нам сделал качели, мама любила угощать детей всем, что имела на это время. Она не работала, а, умея хорошо шить, брала заказы на дом.

В школе я понимала, что мне говорят по-русски, но отвечала по-польски. Надо мной часто смеялись. Но я довольно быстро выучила русский и, как только научилась бегло читать, записалась в библиотеку. Чтение стало моей страстью. До сих пор я очень люблю читать. С первой полочки я стала покупать книги, и на польском языке в Лиде тоже продавались. Стояли ночами в очередях в «Книжном мире» в Лиде, чтобы подписаться на очередное собрание сочинений. Я знала по дням, когда будет привоз и могут «выбросить» книги, привозила книги из всех командировок, особенно заграничных. Моя библиотека сегодня – моя гордость. Даже в один из периодов моей жизни, пока подрастала дочь, у меня была очень увлекательная работа – ответственный секретарь общества книголюбов. Тогда работалось очень хорошо. К нам приезжало много интересных людей, в том числе писателей – прозаиков и поэтов. И с кем бы из поляков я ни разговаривала, русская литература – этот тот мостик между нашими культурами, который всегда был, есть и будет.

Да, мы поляки, мне дороги наши традиции. Мне близка польская культура. Много раз бывала в Польше в музеях, в театрах, на конференциях, на разных творческих встречах. Я всегда привозила домой польскую классику, альбомы по искусству. Это большие ценности для меня и сегодня.

Еще я люблю белорусскую литературу: Я. Купалу, Я. Коласа, М. Шемакина, басни К. Крапивы. И, приезжая на родину, в Лиду, охотно говорю по-белорусски. У меня много друзей среди белорусов. Три года я жила и работала с коллегами из Украины в Германии. Пели песни, ели сало, иногда пили горилку. Поздравляем друг друга с Новым годом до сих пор. А еще я просто обожаю Прибалтику: любимый Вильнюс, Каунас, Ригу, Таллинн с Толстой Маргаритой

и Длинным Томасом. Отпуска мы проводили на Рижском взморье. Мне очень хочется, чтобы упростились наконец визовые процедуры и легко можно было бы поехать по местам моей юности и молодости.

Моя бабушка по отцу прожила девяносто два года. Она полька, жила на границе Белоруссии и Литвы и свободно говорила по-литовски. И мой отец переводил литовские программы по ТВ и пел литовские песни.

Нашей семье повезло – все ушли в мир иной своей смертью, кто раньше, кто позже. Жили по совести, по чести, никому не завидовали, по возможности помогали и родне, и соседям. Было время на все: на работу и отдых, на печаль и на радость. Дядя, который жил в Польше, в Гдыни, учился до пятидесяти лет, вечный студент. Моя младшая сестра уже имела возможность учить польский язык (как факультатив) в Гродненском университете. Оба ее сына в Гродно посещали польскую школу при Полонии, и старший уже учится в Польше. В Гродно в центре города есть красивый храм, куда они ходят на службу по воскресеньям и где мы отпевали нашу маму. Возможность поехать на историческую родину у нас есть всегда. На польской земле еще жива моя тетя, там мои двоюродные братья. Лет с десяти я помню Гданьск, Сопот, Гдыню, «Тригородье», где живут мои родственники.

Вряд ли я уже поменяю место жительства: в Перми я с 1981 г. И, слава Богу, меня сюда не сослали, меня сюда привез муж. Здесь моя семья, мои хорошие друзья, коллеги и просто добрые знакомые.

В моем белорусском детстве было очень много хорошего. Большой дом и очень большой сад. Через сад – дом бабушки с колодцем, где была очень вкусная вода. За оградой – ржаное поле с васильками. Недалеко лес с черникой, земляникой и грибами. В Белоруссии жила моя крестная, которая к праздникам приносила подарки, как водится в польских семьях. В Гродно у меня живет сестра с сыновьями, так что мне есть к кому поехать и в Белоруссию, и в Польшу. У меня есть любимое дело. Это, наверно, много. Этого как раз хватает для того, чтобы быть счастливой.

Все познается в сравнении. Хочется верить, что пережитые моими соотечественниками ужасы уже никогда не повторятся. Польская интеллигенция для российской интеллигенции издает журнал «Новая Польша», где пытается объективно освещать жизнь в сегодняшней Польше, какие-то исторические события.

Мы же здесь – как бы посередине, нам многое виднее и с той, польской, стороны, и с этой, российской. И, наверно, в этом наше преимущество.

Мы везде дома: и в Перми, и в Польше, и в Белоруссии.

Примечания

¹ ПермГАНИ. Ф. 643/2, оп. 1, д. 15466, л. 44.

² 17 сентября – 5 октября 1939 г., в условиях распада польского государства после вторжения на западные его земли Германии, Красной армией была проведена военная операция по установлению контроля над восточными территориями Польши: Западной Белоруссией, Западной Украиной. Эти земли отошли к польскому государству в 1921 г. согласно Рижскому мирному договору, и большинство населения данной территории составляли украинцы и белорусы.

Заключение

Исследование истории и жизни поляков Пермского края на протяжении XIX–XX вв. показало, что миграционные и этнические процессы протекали достаточно разнообразно и динамично. На протяжении всего этого периода мы отмечаем постоянный приток польского населения в Прикамье. Особенно интенсивными добровольные и принудительные переселения поляков в Пермский край были во второй половине XIX – первой половине XX в. Специфика миграционных потоков и насильственных переселений была тесным образом связана с процессами общественно-политического, социально-экономического развития России и сопредельных территорий, отражала влияние внешнеполитических факторов в период Первой и Второй мировых войн.

Миграционные процессы привели к формированию польского массива в инокультурном окружении, причем основными характеристиками этого массива стали дисперсность расселения, высокая степень процессов адаптации и аккультурации при сохранении этнического самосознания, языка и отдельных элементов материальной и духовной культуры.

Современная стадия развития польской диаспоры, наоборот, представляется достаточно стабильной. Миграционные притоки уже не являются факторами современного общественно-политического и этнокультурного развития поляков Прикамья. Среди современных этнокультурных процессов преобладают процессы аккультурации и ассимиляции, происходящие со значительной интенсивностью.

Высокая степень адаптации поляков в пермское сообщество была обусловлена не только близостью двух славянских языков и культур, но также готовностью польских мигрантов встроиться в общественную, социально-экономическую, культурную систему России, особенно во второй половине XIX – начале XX в. Это позволило полякам, при всей немногочисленности их сообщества в Прикамье, внести существенный вклад в развитие экономики, науки и культуры региона.

История пермских поляков явилась отражением сложных и противоречивых отношений России и Польши, когда периоды добрососедства и сотрудничества сменялись временем непонимания и конфликтов. В истории пермских поляков есть немало светлых и ярких страниц, которыми по праву гордятся пермяки, но немало и черных, трагических страниц. История этих отношений отразилась на судьбах пермских поляков, запечатлена в их семейных историях. Без осознания и оценки исторического опыта невозможно двигаться в будущее. И не будем забывать, что более чем двухсотлетняя история поляков в Пермском крае – это часть истории не только польского народа, это часть истории и наследия многонационального сообщества Прикамья. Эта наша общая история.

Список источников и литературы

Полевые этнографические источники

Материалы этнографических экспедиций 2008 г. в г. Перми, г. Кунгуре.

Архивные источники

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва)

Ф. 17, оп. 60, д. 3, 980.

Ф. 17, оп. 7, д. 316, 370

Ф. 17, оп. 60, д. 980.

ПермГАНИ (Пермский государственный архив новейшей истории)

Ф. 61, оп. 29, д. 575.

Ф. 105, оп. 6, д. 116.

Ф. 105, оп. 9, д. 488.

Ф. 105, оп. 12, д. 156.

Ф. 200, оп. 1, д. 400, 404.

Ф. 200, оп. 19, д. 120.

Ф. 200, оп. 19, д. 244.

Ф. 231, оп. 1, д. 21.

Ф. 577, оп. 1, д. 169.

Ф. 641/1, оп. 1, д. 3753, 4268, 4311, 4313, 4611, 5050, 5855, 6203, 7599, 9149, 10114, 11231, 11903, 12236, 12237, 12285, 12650, 13219, 13317, 13353, 13467, 13771, 15466, 16324, 17092.

Ф. 643/1.

Ф. 643/2, оп. 1, д. 15466, 17971, 23124, 23927, 28549, 28475, 29092, 29093.

Архив МЦИПР (Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36»)

Аудиоколлекция

Аудиозапись, кассета «Shacillo», записано в 1998 г. в г. Перми.

Аудиозапись, кассета «Antip_AI», записано в 2000 г. в с. Вильгорт Чердынского района.

Аудиозапись, кассета «Besson», записано в 2000 г. в пос. Ныроб Чердынского района.

Аудиозапись, кассета «Budny», записано в 2000 г. в с. Вильгорт Чердынского района.

Аудиозапись, кассета «Kokochin», записано в 2000 г. в г. Перми.

Аудиозапись, кассета «Repshic», записано в 2000 г. в с. Березовая Старица бывш. Ныробского (ныне Чердынского) района.

Аудиозапись, кассета «Shelga_1», записано в 2000 г. в пос. Ныроб (ныне Чердынского района).

Аудиозапись, кассета «Vesel», записано в марте 2000 г. в г. Красновишерске.

ГАПК (Государственный архив Пермского края)

Ф. 5, оп. 1, д. 1141.

Ф. 22, оп. 1, д. 180, 223.

Ф. 36, оп. 2, д. 17.
Ф. 36, оп. 6, д. 41.
Ф. 37, оп. 6, д. 1094.
Ф. 64, оп. 4, д. 132.
Ф. 65, оп. 1, д. 44, 65, 139, 346, 347, 355, 388, 400, 874, 1023, 1139, 1140, 1141, 1144, 1152, 1156, 1157, 1158, 1159, 1160, 1266.
Ф. 65, оп. 2, д. 245.
Ф. 65, оп. 4, д. 139.
Ф. 72, оп. 1, д. 3, 5, 7, 13, 19, 24, 26, 70, 87, 92, 114, 122, 123, 146, 150, 169, 168, 175, 191, 193, 209, 210, 243, 294, 298, 299, 324, 364, 436, 1020.
Ф. 111, оп. 1, д. 151, 185, 192, 193, 506, 508, 544, 578, 743, 807, 813, 891, 917, 994, 995, 997, 1001.
Ф. 141, оп. 1, д. 3, 10, 13, 14, 16, 26, 33, 106.
Ф. 171, оп. 1, д. 4, 6.
Ф. 172, оп. 1, д. 1.
Ф. 185, оп. 1, д. 266, 326.
Ф. 177, оп. 1, д. 776.
Ф. 297, оп. 3, д. 245, 246, 255, 260, 260а.
Ф. 338, оп. 1, д. 3, 14.
Ф. 398, оп. 1, д. 1.
Ф. 504, оп. 1, д. 1.
Ф. 512, оп. 1, д. 385, 414, 415, 422, 441.
Ф. 556, оп. 2, д. 1.
Ф. 688, оп. 1, д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.
Ф. 937, оп. 1, д. 150.

ГАСО (Государственный архив Свердловской области)

Ф. 24. (Уральское Горное Управление). Оп. 16, д. 190 (предоставлены Л. В. Рябухо, г. Екатеринбург).

АМИиТ ПО СЖД (Архив музея Истории и техники Пермского отделения Свердловской железной дороги)

Литовченко Г. А. Поляки и железные дороги Урала (рукопись).

АПЦПК (Архив (текущий) Пермского центра Польской культуры)

Предложения рабочего совещания председателей полонийных организаций ФПНКА Конгресс поляков России. С.-Петербург, 2008 г.

АСИКМ (Архив Суксунского историко-краеведческого музея)

Воспоминания жителя Суксунского завода Гавриила Андреевича Маношина, 1854 г. р., в/х 141 (рукопись).

Приговоры Златоустовского волостного и Молебского сходов от 1 сентября 1885 г. // Красноуфимский земско-медицинский совет, 30 сент. 1885 г.

Сезон кумысо-воздухо-минерального лечения при Суксунских и Ключевских серных, Красноярских и Морозковских железных водах в 1867 г. (в Суксунском заводе Красноуфимского уезда Пермской губернии)

Воспоминания А. В. Паутовой, приемной дочери М. П. Скалецкой. Записаны Н. Токаревой.

Суксунский районный архив.

Ф. 109. Метрические книги Суксунской Вознесенской церкви за 1851, 1868, 1871 гг. О бракосочетании; Метрические книги Торговищенской Иоанно-Предтеченской церкви за 1917–1919 гг.

Литература и опубликованные источники

Спешилова Е. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917 г. Пермь, 2003.

Адрес-календарь Пермской губернии. Пермь: Изд. Перм. губ. стат. ком., 1881.

Аленчикова Н. Д. Документы о Петре Сцегенном в ГАПО // Уральский археографический ежегодник за 1970 г. Пермь, 1971. С. 277–293.

Аленчикова Н. Д. Обзор фондов Государственного архива из истории польской политической ссылки в Пермской губернии в XIX в. // Музей как центр научной и краеведческой работы на современном этапе: Материалы науч.-практ. конф. Пермь, 1994. С. 119–129.

Аносова Т. Ф. Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестник Челябинского университета. Сер. 7. Государственное и муниципальное управление. 2005. № 1. 2005. С. 60–68.

Базылев Л. Поляки в Петербурге. СПб., 2003.

Батяновский В. Н. Положение депортированного польского населения на Урале в 1940–1941 гг. // Славянский мир на рубеже тысячелетий: Материалы 4-й Междунар. науч. конф. Пермь, 1999. С. 31–32.

Батяновский В. Н. Правовое и материальное положение польских спецпереселенцев на Урале в 1940–1941 гг. // Вестник Пермского университета. 1999. Вып. 4: История. С. 75–86.

Батяновский В. Н. Депортация польских граждан в Пермскую область: (1940–1941) // Политические репрессии в истории России: Тез. науч.-практ. конф. Пермь, 2000. С. 71–74.

Боголюбов А. А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008.

Большая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1978. Большая энциклопедия народов. М., 2007.

Бочковский Ф. Конвейерный допрос // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 50–56.

Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора Прикамья: История и традиционная культура (XX – начало XXI в.). СПб.: Изд-во «Маматов», 2008.

Вакатова Л. Подвиг борцов за свободу // Звезда. 1963. 24 января.

Варзаков В. Польские революционеры в Кунгуре: Из истории польского революционного движения // Сельская новь. 1963, 27 января.

Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1913.

Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 2002.

«...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. Пермь, 2006.

Власова О. Встреча двух культур // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 156–159.

Вниманию поляков // Сибирские стрелки. 1919. 19 марта (№ 46). С. 2.

Воззвание Центрального рабочего комитета Польской социалистической партии к трудящимся Польши с призывом поддержать борьбу русского пролетариата за победу социалистической революции // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Шумейко Г. В. М., 1957. С. 41–48.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV: Вот(кинский) район, Уральская область, Башкирская АССР. Отдел I. М., 1928.

Галигузов И. Ф. Народы Южного Урала: история и культура.

Магнитогорск, 2000.

Гапоненко В. В., Семенов Е. В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья в первой половине XIX в. Улан-Удэ, 2006.

Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799.

Гжибовский А. Зерна добра // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 3–9.

Гладышев В. Перми старинное зеркало. Пермь, 2001.

Гладышев В. Кто не знал Людвигу Ивановича! [О Л. И. Винярском] // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 27–33.

Гладышев В. Ф. «Пристань всяких инородств» // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 103–108.

Гладышев В. Ф. «Забрал в свои руки все управление» // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 103–108.

Гладышев В. Ф. На краю Европы // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 101–102.

Гладышев В. Ф. Трижды реабилитирован: [О Г. Р. Терпиловском] // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 75–99.

Горюнов Д. Отец Анджей Гжибовский: «Главное – не количество верующих, а их качество» // Пермский обозреватель. 2002, 18 марта (№ 8 (68)).

Гурьянов А. Э. Обзор советских репрессивных кампаний против поляков и польских граждан // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 201–202.

Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972.

Десять лет, которые потрясли... Из дневника монсиньора Анджея Гжибовского // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 27–33.

Директива НКВД № 266 от 03.07.1937 г. // Трагедия советской деревни: Документы и материалы. В 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 2004. С. 319. Докладная записка начальника ОТП ГУЛАГ М. В. Конрадова наркому внутренних дел СССР Л. П. Берия о приеме и расселении спецпереселенцев-осадников из западных областей УССР и БССР по различным краям и областям СССР. Не ранее 2 апреля 1940 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 273.

Журналы Красноуфимского уездного земского собрания. 13-я очередная сессия. Доклады управы и комиссии. 1882 г. Кунгур, 1883.

Журналы Красноуфимского уездного земского собрания. 15-я очередная сессия. 1885 г. Кунгур, 1885.

Зверев А. В. Старейшее учебное заведение г. Перми. Пермь, 1908.

Из доклада начальника оперативной группы ПП ОГПУ Пузицкого в ПП ОГПУ об итогах работы по выселению кулачества 2-й категории. 5 мая 1930 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 118.

Из Докладной записки УНКВД Свердловской области в НКВД СССР об окончании операции по антисоветским элементам, харбинцам, немцам и др., 11 декабря 1937 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 298–299.

Интернационалисты. Участие стран Центральной и Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России в 1917–1920 гг. / Отв. ред. А. Я. Манусевич. М., 1971.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004.

Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990.

Казарян П. Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке. Якутск, 1999.

Капелюш Г. И поляк, и русский // Поляки Прикамья. Пермь. 2004. С. 4–6.

Касаткина Н. В. Особенности адаптации этнических групп в современной Литве // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 46–54.

Кожаневский М. Деятельность Центрального гражданского комитета в Сибири (1915–1918) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 299–316.

Красноперов Д. А. Я увез из Перми воспоминания...: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем. Пермь, 1989.

Кунгур в старых фотографиях и документах / Сост. Л. Ю. Елтышева. Кунгур, 1999.

Латыпова В. В. Поляки на Южном Урале в годы Гражданской войны // Исторические чтения: Материалы науч. конф. Челябинск, 1998. Вып. 4.

Люцидарская А. А. Польские переселенцы в сельскохозяйственном освоении Томского уезда // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 30–39.

Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февраль – октябрь 1917 г. М., 1965.

Мариинская женская гимназия в Перми: К пятидесятилетию юбилею (1861–1910). Пермь, 1913.

Мастеровые из поляков, находящиеся в Пермской арестантской роте // Пермские губернские ведомости. 1864. № 13.

Минеев Г. И. Полный адрес домовладельцев губернского города Перми. Пермь, 1886 // Адрес-календарь Пермской губернии на 1888 г. Пермь, 1887.

Митинг польских беженцев // Известия Пермского губернского исполнительного комитета. 1918, 17 февраля. С. 3–4.

Михаляк Я. Прощание у «могильного камня надежды». Уральская граница в воспоминаниях поляков, сосланных в Сибирь // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 108–113. *Мокин К. С.* Стратегия адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: Автореферат дисс. д-ра социолог. наук. Саратов, 2007.

Монздик М. Деятельность Польского общества помощи жертвам войны в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь в истории и культуре польского народа: Пер. с пол. М., 2002. С. 317–326.

Народы России. М., 1994.

Нации и этносы в современном мире: Словарь-справочник. СПб., 1999.

Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2005.

Нея Я. Об истории создания 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа: Пер. с пол. М.: Ладомир, 2002. С. 291–298.

О выезде беженцев-поляков на родину // Сибирские стрелки. 1919. 31 мая (№ 109). С. 4.

Обухов Л. А. Будриса объявили главарем: Большой террор: «польская операция» (1930–1940 гг.) // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 66–73.

Обухов Л. А. Польша была и будет // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 94–100.

Однодневная перепись жителей губернского города Перми, произведенная 7 апреля 1890 г. Пермь, 1892.

Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924. М., 1974.

Орлова-Штишжевская С. А. Участники восстания 1863 г. в пермской ссылке // Путь в историю, пути в истории...: Сборник статей и воспоминаний. Пермь, 2002. С. 121–138.

Офицеров Д. «Замурованный в Перми»: [О И. Р. Калиновском] // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 21–26.

Палецких Н. П. Поляки на Урале в годы Великой Отечественной войны // Тезисы докладов науч.-практ. конф. [посвященной 50-летию Победы]. Челябинск, 1995. С. 84–86.

Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь: Изд. Перм. губ. стат. ком., 1862.

Памятная книжка Пермской губернии на 1880 г. Пермь: Изд. Перм. губ. стат. ком., 1880.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 37. Пермская губерния. СПб., 1904.

Перескоков Л. В. И архитектор, и актер.: [О А. Б. Турчевиче-Глумове] // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 34–44.

Пермские губернские ведомости. 1860. № 3, 4, 6, 9, 10.

Пермские губернские ведомости. 1862. № 13.

Пермские губернские ведомости. 1864. № 11, 12, 13, 17, 49, 85, 90.

Пермские губернские ведомости. 1865. № 46, 47, 90.

Пермские поляки. Пермь, 2001.

Пермь от основания до наших дней: Исторические очерки / Науч. ред. М. Г. Нечаев. Пермь, 2000.

Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 13–30.

Польский бал // Сибирские стрелки. 1919. 25 февраля (№ 24). С. 4.

Польский бал-концерт // Пермские губернские ведомости. 1909. № 264 (10 декабря).

Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития. УланУдэ, 2003.

Поляки в Бурятии. Т. 4. Улан-Удэ, 2003. Поляки в Кунгуре. Кунгур, 2004.

Поляки в России: вехи истории. Краснодар, 2008.

Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. Поляки в России: XVII–XX вв. Краснодар, 2003.

Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.

Поляки Прикамья. Пермь: Пермское книжное издательство, 2004.

Поляки // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М.: БРЭ, 1994. С. 266–269.

Помощь воинам-полякам // Пермские губернские ведомости. 1916. 3 января (№ 2). С. 3.

Помощь полякам – жертвам войны // Пермские губернские ведомости. 1916. 10 января (№ 7). С. 3.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. В 5 т. Т. 2. М., 2000. С. 126–130.

Представитель польского военного комитета в Перми // Сибирские стрелки. 1919. 10 марта (№ 37). С. 2.

Призыв поляков // Сибирские стрелки. 1919. 29 марта (№ 56). С. 2.

Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области. Пермь, 2001.

Распределение населения (обоого пола) в Пермской губернии по национальности по данным разработки материалов переписи 1920 г. // Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 38–39.

Революционеры Прикамья. Пермь, 1966.

Ремезовская Т. Б. Сведения о немцах, поляках, евреях, проживавших на территории Пермской губернии (1823–1917 гг.) // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России: Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции. Пермь, 1995. С. 170–171.

Рогов А. И. Русь и Польша в их культурном общении XIV – начале XV в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.

Романовский А. Как все начиналось // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 89–92.

Русско-польские революционные связи: В 2 т. Т. 2. Восстание 1863 г.: Материалы и документы. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Сборовский В. [Гладышев В. Ф.] Польское присутствие // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 109–118.

Сборовский В. [Гладышев В. Ф.] Польское присутствие // Вечерняя Пермь. 2001, 26 апреля. С. 2–3.

Сборовский В. Польское присутствие // Вечерняя Пермь. 2001. 3 мая.

Сборовский В. Губернский комиссар // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 41–50.

Сборовский В. Палитра как соломинка // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 104–107.

Селицкий А. И. Поляки на Кубани: Исторические очерки. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.

Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001.

Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.

Скочек А. Во время Октябрьской революции и после нее // Под общим знаменем. Сборник воспоминаний. Пер. с польск. В. И. Дворникова. М., 1987. С. 211–228.

Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Редактор Шумейко Г. В. М., 1957.

Спецсводка № 3 СПО ОГПУ о состоянии кулацкой ссылки по Уральской области, не позднее 14 августа 1931 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 156–161.

Спешилова Е. Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. 1723–1917 гг. Пермь, 2003.

Спирков В. А. Участие пленных польских конфедератов в Крестьянской войне в России 1773–1775 // Вестник Ленинградского университета. Серия «История языка и литературы». Вып. 3. 1963. № 14. С. 19–30.

Список владельцев недвижимых имуществ г. Перми. Пермь, 1898.

Список населенных пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ. Свердловск, 1928.

Список населенных пунктов Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Пермский округ. Свердловск, 1928.

Ссылные поляки в Сибири: XVII, XIX вв.: Исследования и материалы. Новосибирск, 2007.

Старцева Е. Я счастлива, что у меня две родины // Поляки Прикамья. Пермь, 2004. С. 133–134.

Старцева М. В. Национальная идентичность и право на национальное самоопределение // Созвездие культур: Материалы из опыта работы Дворца детского и юношеского творчества. Пермь, 2007. С. 120–123.

Старцева М. Польский культурный центр // Жизнь национальностей. 2001. № 4. С. 22.

Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) Екатеринбург-Пермь, 2003.

Терехин А. А. Ссылка в Пермской губернии в XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пермь, 2003.

Токарева Н. «Вам меня не хоронить» // Православная Пермь. 2001, № 2. С. 3.

Токарева Н. Два Александра // Новая жизнь. 1999. № 98. С. 3–4.

ТонФ. Я. Под знаменем революции. М., 1970.

Тоценко Ж. Т. Постсоветское пространство, суверенизация и интеграция // Этносоциологические очерки. М.: РТГУ, 1997. С. 79–89.

Тр-в В. [Трапезников В. Н.]. Польские повстанцы в пермской ссылке [в 1860-х – 1870-х гг.] // Звезда. 1936. 9 июня.

Туркина Т. Возрождение храма // Свет Евангелия. 1999. 24 января (№ 4 (202)).

Устав Пермского Центра польской культуры: [Принят на учредит. собр. в 1994 г.] // Межэтнический мир Прикамья: Опыт этнополит. деятельности Адм. Пермской обл. Т. 2. Пермь, 1996. С. 178–182.

Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963.

Фонды Государственного архива Пермской области: Краткий справочник. Пермь, 1997.

Харитонова Е. Д. Первый книжный магазин в Перми // Урал, 1984. № 11.

Харитонова Е. Д. Книги и идеи А. А. Красовского попали в надежные руки // Петряевские чтения-1991. Тез. докладов. Киров, 1991.

Харитонова Е. Д. Неизвестный польский ссыльный из повстанцев 1863 г. (Иосиф Юлианович (Юзеф) Пиотровский, 1840–1923 гг.): Основатель кн. магазина в г. Перми. М., 1992.

Харитонова Е. Д. Город Пермь в системе политической ссылки в XIX – начале XX в. // Город мой Пермь: Тез. науч.-практ. конф. Пермь, 1993. С. 6–11.

Харитонова Е. Д. След польских ссыльных [в Перми] // Вечерняя Пермь. 1993. 12 февраля, 3 августа.

Харитонова Е. Д. Библиотека польских ссыльных в Перми // История библиотеки – история страны: Тез. докл. и сообщ. науч. практ. конф., посвящ. истории библиотечного дела в Прикамье. 16 нояб. 1994 г. Пермь, 1995. С. 36–39.

Харитонова Е. Д. Библиотека польской диаспоры [в Перми] // Вечерняя Пермь. 1995, 14 февр.

Харитонова Е. Д. Урал поляков не забудет // Вечерняя Пермь. 1995, 14 июня.

Харитонова Е. Д. Вклад в развитие культуры края польской диаспоры Перми // Культурная жизнь Прикамья XIX–XX вв.: Тезисы докладов заседания круглого стола ГАПО. Пермь, 1996. С. 37–40.

Харитонова Е. Д. Документы Государственного архива Пермской области по истории польской политической ссылки // Архивы России и Польши: актуальные проблемы развития и сотрудничества. СПб., 1997. С. 89–103.

Харитонова Е. Д. Ссыльные поляки в Кунгуре // Пермская губерния: история, политика, культура, современность (к 200-летию образования Пермской губернии): Тез. докл. межрегион. науч. практ. конф. Кунгур, 1997. С. 52–53.

Харитонова Е. Д. Об участии архитектора Р. О. Карвовского в возведении Свято-Троицкой церкви в Перми // Татищевские чтения. Екатеринбург, 2001.

Харитонова Е. Д. Право на благодарность // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 16–20.

Чевардин А. В. Судьба польских спецпереселенцев (1941–1943) в Уральском регионе // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 55. С. 226–233.

Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М., 1998. С. 99–116.

Школа польской культуры. Пермь, 2006.

Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.): Учебное пособие. Иркутск, 1995.

Щукина Р. И. Об основных тенденциях этноязыковой ситуации в Пермской области на современном этапе и в аспекте сравнительного анализа // Национальные языки России: региональный аспект. Материалы международной научно-практической конференции (20–21 октября 2005 г., г. Пермь). /Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2005. С. 83–87.

Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

Электронные ресурсы

Библиотека им. В. В. Маяковского [Электронный ресурс]. СПб., 2009. Режим доступа: <http://www.pl.spb.ru/projects/dialog/poland/>

Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. [2004]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

Лепоринская Т. Н. Поляки [Электронный ресурс]. // Пермский край: Энциклопедия. Пермь. 2008. Режим доступа: <http://enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803970142>

Магомедов А. А. Военнопленные «Великой армии» на службе в Сибирском линейном казачьем войске [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml

Майничева А. Ю. Календарная обрядность поляков Сибири: празднование Рождества [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. 2001. № 3. Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/culture/mainicheva9.shtml>.

Медведева М. День рождения костела [Электронный ресурс]. // Звезда. 2005. 10 декабря. Режим доступа: <http://www.religare.ru/article23888.htm>.

Население Белоруссии [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. [2009]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D0%B8>

О поляках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tcheltsov.narod.ru/gen_pl.htm

Польские праздники и обычаи [Электронный ресурс]. // Cracow24. [2007]. Режим доступа: <http://www.cracow24.ru/cracowarticle-260.html>

Польша. Республика Польша. [Электронный ресурс]. Министерство иностранных дел. 2007. Режим доступа: http://geo.poland.su/naselenie_etnos.html.

Поляки Башкортостана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bashkortostan450.ru/culture/kultura-narodov/poliaki/>

Сайт Санкт-Петербургского роддома № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://roddom6spb.narod.ru/>

Хроника Римско-католического прихода святой Анны [Электронный ресурс]. Екатеринбург, [2009]. Режим доступа: <http://www.ekatcatholic.ru/Russian/News/n2807200412.htm>.

Тулльский М. Итоги переписи 2001 года на Украине [Электронный ресурс]. // Демоскоп weekly. 2003. 19 мая – 1 июня (113–114). Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0113/analit03.php>